

К-14038

МИНИСТЕРСТВО
УКРАИНЫ

БРАЗОВАНИЯ

ISSN 0453-8048

ISSN 0320-8281

П325335

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

363'92

ИСТОРИЯ

ВЫПУСК 26

«ОСНОВА»

80-00,

Вестн. Харьк. ун-та. 1992. № 363.

V.N. Karazin Kharkiv National University

5

00295054

“ОСНОВА”

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ

13 ТРА 2005

Вестник
Харьковского университета
№ 363

ИСТОРИЯ

Основан в 1964 г.

В ы п у с к 26

Харків
Видавництво "Основа" при Харківському
державному університеті
1992

Рассматриваются социально-экономические и политические преобразования на Украине в 20-х годах нашего столетия, проблемы новейшей истории зарубежных стран, истории средних веков, античного общества, археологии, историографии, музееведения. Значительный интерес представляют материалы к биобиблиографическому словарю преподавателей исторического факультета Харьковского государственного университета.

Для преподавателей, научных работников, студентов.

Висвітлюються соціально-економічні та політичні перетворення в Україні 20-х років, проблеми новітньої історії зарубіжних країн, історії середніх віків, античного суспільства, археології, історіографії, музеевідання. Значний інтерес становлять матеріали до біобібліографічного словника викладачів історичного факультету Харківського університету.

Для викладачів, науковців, студентів.

Редакционная коллегия: канд.ист.наук, доц. Ю.И.Журавский /отв.ред./, канд.ист.наук, доц.Ю.А.Голубкин /отв.секр./, д-р ист.наук, проф.В.И.Кадеев, д-р ист.наук, проф. А.Е.Кучер, д-р ист.наук, проф. Б.К.Мигаль, канд.ист.наук, доц. Е.П.Пугач, д-р ист.наук, проф. И.К.Рыбалка

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл.Свободы, 4, университет, исторический факультет, тел. 45-71-66

В 0501000000-089
226-92

Заказное ©

Харківський державний
університет, 1992

к-14038

325335

РОЗВИТОК КУСТАРНО-РЕМІСНИЧОЇ КООПЕРАЦІЇ УКРАЇНИ
В ПЕРІОД НЕПУ /1921-1928/

Наше сьогодення примушує настійно шукати і обґрунтовувати нові моделі і форми соціально-економічного розвитку. Сталося повернення до ідей кооперативного руху, цього великого соціально-господарського досвіду людства. Сутність сучасної кооперативної політики в законі "Про кооперацію в СРСР" визначається як вільний вибір форм об'єднань – промислово-кустарної, житлової, збуто-постачальної, кредитної, сільськогосподарської кооперації, що мали місце в нашій історії. Сучасний підхід до кооперації має увібрати як глибокі традиції кооперативного руху в нашій країні, так і досвід кооперативних систем Західної і Східної Європи. Адже на кінець 20-х років кустарі та ремісники України давали 20 % всієї продукції, що задовольняла масового споживача [14, с.423], а зараз промислово-кустарна кооперація Чехословаччини виробляє 45 % меблів, взуття, швейних виробів, в Угорщині – забезпечує 18 % виробництва продукції легкої промисловості [4, с.37].

Впродовж останніх десятиріч досвід кооперації 20-х років вивчався досить мляво /окрім колгоспної форми/, бо суспільство не формувало такої потреби; більше того – кооперативна форма власності згорталась. Тому на відміну від розмаїття літератури 20-х років з проблеми кооперації, в тому числі кустарно-промислової кооперації України, в сучасній історіографії з'явилися лише поодинокі праці [17 – 18].

Кустарно-ремісничка кооперація України, пройшовши через ряд реорганізацій в роки громадянської війни, опинилася на початку 1921 р., як і інші види кооперації, в єдиній, по суті одержавлений споживчій кооперації і, поставлена в жорсткі рамки регламентації, занепала. Безумовно, це було також і наслідком занепаду народного господарства і кустарної промисловості. Якщо до революції кустарі та ремісники /в тому числі і об'єднані в кооперацію/ давали 49.9 % в загальному обсязі промисловості України, то на початок 1921 р. ця частка складала не більше 20 % [27, ф.2, оп.2, спр.607, арк.311]. Абсолютно зникли виробництва, що переробляли напіфабри-

кати для великої промисловості. Уцілили, хоч і значно скоротивши виробництво і збут, промисля по обробітку найпростішої сировини в готові вироби для вузького місцевого ринку [12, с.33]. За даними Укркустспрому на кінець 1920 р. по 12 губерніям України було зареєстровано всього 32367 кустарів /проти майже півмільйона в передреволюційний час/, в основному вони виконували держзамовлення для армії [27, ф.34, оп.12, спр.1239, арк.31].

Неп створив сприятливі умови для розвитку народного господарства, разом з тим почалось і поступове відродження кустарно-ремісничої промисловості та кооперації. На початок 1921 р. на Україні вже було зареєстровано 80 тис. кустарів та ремісників, відроджувалися виробництва, що занепали в роки громадянської війни – по переробці металів, мінералів, тваринницької продукції [12, с.309]. Базою зростання кустарно-промислової кооперації були підприємства кустарів-одноосібників і підприємства кустарів, що працювали разом з сім'ями. Вони часто використовували найману робочу силу і механічні двигуни. Сюди ж входили і майстерні кустарів-надомників, котрі одержували сировину у приватників і їм же здавали готову продукцію. Вони по суті були найманими робітниками дрібнокапіталістичного виробництва. В.І.Ленін вказував, що дрібна ремісничо-кустарна промисловість – найкраща основа для зміцнення економічно всієї нашої справи по будівництву соціалізму [1, т.43, с.81], що необхідно досягти згоди з кустарем і ремісником [1, т.37; с.195].

Постанова НК від 17 березня 1921 р. була першим законодавчим актом, який визначав відношення Радянської влади в умовах непу до приватних підприємств і до кооперації та орієнтував на їх розвиток [27, с.232]. В подальшому постановами НК РРФСР в червні та липні 1921 р. була збільшена кількість підприємств, що не підлягала націоналізації /ті, що мали до 20 чоловік/, на підприємства кустарів та ремісників поширювались всі постанови про охорону праці, найму, учнівства, дозволялось вільно продавати, обмінювати предмети кустарного виробництва [21, с.235–236].

Новий курс економічної політики викликав різке поживлення кустарництва на Україні і привів до зростання кооперативних об'єднань кустарів. За 1921–1922 рр. чисельність зайнятих у кустарно-ремісничій промисловості республіки збільшилась з 80 до 263 тис., міські ремісники складали третину загальної кількості [6, с.146].

Основна маса кустарів, як і до революції, була зосереджена в районах малоземелля і низького рівня розвитку промисловості, в губерніях Подільській /29 %/, Чернігівській /13 %/, Волинській /13 %/, Харківській /12 %/, Київській /10 %/, Полтавській /9 %/ [27, ф.2, оп.1, с.р.607, арк.311-312].

Влітку і восени 1922 р. були проведені заходи по зміцненню кооперації на місцях. Зокрема, на роботу в кооперативні органи були направлені сотні комуністів. "В результаті, - говорив В.П.Затонський на УП Всеукраїнському з'їзді Рад, - українська кооперація дійсно стала на радянську платформу" [25, с.9]. І все ж її становище було далеко не блискучим. Не вистачало досвіду, кадрів, коштів, матеріальної бази, дуже стримано ставились до кооперації кустар і ремісник.

В кінці відбудовного періоду в ремісничо-кустарній промисловості України було зайнято вже 654,6 тис. ремісників і кустарів, з них 485,7 тис. сільського і 218,9 тис. міського населення [27, ф.337, оп.1, с.р.7939, арк.28]. Ці цифри свідчать, що на основі швидко відроджуваного сільського господарства були створені і найбільш сприятливі умови для сільського кустарництва, хоч відсоток міських кустарів також зріс. З початку 20-х років спостерігається зростання кооперативних об'єднань і членів в них. В жовтні 1925 р. було створено 2017 кустарно-промислових кооперативів, в них було 75-76 тис. кустарів [15; 2].

При цьому 65,1 % кооперативів і 67,3 % їх членів працювали в містах, що засвідчує більшу динаміку в розвитку міських кооперативів, хоча сільських кустарів було вдвоє більше, ніж міських.

З початку 20-х років почала формуватися система кустарно-промислової кооперації: першу її ступінь складали виробничі і невиробничі види кооперативів. До першого виду належали трудові артілі, що об'єднували членів на основі сумісного збуту праці; виробничо-кооперативна артіль була об'єднанням ремісників і кустарів в самому процесі виробництва в загальній майстерні при спільному володінні засобами виробництва. До невиробничих видів кооперації відносилися складсько-сировинні товариства, що об'єднували кустарів та ремісників на основі постачання останніх знаряддями праці, матеріалами, сировиною і збутом їх виробів. Сюди ж належали і ощадні кооперативи з кредитними функціями /з другої половини 20-х років - промислово-кредитні/. Отже, маємо три форми кооперативів. Другий ступінь складали районні союзи кооперації, третій - Все-

український центр Укркустспілка до травня 1923 р., "Сільський господар" - до середини 1926 р.. Кустекспорт - до кінця 1928 р. [19, с.61].

Впродовж майже всього періоду непу, а не тільки на перших порах, - як це стверджується в літературі [18], - кустарі та ремісники віддавали перевагу невиробничим формам кооперації, які давали можливість розпоряджатися своїми засобами виробництва і водночас не дозволяли закабалити їх спекулянтам і перекупникам. Наші підрахунки засвідчують, що в невиробничих формах кооперації кустарів і ремісників було в 4,5-5 разів більше, ніж в виробничих [10, с.11, 108]. Тільки з осені 1927 р., з відступом від непу, застосуванням силового тиску, примусу з боку держави на одноосібників-кустарів, почалось більш швидке зростання виробничих форм артілей, в першу чергу - в містах.

Важливу роль на протязі всього періоду непу мали ощадно-кредитові товариства, бо, надаючи кредити кооперації і одноосібним кустарям та ремісникам, вони обмежували вплив приватного капіталу, позбавляючи їх від експлуатації приватним капіталом. В 1926 р. 80 % таких товариств діяли на Правобережній Україні, в районах найменш кооперованих. На 1928 р. в районах діяльності цих товариств було кооперовано до 70 % кустарів, бо саме вони надавали виробничій кооперації і кустарям матеріальні засоби. На балансі цих товариств в 1928 р. було 7,5 млн крб., або 1/3 всіх кредитів, що одержала кустарно-промислова кооперація на цей рік [20, с.36]. Проте слабкою їх ланкою були посередницькі операції в збуті і постачанні, внаслідок чого ці операції йшли в основному через приватну торгівлю.

З організацій другого ступеню /спілок/ в 1922 р. існувало 22 союзи промислової кооперації, в 1925 - лише 8. В цей час існувала думка про ліквідацію всієї системи промкооперації і передачі її функцій до системи сільськогосподарської кооперації [9; 16]. Головний кооперативний комітет при ГНК України /він існував з 1921 по 1931 рр./ спеціальною постановою припинив ці ліквідаційські настрої [8, с.8].

Розвиткові промислово-кустарної кооперації сприяли заходи державних органів по піднесенню кустарництва та заохоченню кооперативних об'єднань. З 1923 р. кустарна промисловість була виділена з групи приватних підприємств і одержала низку пільг, зокре-

ма кустарі і ремісники одержали виборчі права, почали сплачувати менший податок. Уже в 1923/24 р. вони сплачували податок на 25-30 % менший, ніж приватні підприємства такої ж потужності [28, ф.845, оп.3, спр.904, арк.159]. В тому ж 1923 р. кустарі квартирники і надомники були прирівняні в законодавчому порядку до робітників, що створювало юридичну основу контролю за умовами їх праці. В 1924 р. ЦВК СРСР двома послідовно прийнятими декретами звільнив від промислового податку спочатку сільських ремісників і кустарів /за виключенням тих, хто застосовував найману працю/, а потім - і міських ремісників, причому тепер не приймалися до уваги наявність обладнаної майстерні, механічного двигуна та двох учнів. III з'їзд Рад України /травень 1925 р./ в постанові відзначив, що "має бути продовжена і поглиблена взята лінія не тільки в галузі оподаткування, а й в галузі надання кредитів, постачання сировини, напівфабрикатів, заохочення трудового кооперування [22, с.164]. 12 червня 1925 р. Президія ВЦВКу СРСР надала допоміжні пільги сільським кустарям і ремісникам - вони звільнялися від податку при 3-х найманих робітниках [23, с.212]. Постановою РНК СРСР від 4 вересня 1925 р. з кустарів і ремісників були списані борги всіх попередніх років [23, с.448]. Значно полегшувалися умови господарювання кустарів-приватників і членів промкооперації згідно постанови Економічної наради УРСР /УЕН/ від 13 вересня 1927 р. "Про промислову кооперацію", яка була прийнята на розвиток нового "Положення про промислову кооперацію" РНК СРСР від 11 травня 1927 р. Промислова кооперація одержала право вступати в безпосередні зв'язки з кустарями-одноосібниками - давати їм для переробки сировину, напівфабрикати, надавати засоби виробництва, бути посередником у продажу їх товарів. З 1928 р. встановлювався плановий порядок постачання кооперації сировиною, при ВРНГ створювався спецфонд для стимулювання, і залучення до кустарно-ремісничої кооперації кустарів-одноосібників. Промислова кооперація одержала право самостійно заготовляти сировину на території інших республік, а її членами могли стати особи, що до вступу не займалися кустарництвом [27, ф.27, оп.1, спр.2, арк.109].

Пожавлення економічного життя в роки непу, заходи на підтримку кустарництва, природний розвиток кооперації, яка, за словами О.Чаянова "...гнучка в господарській роботі... і є найкращим апаратом там, де вимагається організована місцева самодіяльність,

де в кожному окремому випадку треба гнучко пристосуватися до місцевих умов і врахувати найдрібніші особливості кожного містечка і кожного місяця роботи" [26, с.12], досить швидко дали результати. В 1928 р. кустарно-ремісничка кооперація України займала друге місце в СРСР, її валова продукція склала 529 млн крб. [II, с.148]. Шість галузей нарахувала вона в місті, п'ять - в сільській місцевості і забезпечувала попит жителів виробами деревообробки, металообробки, шкіряними і текстильними виробами тощо.

Першочерговою для кустарно-ремісничої кооперації стала проблема кредитів, де було не все гаразд. Якщо очевидна недостатність державних кредитів /а їх видавалося в двадцять разів менше потреби в розрахунку на одного кустаря/ [3, с.22-24], була більш-менш об'єктивно обумовленою, то нерівномірність їх розподілу між кустарями міста і села, високі проценти кредитування банків тощо - були вагомими прорахунками. Так, кустарі села в 1927 р. одержали 13,6 %, а міські - 86,4 % від сум кредитів [там же]. Це породжувало негативні наслідки. Так, в Київській промспілці 65 % всіх кредитів в 1926 р. було одержано від приватних осіб [5, с.43]. Зважаючи на ці обставини, УЄН 21 липня 1928 р. прийняла рішення про введення довгострокового цільового кредитування з більш низьким процентом /ставки за кредити Держбанку - 9-10 %, Українбанку - II-14 %, Промбанку - 9-13 %/. Засоби йшли на придбання сировини, матеріалів, обладнання і частково для забезпечення збуту [27, ф.337, оп.2, спр.12, арк.42].

Різке погіршення економічної кон'юнктури восени 1927 р., вистіснення госпрозрахункових методів привели і до кризи кустарно-промислової кооперації України. Селянство не купувало кустарних виробів через дорожнечу, а в місті вони не мали попиту. Вихід було знайдено на шляху підпорядкування кустарно-ремісничої кооперації державним органам. РНК УРСР у жовтні 1927 р. постановою "Про врегулювання взаємовідносин державних органів з кооперацією" надав ВРНГ республіки, УЄН, органам влади на місцях право втручатися в господарську, організаційну діяльність, планування, кредитування, заключення договорів в системі кустарно-промислової кооперації. Це вело до деформації природи кооперації. Постановою РНК України від 18 травня 1928 р. в системі кустарної кооперації заохочувалися тільки виробничі форми, яким надавалися широкі права і повноваження: вони могли відкривати свої підприємства в

крамницях, закупляти і продавати вироби одноосібників-кустарів і таке інше [24, с.445]. Потенціал невиробничих форм, а їх була абсолютна більшість серед сільської кустарної кооперації, був приречений [6, с.70], їх зростання майже припинилось в зв'язку з наростаючою тенденцією "одержавлення" кооперації. З 1926 р. до кінця 1928 р. кількість кооперованих кустарів зросла лише на 53 тис. чоловік і склала 172 тис.чоловік [14, с.279].

Отже, розвиток кустарно-ремісничої кооперації України в 20-х роках був об'єктивно обумовлений, виявляв позитивні тенденції. Кустарі та ремісники віддавали перевагу невиробничим формам, як таким, що найбільше виявляли їх інтереси. Курс на одержавлення кооперації, наголос тільки в сторону виробничих форм, розпочатий з осені 1927 р.,привели до занепаду кустарно-ремісничої кооперації на кінець 1928 р.

Список літератури: 1. Л е н і н В.І. Повн.зібр.творів. 2. Б а л и н с ь к и й О. Кустарна промисловість та кустарно-промислова кооперація. Х., 1927. 3. Б р а у д е Я. Кредитование банками кустарно-промысловой кооперации //Вестник промысловой кооперации. М., 1927. № 9. 4. Б у з д а л о в И.Н. Опыт наших друзей учить. Кооперативы сегодня и в будущем. М., 1989. 5. В е с т н и к промысловой кооперации. М., 1927. № 9. 6. Д и н а м и к а народного хозяйства Украины за 1921/22 - 1924/25 гг. Х., 1926. 7. Д р і б н а промисловість України в 1928/29 рр.: За матеріалами Всесоюзного перепису 1929/30 років. Х., 1930. 8. З а р у д н и й С. Українська кооперація на десяти роковини Жовтня. Х., 1927. 9. К а п л а н Д. Кустарная промышленность Украины. Х., 1922. 10. К у с т а р н а промисловість та кустарно-промислова кооперація УРСР. Х., 1927. 11. К у с т а р н а я промышленность и промысловая кооперация в национальных республиках и областях СССР: Материалы переписи 1926 и 1928 годов. М., 1929. 12. К у с т а р н а я промышленность Украины в свете новой экономической политики. К., 1921. 13. К у с т а р н а я и ремесленная промышленность национальных республик: Ежегодник ВСНХ. М.; Л., 1926. 14. Л о з о в о й А. Курс кооперации: Очерк истории и теории кооперации. Х., 1929. 15. Н а р и с передвоенного та сучасного стану кустарно-ремісничої промисловості усієї України: Матеріали до побудування п'ятирічного і

генерального плану. Х., 1929. 16. Народное хозяйство в 1921 году: Материалы к отчету о состоянии промышленности. Х., 1922. 17. Н и з о в а М.В. Стан кустарної промисловості напередодні її соціалістичного перетворення //Укр.іст.журн. 1986. № II. 18. Очерки развития социально-классовой структуры УССР. 1917-1937. Х., 1987. 19. Па ю с о в Н. Кооперация Украины //Вестник промышленной кооперации Украины. Х., 1927. № 7. 20. Ра б и н о в и ч Н. Промышленно-кредитные товарищества Украины //Вестник промышленной кооперации. 1928. № I. 21. Р е ш е н и я партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб.док. за 50 лет. В 5 т. М., 1967. Т.I. 22. С б о р н и к постановлений о ремесленно-кустарной промышленности. М.; Л., 1932. 23. С о б р а н и е узаконений СССР. 1925. № 32. 24. С б о р н и к постановлений о промышленной кооперации и кустарной промышленности. М., 1930. 25. VII Всеевропейский съезд Советов: Стенографический отчет. Х., 1922. 26. Ч а я н о в А. Краткий курс кооперации. М., 1925. 27. Ц Д А Ж Р У Р С Р. 28. Х а р к і в с ь к и й облдержархів.

Надійшла до редколегії 03.10.90.

В.В.КАЛІНІЧЕНКО, канд.іст.наук

БЮДЖЕТ ІНДИВІДУАЛЬНОГО СЕЛЯНСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА УКРАЇНИ В 20-х РОКАХ

Бюджет – розпис прибутків та видатків організації або особи за певний відрізок часу. В.І.Ленін відзначав, що бюджет дає найбільш конкретні дані про селянське господарство різних соціально-економічних типів [1, с.135-158]. У 20-х роках селянські бюджети вивчали економісти Л.М.Литошенко, С.М.Прокопович, Є.З.Волков, О.В.Чаянов, Г.О.Студентський, В.А.Якиманський, А.М.Брянський [2, с.14-21; 3; 5; 12; 13]. Їхній інтерес до бюджетних досліджень був викликаний практичними потребами розвитку сільського господарства у доколгоспний період. Історики розпочали досліджувати бюджети з 50-х років, і до середини 80-х років з'явилось кілька джерело-

знавчих робіт [2; 7]. Конкретних історичних праць про бюджет індивідуального селянського господарства України в 20-х роках, як результат господарської діяльності селянина за рік, нема. Це мета нашої статті.

Почнемо з аналізу основного капіталу селянського господарства, оскільки він складав основу бюджету /табл. I/. Наведені дані свідчать, що різниця в розмірах основного капіталу по посівним групам була величезною. При цьому з роками ця різниця не зменшувалася, а поглиблювалася. Якщо на початку 1923 р. капітал господарства з посівної групи, що мали понад 15 дес. на двір, переважав капітал господарства безпосівної групи в 32 рази, то наприкінці 1926 р. вже в 48 разів [9; II]. В безпосівній групі приріст капіталу мав тенденцію до зменшення. У середньопосівних групах приріст капіталу у процентах за 1923-1926 рр. відбувався швидше, ніж у найбільшій посівній групі [8; 9; 10; II]. Отже, в доколгоспному селі на Україні по свідченням селянських бюджетів при збільшенні основного капіталу заможної верхівки і вимиванню капіталу безпосівної групи передусім зміцнювала своє становище середняцька група.

Т а б л и ц я I

Будова основного капіталу в селянському господарстві України в 1925/26 господарському році в перерахунку на I двір
(Складено автором на основі: [II])

Посівні групи /дес./	В с ь о г о		В т о м у ч и с л і, %				
	крб.	%	Худоба	Будівлі	Реманент	Запаси	Інші
Без посі- ву	62,0	100	-	46,9	28,6	21,9	2,6
З посівом:							
до 2,0	607,57	100	17,6	65,4	7,6	8,4	1,0
2,1-4,0	991,08	100	24,6	54,7	10,1	9,8	0,8
4,1-6,0	1333,55	100	26,2	50,3	12,2	10,1	1,2
6,1-9,0	1627,60	100	28,5	45,7	15,0	9,8	1,0
9,1-15,0	2097,49	100	30,3	41,8	17,1	9,8	1,0
Понад 15	2974,53	100	30,9	38,1	20,3	9,8	0,9
Пересіч- но	1285,55	100	26,6	49,3	13,4	9,8	0,9

II

В усіх групах на першому місці по вартості капіталу були будівлі, потім йшла худоба, крім безпосівної групи, на останньому місці реманент та запаси. Але із збільшенням посіву в господарстві збільшувалася питома вага тих елементів основного капіталу - худоби та реманенту, від яких залежали продуктивність і ефективність господарства. Порівняння питомої ваги вартості худоби і реманенту і вартості будівель та запасів свідчить, що в багатопосівних господарствах була краща органічна будова капіталу, що в свою чергу вказує на продуктивніше ведення господарства. Розмір капіталу в худобі та реманенті на одне господарство свідчить, що його було недостатньо для самостійного ведення господарства в безпосівній і перших посівних групах. Робочих коней на двір в групі з посівом до 2 дес. було в 1925/26 р. лише 0,27 голів, з посівом 2,01-4,0 дес. - 0,75 голів, корів відповідно - 0,59 і 0,81 голови [II, с.108]. З такою кількістю худоби самостійно господарювати було неможливо, вони були змушені вдаватися до найму худоби і реманенту.

Розглянемо питання про гуртовий прибуток пересічного селянського господарства України /табл.2/. Дані свідчать про велику різницю в прибутках між полярними групами селян. Майже в 7 разів гуртовий прибуток господарства з найбільшою посівною групи переважав прибуток безпосівного господарства. Різними були і джерела прибутків. Прибутки від сільського господарства зростали в напрямку від безпосівних до багатопосівних дворів, а від неземлеробських занять, навпаки, зменшувалися в тому ж напрямі. Зокрема у безпосівній групі гуртовий прибуток від несільськогосподарських занять складав 97,3 %, з яких заробітки в наймах складали 80,4 %, а прибутки від здавання власних земельних наділів в оренду - 16,9 % [II]. Ці цифри свідчать, що безпосівні селяни фактично порвали з власним сільським господарством і перетворилися на сільськогосподарських робітників з наділом. В складі прибутків селян від сільського господарства видно, що доходи від рільництва зростали, а від скотарства зменшувалися паралельно із збільшенням посівної площі. Причина цього явища полягає в тому, що із збільшенням посіву в господарстві зростали і трудові затрати в рільництві. Тому селянин не мав змоги одночасно приділяти увагу всім галузям і вибирав найбільш прибуткову. Підрахунки економістів 20-х років показують, що праця в рільництві краще оплачувалася, ніж в скотарстві, а тому із збільшенням посіву прибутки від рільництва зростали [I3, с.36].

Т а б л и ц я 2

Гуртовий прибуток селянського господарства України
за 1925/26 господарський рік в перерахунку на I двір
(Складено автором на основі: [II])

Посівні групи /дес./	Весь гурто- вий прибуток		В т о м у ч и с л і, %				
			Від сільського господарства				Від не- сільсько- господар- ських занять
	крб.	%	Всього	В тому числі			
				Від ріль- ницт- ва	Від скотар- ства	Від інших галузей	
Без посі- ву	324,7	100	2,7	-	-	2,7	97,3
З посівом:							
до 2,0	427,5	100	62,7	31,3	20,8	10,6	37,3
2,1-4,0	677,2	100	77,7	46,0	21,6	11,1	22,3
4,1-6,0	932,5	100	81,6	50,9	20,5	10,2	18,4
6,1-9,0	1151,7	100	85,5	54,1	19,7	11,7	14,5
9,1-15,0	1532,4	100	86,4	56,8	18,3	11,3	13,6
Понад 15	2249,5	100	90,4	64,3	15,6	10,5	9,6
Пересіч- но	910,0	100	81,3	51,0	19,2	11,3	18,5

Розглянемо ринковий обіг у селянському господарстві /табл.3/. Дані свідчать, що в ринковий обіг були втягнуті всі селяни. Але різна була їхня роль на ринку, Групи з посівом до 2 дес. на двір відчували продуктів сільського господарства зтільки, скільки набували, тобто роль їх як товарних виробників була нульова. У безпосівних селян набуття сільськогосподарської продукції на ринку було мало не в 3,5 рази більше, ніж відчуження. Отже, вони на ринку виступали як споживачі продовольчих товарів, а не як продавці. Лише селяни, що засівали понад 9 дес., а особливо ті, що мали понад 15 дес. на двір, відчували сільськогосподарської продукції в кілька разів більше, ніж набували, тобто були основними товарними виробниками. Розглядаючи склад набутої селянами продукції,

бачимо, що в кількісному обчисленні більше купували багатопосівні і безпосівні. Малопосівні, ті, що засівали до 4 дес. на двір, найменше купували продукції, обмежуючись найнеобхіднішими товарами.

Т а б л и ц я 3

Ринковий обіг в селянському господарстві України в 1925/26 господарському році в перерахунку на I двір в крб.
(Підраховано автором на основі: [6])

Посівні групи /дес./	В і д ч у ж е н о		Н а б у т о			
	продуктів сільського господарства	іншої продукції	разом	продуктів сільського господарства	промислової продукції	разом
Без засі- ву	21,29	18,20	39,49	70,37	214,03	284,40
З засівом:						
до 2,0	93,59	25,46	119,05	92,85	96,80	189,65
2,1-4,0	179,51	23,28	202,79	116,88	134,57	251,45
4,1-6,0	244,82	25,59	270,41	127,79	189,47	317,26
6,1-9,0	346,19	23,48	369,67	192,20	225,20	417,40
9,1-15,0	475,24	25,78	501,02	212,44	313,88	526,32
Понад 15	702,02	51,35	753,37	216,14	478,72	694,86
Пересіч- но	258,37	25,51	283,88	141,32	188,01	329,33

Становище їх, як самостійних господарів, було настільки скрутне, що вони були змушені економити на всьому, аби зберегти власне господарство, сподіваючись в майбутньому вибитися в справжні хазяї. В складі набутих продуктів безпосівних господарств переважали речі особистого вжитку та продукти харчування. Із збільшенням посіву на господарство зростала питома вага господарського краму, речей виробничого призначення – реманенту, будівельних матеріалів, худоби тощо. Отже, тут ми спостерігаємо якісну різницю між полярними посівними групами: безпосівні селяни купували товари, які споживали наймані робітники, продавці робочої сили; великопосівні селяни купували товари, які були необхідні господарям засобів виробництва. Середньопосівні селяни займали проміжне становище.

Розглянемо питання про витрати в селянському господарстві на протязі року /табл.4/. Питома вага виробничих витрат /видатків на

Т а б л и ц я 4
Структура витрат у селянському господарстві України
в 1925/26 господарському році в перерахунку на 1 двір
(Складено автором на основі: [1])

Посівні групи /дес./	В, а п р о ц е н т а х				Р а з о м	
	Виробничі витрати	Страховання худоби, буді- вель, посівів	Податки	Фонд спожи- вання	крб.	%
Без посі- ву	1,1	0,3	0,3	98,3	309,0	100
З посі- вом:						
до 2	32,3	0,4	0,9	66,4	456,2	100
2,1-4,0	37,4	0,4	1,5	60,7	681,5	100
4,1-6,0	38,0	0,4	1,7	59,9	927,6	100
6,0-9,0	39,6	0,4	1,9	57,9	1104,5	100
9,1-15,0	40,7	0,4	2,2	56,7	1421,1	100
Понад 15	44,1	0,4	2,5	53,0	2135,6	100
Пересіч- но	38,7	0,4	1,8	59,1	893,4	100

власне господарство/ у структурі загальних витрат селянського господарства збільшувалася в напрямі від малопосівних до великопосівних груп, а питома вага фонду споживання, навпаки, збільшувалася в напрямі від багатопосівних до безпосівних. У безпосівній групі майже всі видатки - 98,3 % - йшли на споживчі товари. Про величину виробничих видатків у цій групі нічого й згадувати - вона мізерна. У групі з посівом до 2 дес. на двір фонд споживання більше ніж вдвічі переважав витрати господарства на виробництво, а в групі з посівом від 2,1 до 4 дес. - у півтора рази. Абсолютних видатків на господарство в цих групах було не досить для задовільного функціонування процесу виробництва. Значно переважав фонд споживання над виробничими витратами і в групах з посівом від 4 до 9 дес. Пояснити факт різкого переважання фонду споживання над виробничими фондами можна лише тим, що виробництво цих середньокішк. груп було спрямоване передусім на задоволення споживчих потреб своєї родини. Переважав фонд споживання і в двох найбільших по-

сівних групах. Але в абсолютних величинах виробничі витрати в групі з посівом від 9,1 до 15 дес. на двір були в 4 рази більші ніж в групі з посівом до 2 дес., а в групі з посівом понад 15 дес. на господарство - більше ніж в 6 разів. Вищою була і ефективність виробничих витрат у багатопосівних господарствах. Так, у 1925/26 р. пересічний селянин з посівом до 2 дес. на двір витрачав на одну десятину сільськогосподарських угідь 69,6 крб., а господар з посівом понад 15 дес. - 42,9 крб., тобто на 26,7 крб. менше [II, с.30-48]. Іншою була і структура виробничих витрат у поларних груп селянства. В групі з посівом понад 15 дес. на двір 50,7 % виробничих витрат припадало на корми худобі та птиці, 16,8 % на насіння, гній та міңдобрива, 4,6 % на ремонт будівель та реманенту, 8,8 % на оренду землі, 5,8 % на оплату праці наймитів, на всі інші виробничі витрати залишалося 13,3 %. У безпосівній групі 80 % виробничих витрат припадало на витрати в несільськогосподарських заняттях, на корми худобі та птиці - 10 %, на всі інші виробничі витрати - 10 % [II, с.60-87]. Отже і ці цифри свідчать, що великопосівні групи селян свою головну увагу звертали на сільськогосподарське виробництво, а безпосівні фактично були відірвані від сільського господарства. Малопосівні господарства, що мали до 2 дес. на двір, на корми худобі і птиці витрачали 51,1 %, на насіння, гній і міңдобрива - 15,2 %, на найми робочої худоби і реманенту, включаючи сюди і найм чужої робочої сили з худобою та реманентом, - 12,7 % витрат, на решту залишалося 21 % [II, с.60-87]. Отже, в цій групі великий відсоток припадав на найми засобів виробництва, що свідчить про їх недостатку. В той же час у великопосівних групах, що засівали понад 15 дес., не лише не бракувало худоби та реманенту, але вони ще змогли розширити власне виробництво за рахунок оренди землі або заробляли на стороні за рахунок здавання в найми засобів виробництва і відпуску своїх робітників з кіннями та реманентом для обробітку наділів своїх односельців. Малопосівні господарі намагалися втриматися як самостійні господарі в сільському господарстві, витрачаючи значну частину коштів на оренду засобів виробництва і всіляко економлячи на фонді споживання, великопосівні селяни витрачали щороку сотні карбованців на господарство, мали можливість поліпшувати якість коней і склад череди, придбати вдосконалений реманент і сортове насіння, приорендовувати землю, тримати

наймитів і, таким чином, розширювати своє виробництво. В типово середньопосівній групі, що мала від 6,1 до 9 дес. на двір, в структурі витрат на виробництво переважали витрати на сільське господарство. Разом з тим, з однієї сторони, вони витрачали 9,8 % коштів на найм робочої худоби і реманенту, а з іншої сторони, 6,2 % на оренду землі і 4,6 % на оплату праці наймитів [II, с.60-87]. Ці цифри вказують на нестійке становище середняка: з однієї сторони він намагався розширити власне господарство, приорендовуючи землю і оплачуючи працю наймитів, а з іншої сторони, частина середняків відчувала брак засобів виробництва і змушена була їх орендувати у верхівки села.

Страхові внески та податки складали в 1925/26 господарському році незначний відсоток – від 0,6 % у безпосівній групі до 2,9 % у великопосівній групі /табл.4/. В наступні роки податки почали швидко зростати і в 1927/28 господарському році вони складали від 1,8 % в безпосівній групі до 12,7 % від валового прибутку у групі з посівом понад 15 дес. на двір [4, с.233].

Перейдемо до розгляду структури видатків селян на споживання /табл.5/. Вони виявилися на диво одноманітними по всіх посівних групах. Основні видатки у споживанні селян припадали на продукти харчування – понад 3/5 від всієї суми фонду споживання.

Т а б л и ц я 5

Структура витрат фонду споживання у селянському господарстві України в 1925/26 господарському році в перерахунку на одну душу (Складено автором на основі: [II])

Посівні групи /дес./	В п р о ц е н т а х							Р а з о м	
	Харчування	Одяг і взуття	Житло	Куль-турні потреби	Освіта	Алко-голь-тю-ти	Інші	%	крб.
Без посі-ву	58,3	23,9	6,4	0,4	0,3	6,3	4,4	100	31,0
З посі-вом:									
до 2,0	63,5	16,7	13,6	0,7	0,1	3,2	2,2	100	77,46
2,1-4,0	63,2	19,4	11,5	0,5	0,1	3,2	2,1	100	88,95

Продовження табл.5

Посівні групи /дес./	В п р о ц е н т а х							Р а з о м	
	Харчу- вання	Одяг і взуття	Житло	Культурні потре- би	Освіта	Алко- голь, тютюн	Ін- ші	%	крб.
4,1-6,0	62,8	20,4	10,7	0,6	0,1	3,0	2,4	100	97,8
6,1-9,0	63,6	21,3	9,4	0,5	0,1	2,1	3,0	100	98,76
9,1-15,0	62,1	22,4	9,0	0,6	0,1	3,2	2,6	100	113,72
Понад 15	61,7	22,6	8,2	0,7	0,3	3,9	2,6	100	140,88
Пере- сiчно	62,9	20,5	10,5	0,6	0,1	3,2	2,2	100	97,57

Така висока частка витрат на харчування свідчить про невисокий життєвий рівень доколгоспного селянина. На цю особливість селянського бюджету звертав в свій час увагу і В.І.Ленін [1, с.138]. Друга по значенню стаття видатків у фонді споживання селянина-одиночки – це видатки на одяг та взуття – пересічно 1/5 від всіх споживчих витрат. Третя по величині стаття видатків фонду споживання – це витрати на житло, включаючи будівництво, ремонт, найм, обстановку, опалення та освітлення – приблизно 1/10 споживчого фонду. Отже, елементарні потреби людини – їжа, одяг, взуття і житло – поглинали 93,8 % фонду споживання селянина-одиночки України в середині 20-х років. Це ще одне свідчення невисокого рівня життя доколгоспного селянина. Видатки на культурні потреби та навчання були мізерними у селян – менше 1 %. Наприклад, на алкоголь та тютюн селяни витрачали в 4,5 рази більше коштів. Структура витрат фонду споживання свідчить також, що по своєму побуту, споживчих запитах село перебувало в середині 20-х років у традиційних межах, успадкованих від минулих часів. Якісних змін у пропорціях витрат селян, скажімо, на культурні потреби і алкоголь, по посівним групам не спостерігалось. Але спостерігалися відмінності в кількості спожитих на душу продуктів харчування та предметів промисловості. Так, в перерахунку на одну людину, в 1925/26 р. в групі, що сіяла понад 15 дес. на господарство, продуктів тваринництва споживали на 32,3 крб., а в безпосівній групі на 10,3 крб., одягу і

взуття відповідно на 31,5 крб. і на 26,6 крб. Великопосівні селяни краще харчувалися і одягалися, ніж малопосівні або безпосівні. Одночасно дані бюджетів свідчать, що безпосівні селяни, в перерахунку на душу, більше споживали продуктів харчування, краще одягалися і взувалися, ніж селяни з сусідніх посівних груп. Так, селяни, що засівали до 2 дес. на двір, споживали на душу харчів на рік на 46,8 крб., а безпосівні – на 48,5 крб., одягу і взуття відповідно на 13 крб. і 21,5 крб., алкогольних напоїв і тютюнових виробів на 2,4 крб. і 5,8 крб. [II, с.104-107]. Отже, безпосівні селяни, фактичні сільськогосподарські робітники з наділом, що порвали з власним сільським господарством, матеріально жили краще, ніж малопосівні селяни, що з усіх сил чіплялися за власне господарство, до мінімуму зменшуючи потреби своєї родини.

В середині 20-х років пересічно на одну душу селяни – одноосібники України споживали за рік борошна всіх гатунків – 195 кг, різних круп – 15,3 кг, включаючи і 3 кг гречки, картоплі – 136 кг, олії – 4 літри, вершкового масла – 1 кг, сала – 6 кг, м'яса – 14,3 кг, риби 4,5 кг, вина – 0,6 пляшки, горілки – 2,5 пляшки [II, с.104-107]. Відхилення по посівним групам, звичайно, були. Так, в групі з посівом понад 15 дес. на двір, на душу припадало по 20 кг м'яса, а в безпосівній групі – 11,5 кг, горілки – 1,9 пляшки у безпосівного і 4 пляшки у великопосівного, борошна – 115 кг у безпосівного і 222 кг у того, хто сів понад 15 дес. на двір [II, с.104-107]. Але це кількісні показники. Що стосується якості харчування, то видно, що основою харчування всіх селян-одноосібників України були хліб і різні страви з борошна або круп і картоплі. М'яса, вершкового масла споживали, в порівнянні з раціональними нормами, мізерну кількість. Селяни не зловживали, в своїй переважній більшості, спиртними напоями. Що стосується одягу, то в середині 20-х років на одну душу на рік пересічно в селянському господарстві України припадало 5,39 аршин домотканого полотна і кустарних тканин і 7,43 аршина тканин фабричної роботи із збільшенням посіву на господарство кількість домотканих тканин в перерахунку на одну особу зменшувалася, а фабричних збільшувалася. Цікаво, що безпосівні господарства вживали здебільше фабричні тканини /на 84 %/. Видно, це явище пов'язане з роботою в місті, радгоспах, на цукроварнях у тривалій відлучці від домівки і домашніх домотканих промислів.

Таким чином, аналіз бюджету селянського господарства 20-х років свідчить про значну майнову диференціацію між селянами України. Безпосівні селяни фактично порвали з власним сільським господарством, перетворилися на робітників з наділом і їх бюджет орієнтувався на задоволення споживчих потреб родини. Малопосівні селяни, всіяко обмежуючи потреби сім'ї, намагалися зберегти власне господарство. Становище середньопосівних господарств було нестабільне: з однієї сторони вони нарошували основний капітал, розширювали виробництво, а із іншої сторони їм бракувало основних засобів виробництва, на них тиснули споживчі потреби родини. Великопосівні господарства в цьому відношенні знаходилися в значно кращому стані: вони і споживали більше продуктів на душу населення і знаходили кошти для розширення виробництва. В цілому життєвий рівень доколгоспного селянства у порівнянні з теперішнім станом був невисоким.

Список літератури: 1. Л е н і н В.І. Розвиток капіталізму в Росії //Повн.збір.творів. Т.3. 2. Б о к а р е в Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. 3. Б р я н с к и й А.М. Крестьянские бюджеты Киевской губернии в 1922/23 г. К., 1924. 4. З б і р н и к статистично-економічних відомостей про сільське господарство України. Рік перший. Х., 1929. 5. Л и т о ш е н к о Л.Н. Крестьянский бюджет в 1922/23 г. М., 1923. 6. О б і г цінностей і гршований баланс у селянських господарствах України в 1925/26 р. //Статистика України. Сер.2. Сільськогосподарська статистика. Х., 1928. № 122. 7. П о л о с а А.И. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств Южной Украины в восстановительный период /1921-1925 гг./ //Финансы и кредит. К., 1968. № 7. С.110-115. 8. У к р а ї н а: Стат.справочник. Х., 1925. 9. С е л я н с ь к і бюджети України за 1922/24 р. //Статистика України. Сер.2. Сільськогосподарська статистика. Х., 1925. № 74. 10. С е л я н с ь к і бюджети України за 1924/25 р. //Статистика України. Сер.2. Сільськогосподарська статистика. Х., 1927. № 115. 11. С е л я н с ь к і бюджети України за 1925/26 р. //Статистика України. Сер.2. Сільськогосподарська статистика. Х., 1930. № 174. 12. С т у д е н т с к и й Г.А. Бюджет крестьянского хозяйства. М., 1927. 13. Я к и м а н с ь к и й В.А. Бюджет селян в 1923/24 р. Х., 1927.

Надійшла до редколегії 30.II.90

КУЛАЦКИЕ СЛОИ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В КОНЦЕ 20-х ГОДОВ

В условиях перехода к регулируемой рыночной экономике общества все чаще обращаются к историческому опыту 20-х годов. На наш взгляд, в истории новой экономической политики особо следует выделить комплекс проблем, связанных с эволюцией крестьянского хозяйства. Возможность некапиталистической эволюции крестьянства, его вступления в круг социалистических отношений без разрушения индивидуального хозяйства была признана В.И.Лениным [1, с.47]. Вновь, как и в 20-е годы, возникают дискуссии о том, что представляли собой основные социальные слои деревни - бедняки, середняки, кулаки? Эти вопросы привлекали и привлекают пристальное внимание историков и требуют глубокого изучения и осмысления, свободного от стереотипов и догматизма.

Первые работы о социальной структуре доколхозного крестьянства Украины появились уже в 20-е годы. В большинстве своем авторами их были статистики, экономисты, а также партийные, советские и профсоюзные работники, непосредственно участвовавшие в реализации мероприятий партии и правительства на селе [3 - 5]. В этих работах авторы широко использовали данные сельскохозяйственной статистики, материалы обследований крестьянских хозяйств, что дало им возможность определить социально-экономический статус различных групп и слоев украинской деревни, используя такие характеристики, как размеры землепользования, обеспеченность средствами сельскохозяйственного производства, а также участие крестьянских хозяйств в процессах найма - отчуждения рабочей силы и распространение арендных отношений среди крестьян. В 60-80-е годы изучение процессов социально-экономического расслоения крестьянства, в том числе и украинского, в годы напa нашло отражение в монографиях, коллективных сборниках, статьях историков [6 - 9].

Что касается кулацких хозяйств, то ясности в характеристике и в определении направления их эволюции в условиях проводимой по отношению к ним "политики ограничения" нет. В социальной структуре 20-х годов кулачество продолжает оставаться наименее изученным ее элементом. Исходя из этого, в данной статье автор

ставит перед собой задачу на основании анализа теоретической дискуссии о дифференциации крестьянства, статистических материалов, официальных документов выяснить, какие признаки определяли принадлежность крестьянского хозяйства к кулацкой группе и определить удельный вес кулацких хозяйств среди зажиточных слоев украинской деревни.

Теоретическая дискуссия о дифференциации крестьянских хозяйств развернулась в 1927-1928 гг. среди экономистов-аграрников. Среди участников дискуссии были такие выдающиеся ученые, как А.В.Чаянов, Н.Д.Кондратьев, а также Н.П.Макаров, А.Н.Челинцев, представлявшие так называемую "организационно-производственную" школу сельскохозяйственной науки. К сожалению, уже в конце 20-х годов позиции этих экономистов в дискуссии были расценены как "буржуазные", а их выводы о тенденциях в развитии верхних зажиточных слоев деревни и рекомендации по регулированию темпов экономической мощи данных хозяйств - как "программа капиталистической реставрации", "рупор деревенской буржуазии", "манифест кулацкой партии" и т.п. [10].

На наш взгляд, в дискуссии о дифференциации можно выделить два направления: первое представлено учеными "организационно-производственной" школы, которые в социальном расслоении крестьянства в условиях непа искали главным образом признаки производственно-демографической дифференциации хозяйств по числу душ в семье, числу работников, площади посевов, поголовью скота, стоимости основных средств производства, доходности хозяйства. Кулацкие хозяйства, по их мнению, не представляли опасности для социалистического государства, их эволюция могла идти только по пути постепенного вращивания их в строй цивилизованных кооператоров. Второе направление представлено экономистами-аграрниками, ставившими во главу процесса дифференциации деревни социально-классовое расслоение. Для кулацких хозяйств они видели только одну перспективу - неминуемое перерождение их в крупные капиталистические, представляющие опасность для социалистического развития деревни. Вот почему представители этих двух направлений в дискуссии по-разному представляли себе основное содержание процесса дифференциации. Так, Н.Д.Кондратьев под дифференциацией крестьянских хозяйств понимал расслоение их по экономической мощности, которое при достаточном своем углублении ведет к образованию классовых групп в деревне [II, с.123]. Сходную точку зрения вы-

сказывал и А.Н.Челинцев, который под дифференциацией понимал неодинаковую степень экономической мощности отдельных групп крестьянского хозяйства, приводящую к различию в их социальных отношениях [12, с.114]. Для того чтобы определить социальную дифференцированность деревни, необходимо, по мнению ученого, выяснить, является ли крестьянин "земледельческим ремесленником", с одной стороны, тратящим свои средства и свою силу в собственном хозяйстве, не прибегая к чужому труду, земле и капиталу, и, с другой стороны, не отдавая их в чужое хозяйство, или же это хозяйство имеет отношения предпринимательства или зависимости. Исходя из этого, Челинцев выделяет следующие группы крестьянских хозяйств: хозяйства бедняцкого, полупролетарского и пролетарского типа; средняцкие хозяйства (тип "земледельческого ремесленника"); хозяйства полукапиталистического типа [12, с.115].

Интересующие нас хозяйства полукапиталистического типа, по мнению А.Н.Челинцева, характеризуются следующими признаками: избыток средств производства и большой объем хозяйства, который не может быть насыщен одной своей рабочей силой; недостаток рабочей силы восполняется наймом работников, а избыток средств производства приводит к аренде земли; высота дохода в таком хозяйстве такова, что дает возможность полученную прибыль использовать как капитал в рост или по линии эксплуатации чужого труда и земли; в таком хозяйстве наблюдаются элементы неzemледельческих занятий, где хозяин выступает предпринимателем [12, с.115-116].

Основоположник "организационно-производственной" школы А.В.Чаянов, рассматривая процессы расслоения крестьянства в 20-е годы, определил 6 типов хозяйств: капиталистические, полутрудовые, полупролетарские и пролетарские [13, с.41]. Выделение таких типов хозяйств связано с пониманием Чаяновым дифференциации не как социально-классового процесса среди крестьянства, а как выделение из основной массы семейно-трудовых хозяйств 4-х видов самостоятельных предприятий: фермерских, кредитно-ростовщических, промысловых, вспомогательных [13, с.41]. Ученый считал, что применение трехзвенной схемы "кулак - середняк - бедняк" сводило в одну группу как капиталистические хозяйства, допускающие применение наемного труда в целях наживы, кабальную арендную, ростовщичество, так и полутрудовые крепкие семейные хозяйства. Он полагал, что группировка крестьянских хозяйств на основе суммарного учета отношений применения наемной рабочей силы, а также

найма — одачи живого и мертвого инвентаря, т.е. на основе коэффициента "пролетаристичности" и "капиталистичности", не позволяет выявить различия между процессом образования фермерских хозяйств и процессом развития кабальных форм эксплуатации [14, с.109-122]. На наш взгляд, можно согласиться с А.В.Чаяновым, который считал, что применение данного коэффициента ведет к существенному преувеличению степени капиталистического расслоения деревни в условиях непа.

В работах экономистов-аграрников, представлявших второе направление в дискуссии, мы наблюдаем именно это преувеличение роста капиталистических элементов деревни. Так, известный экономист Л.Кридман, видевший в основе дифференциации крестьянских хозяйств социально-классовое расслоение деревни, группирует крестьянские хозяйства следующим образом: предпринимательские, самостоятельные, зависимые. Именно он предложил упомянутый коэффициент "капиталистичности" и "пролетаристичности", на основе которого определяется принадлежность каждого рассматриваемого хозяйства к той или иной социальной группе. Этот коэффициент представляет собой отношение собственных средств производства крестьянина к собственной рабочей силе крестьянского двора [15, с.9].

Трехзвенная группировка крестьянских хозяйств присутствует и в официальных документах. Так, например, в инструкции НКФ СССР 1926 г., которую мы цитируем, используя статью В Гроссмана, даются методологические указания для отнесения крестьянских хозяйств к определенной социальной группе и определены такие социально-экономические группы деревни: беднота (эксплуатируемые хозяйства), богатые (в своей массе, как правило, эксплуататорские хозяйства), середняцкие хозяйства (не эксплуатирующие друг друга и не эксплуатируемые). Богатые хозяйства инструкция характеризует такими признаками, как применение наемного труда в значительной мере; широкая аренда земли, преимущественно на основе применения наемного труда; наличие средств производства, позволяющих в массе применять наем и аренду; доходы от промыслов, носящих капиталистический характер; наличие излишек, превращаемых в капитал [16, с.11].

Итак, представив различные точки зрения участников дискуссии о дифференциации крестьянства, мы видим, что экономисты-аграрники руководствовались различными подходами и критериями в

определении социальных групп крестьянства, а следовательно, имели и различные представления о направлении эволюции зажиточной группы крестьянства. Так, Н.Д.Кондратьев считал, что дифференциация крестьянских хозяйств в условиях нэпа неизбежна и имеет прогрессивное значение. Это признавалось видным экономистом "не ради самой дифференциации, не во имя интересов преуспевающих высших групп деревни, а ради реализма в подходе к условиям нашего развития, ради ускорения этого развития и обеспечения материальной базы содействия низшим группам деревни" [II, с.139-140]. Он подчеркивал, что государство имеет все возможности держать процесс дифференциации крестьянства в определенных рамках, пределы которых - это вопрос конкретной экономической политики данного момента [II, с.140]. Поэтому, по мнению Н.Д.Кондратьева, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высоким накоплением должен получать содействие Советской власти наравне с бедняцкими слоями деревни. Он с сожалением отмечал в своем выступлении на заседании аграрной секции Комакадемии 4 октября 1926 г., что в нашем законодательстве есть страх перед существующим и несуществующим кулаком [IO, с.19]. Правоту этих слов доказывает то, что, когда экономист Н.П.Макаров, участвовавший в обсуждении законоположений Кодекса земельного права, предложил в форме поощрения для крестьян, рационально и прогрессивно ведущих свое хозяйство, исключить их дворы из периодических переделов и закрепить за ними участки земли, то это было расценено как поправка, ведущие к установлению частной собственности на землю и превращению ее в товар [IO, с.30]. Интересно, что сегодня в новом Законе о земле мы находим следующую статью: "Гражданам СССР, изъявившим желание вести крестьянское хозяйство, основанное преимущественно на личном труде членов их семей предоставляются по их желанию в пожизненное наследуемое владение земельные участки" [2, с.25]. А ведь в сущности это же и предлагал Н.П.Макаров.

Несмотря на то, что одни экономисты-аграрники считали дифференциацию крестьянских хозяйств в условиях нэпа отрицательным явлением (Крицман, Немчинов, Гордеев, Сулковский и др.), другие, оценивая перспективы развития зажиточных кулацких хозяйств, не видели в этом развитии опасности для социалистического государства. Так, видный экономист Н.Суханов считал, что степень экономической дифференциации, темпы развития мощных экономических групп,

как среды для сельского капитализма, и эксплуатация наемного труда в сельском хозяйстве сокращаются по мере индустриализации и общего экономического развития страны [17, с.145].

Итак, в ходе рассмотрения различных точек зрения участников дискуссии о дифференциации крестьянских хозяйств мы попытались выявить различные критерии в подходах к определению социальных групп деревни, различные признаки, характеризующие кулацкие хозяйства.

Особо хотелось бы отметить, что характеристика той или иной социальной группы деревни всецело зависит от состояния статистического материала, который имелся в распоряжении исследователя. Методология же сбора данных сельскохозяйственной статистики в 20-х годах имела ряд серьезных изъянов, что отмечали многие экономисты-аграрники [19]. Видимо, серьезные методологические недостатки в сборе статистических данных привели к тому, что во второй половине 20-х годов имело место преувеличение расслоения деревни и роли кулака в сельскохозяйственном производстве, о чем с тревогой говорил В.В.Куйбышев на XIV Московской губпартконференции в декабре 1925 г. Сопоставляя различные данные о развитии деревни, он пришел к выводу, что все ошибки ЦСУ СССР идут в одном направлении: они уменьшают роль середняка, сводят его на нет, как центральную фигуру нашего земледелия, преувеличивают значение богача и преуменьшают значение бедняка [20]. Естественно, что использование статистических данных, собранных на основании существовавших тогда методик, зачастую приводило к необоснованному преувеличению или преуменьшению темпов хозяйственного развития различных групп крестьянства.

Удельный вес кулацких хозяйств в различных районах Украины, по данным гнездовой переписи 1927 г., колебался от 2,6 до 5,8 %, а в целом по республике составил 4 %. Указанные хозяйства также различались по способу приложения капиталов, что наглядно иллюстрирует табл. I [21, с.24-27].

Данные табл. I показывают, что наибольший удельный вес кулацкие хозяйства в 1927 г. имели в Степном и Левобережном районах республики. Это было связано с более высоким уровнем развития сельского хозяйства, особенностями протекания процессов дифференциации в этих районах. Основную массу кулацких слоев составляли типично аграрные хозяйства. Удельный вес хозяйств, сочетавших сельское хозяйство с промыслами, мал (0,8 %), предста-

владельцев торгового-промышленного капитала совсем ничтожен (0,2 %).

Т а б л и ц а I

Регион	Число хозяйств, вошедших в разработку	Кулацких хозяйств, %			
		Всего	В том числе		
			чисто сель- ских	сельских с незе- меледече- скими промыслами	несель- ских
Украина	121180	4,0	3,0	0,8	0,2
Полесье	14229	3,7	2,6	0,9	0,2
Правобе- режье	41300	2,6	1,7	0,8	0,1
Левобе- режье	28044	5,8	4,9	0,7	0,2
Степной	20271	4,7	3,7	0,8	0,2
Днепропет- ровский	10948	3,1	2,5	0,4	0,2
Горнопромы- сленный	6388	4,9	3,5	1,8	0,4

Какие же хозяйства вошли в эти 4 %? Какие признаки послужи-
ли для отнесения их к группе капиталистических? Обратимся к док-
ладу Комиссии СНК СССР по изучению тяжести налогового обложе-
ния населения Союза, которую иногда называют "комиссией Рыкова",
данные которого, по мнению В.П.Данилова, явились ответом на
произвольное использование статистики и надуманное исчисление
кулацкой мощи [22, с.34]. На основании комбинирования таких
признаков, как стоимость средств производства, сдачи их в арен-
ду, применение труда наемных работников, к группе кулацких отне-
сены хозяйства: А - имеющие средства производства стоимостью
свыше 1600 р. при условии сдачи их в аренду или при пользовании
наемным трудом свыше 50 дней в году; Б - со стоимостью средств
производства от 801 до 1600 р. при условии использования наем-
ного труда свыше 75 дней в году; В - со стоимостью средств
производства от 401 до 800 р. при найме рабочей силы свыше
150 дней в году [23, с.12].

Рассмотрим указанные выше признаки применительно к зажиточ-

ным слоям украинской деревни, используя при этом данные динамического обследования крестьянских хозяйств республики 1927 г. [21, с. 60-61].

Данные табл. 2 позволяют сделать следующие выводы: в группе А путем суммирования хозяйств, применяющих наемный труд от 51 дня и выше, мы получим 40 % хозяйств, которые можно отнести к кулацким; в группе В, применяя тот же способ подсчета, но уже с 76 и более днями найма, определяем, что кулацкие хозяйства составляли 19,7 %, а в группе В (со 151 и более днями найма) указанные хозяйства составляли лишь 6,6 %. Понятно, что наиболее обеспеченная средствами производства группа (свыше 1600 р.) дала самый высокий процент кулацких хозяйств. Исходя из данных сельскохозяйственной статистики мы не можем говорить о преобладании кулацких хозяйств среди зажиточных слоев украинской деревни (даже в высшей группе они составляли менее половины хозяйств - 40 %).

Т а б л и ц а 2

Группы по стоимости основных средств производства	Число хозяйств, вошедших в разработку		Размер найма				Средний размер в днях на 1 хозяйство
			Распространение нанимающих хозяйств в группе по количеству дней найма в году				
	абсолютное	% к общему итогу	51-75 дней	76-150 дней	151-300 дней	свыше 300 дней	
А	4954	3,9	7,7	15,0	11,3	6,0	86,1
Б	23497	18,3	4,3	10,2	7,4	2,1	48,5
В	41484	32,3	2,7	7,6	5,5	1,1	35,0

Это положение подтверждается и данными окружных земельных отделов республики, которые по заданию Наркомзема УССР проводили в 1926-1929 гг. обследование зажиточных хозяйств республики [30].

Итак, подводя итог рассмотрению вопроса о кулацких слоях украинской деревни в условиях имевшей место дифференциации крестьянских хозяйств в конце 20-х годов, необходимо отметить, что экономисты, работавшие в области аграрной теории, по-разному определяли социально-экономические критерии, характеризующие кулацкие хозяйства. На наш взгляд, даже применение различных критериев

не дает оснований определить кулачество как класс сельских капиталистов. Оно являлось носителем стихийных капиталистических тенденций. Этот слой деревенских эксплуататоров еще не выделился из крестьянской среды, он был связан с ней прежде всего трудом на земле. Развитие кулацких хозяйств в условиях проводимой по отношению к ним "политики ограничения" не представляло никакой опасности для социалистического развития деревни.

Список литературы: 1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.43-47.
2. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле. Ст.25 //Правда. 1990. 7 марта. 3. Дифференциация селянських господарств на Україні. Х., 1927. 4. Гуревич М.Б. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины. Х., 1925. 5. Основы С.М. Оренда землі на Україні. Х., 1926. 6. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. 7. Очерки развития социально-классовой структуры УССР 1917-1937. К., 1987. 8. Денисовец П.М. Влияние нэпа на социальные процессы в украинском селе //НЗІ: Вопросы теории и истории. М., 1974. С.148-153. 9. Лях С.Р. Наймана праця в сільському господарстві України в умовах непу. К., 1990. 10. Кубанин М. Буржуазная программа в земельном вопросе //На аграрном фронте. 1927. № 2. С.18-30. 11. Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни //Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С.123-140. 12. Челинцев А.Н. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства //Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С.114-135. 13. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. 14. Чаянов А.В. О дифференциации крестьянского хозяйства //Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С.109-122. 15. Крицман Л. О статистическом изучении классовой структуры советской деревни //На аграрном фронте. 1926. № 2. С.3-10. 16. Гроссман В. Платежи крестьянства //На аграрном фронте. 1927. № 1. С.9-35. 17. Суханов Н. О дифференциации крестьянского хозяйства //Пути сельского хозяйства. 1927. № 6-7. С.137-147. 18. Челинцев А.Н. Методология изучения современной дифференциации крестьянского хозяйства //Укр.економист. 1927. 26 марта. 19. Экономическая жизнь. 1925. 12 дек. 20. Сельское хозяйство СССР 1925-1928 гг.:

Сборник статистических сведений к XIV Всесоюзной партийной конференции. М., 1929. 21. Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3. С. 3-46.
22. Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924-1927 гг.) М., 1929. 23. ЦГАОР УССР. Ф.27, оп.8, д.27, л.7-59.

Поступила в редколлегию 01.II.90

Ю.П.ВОЛОСНИК

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРСОВЕТОВ УКРАИНЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ЧАСТНОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛЕ
В ГОДЫ НЕПА (1921 - 1928)

Использование частного капитала в народном хозяйстве страны являлось важнейшей задачей новой экономической политики. Поэтому представляется актуальным изучение опыта деятельности городских Советов Украины в этом направлении.

Цель статьи - осветить основные формы и методы деятельности горсоветов республики по привлечению и регулированию частного капитала в промышленности и торговле в годы непа.

Для непа было характерным использование рыночных отношений с целью регулирования различных укладов экономики страны в процессе социалистического строительства. Использование рыночных отношений предполагало привлечение частного капитала в экономику. Привлекая капиталистические элементы, Советское государство стремилось использовать их средства и хозяйственный опыт для восстановления народного хозяйства страны. В связи с этим важное место в деятельности горсоветов Украины должны были занять вопросы использования и регулирования частнокапиталистических элементов. Одним из направлений такой работы стало использование частного капитала в торговле. Декрет СНК РСФСР "Об обмене" от 24 мая 1921 г. разрешил торговлю сельскохозяйственными продуктами и изделиями кустарной промышленности. Торговая деятельность регулировалась постановлениями местных Советов [I, т.I, с.233-234]. Губисполкомы и горсоветы на основании этого документа

стали выдавать разрешения и патенты на право заниматься торговлей, открывать торговые заведения. Согласно инструкции НКВД УССР о порядке выдачи разрешений на право торговли, утвержденной в мае 1921 г., разрешения на право торговать предоставлялись в первую очередь кооперации, продорганам, отдельным гражданам по поручению продорганов, крестьянам, а также гражданам, признанным нетрудоспособными [19, ф. Р-3872, оп. I, д. 321, л. 22 об., 23, -23 об.]. Значение этой работы горсоветов очень велико. В условиях, когда в первые годы нэпа у Советской власти еще только формировался свой торговый аппарат, а кооперативная торговля была развита слабо, частная торговля являлась основной формой смычки государственной и кустарной промышленности с деревней, с крестьянским хозяйством, а выдача разрешений и патентов на право торговать — одной из форм привлечения частного капитала в торговлю. Советы в этом направлении проделали большую работу. Так, только во втором полугодии 1922 г. на Украине частным лицам было выдано 125 223 патента на открытие торговых предприятий, в то время как государственным учреждениям — 1115, кооперации — 3658 [22, ф. 30, оп. I, д. 697, л. 64, 84, 95]. Работа по выдаче патентов продолжалась и в последующие годы нэпа. По состоянию на 1 октября 1928 г. на Украине было выдано 141 615 платных патентов на торговые предприятия, в том числе частные лица получили 113 247 патентов [22, ф. 30, оп. 2, д. 3614, л. I; д. 3615, л. I].

С введением нэпа частный капитал стал проявлять активность не только в торговой, но и в промышленной сфере. Поскольку крупная промышленность осталась в руках государства, то частный капитал устремился преимущественно в мелкую и среднюю промышленность. Постановление СНК УССР "О кустарной и мелкой промышленности" от 26 июля 1921 г. разрешало гражданам открывать собственные предприятия с количеством рабочих не более 20 [2, 1922, № 15, ст. 389]. В целом по 9 губерниям республики во втором полугодии 1922 г. губисполкомы выдали частным лицам 32 033 патента на открытие промышленных предприятий и 60 604 на личные промысловые занятия [22, ф. 30, оп. I, л. 697, л. 64 а, 85, 94-95]. На 1 октября 1928 г. на Украине было выдано 21 927 патентов на промышленные предприятия, из которых частным лицам — 16 142. На личные промысловые занятия выдано 258 089 патентов, из них частникам — 132 299 [22, ф. 30, оп. 2, д. 3614, л. I; д. 3615, л. I].

Немаловажное значение имела работа по сдаче в аренду частным лицам промышленных предприятий, которая предусматривалась декретом СНК от 9 августа 1921 г. При сдаче в аренду предприятий преимущества в первую очередь предоставлялись государственным и кооперативным организациям [1, т. I, с. 246]. Исполнение этого декрета поручалось органам управления промышленностью — совнархозам (снх). Горсоветы и их секции активно участвовали в этой работе. Для этого они направляли своих депутатов в арендные комиссии губсовнархозов, регулярно заслушивали руководителей снх о ходе кампании по сдаче предприятий в аренду на заседаниях президиумов и пленумах горсоветов и их секциях. В некоторых случаях для непосредственного участия в проведении арендных кампаний горсоветы создавали собственные арендные комиссии [17, ф. Р-1, оп. 1, л. 179; д. 92, л. 18]. На 20 января 1922 г. в аренду уже было сдано 6116 предприятий, в том числе частным лицам 40,1 % предприятий [6, с. 65]. В 1924/25 гг. в аренду было сдано 5930 предприятий, из них на долю частных арендаторов пришлось 65 % [22, ф. 539, оп. 3, д. 398, л. 122]. О значении этой работы горсоветов говорит тот факт, что в 1924/25 гг. валовой оборот готовой продукции арендной промышленности составил около 208 млн р., а число рабочих, занятых в ней, превысило 46 тыс. [22, ф. 539, оп. 3, д. 398, л. 122]. Привлекая таким путем частный капитал в промышленность, Советское государство ускоряло процесс ее восстановления. Вместе с тем сокращались размеры безработицы, потребительский рынок насыщался необходимыми народу товарами, что имело важное социально-политическое значение.

Одним из направлений деятельности горсоветов по привлечению и использованию частного капитала являлась работа по денационализации предприятий. Эта работа проводилась на основании постановления ВУЦИК УССР от 15 февраля 1922 г., в котором говорилось, что все предприятия мелкой и кустарной промышленности, в отношении которых до 21 июля 1921 г. не была осуществлена фактическая национализация, принадлежат их бывшим владельцам [2, 1922, № 7, ст. 123]. По характеру владения такие денационализированные предприятия являлись частнособственническими. Местным Советам, начиная с 1925 г., предоставлялось право окончательно утверждать акты о денационализации или невозвращении предприятий их бывшим владельцам. По Харьковской губернии, например, к октябрю 1924 г. было денационализировано 40 мельниц [15, с. 170]. За

1923-1925 гг. по Криворожскому округу было денационализировано 54 предприятия. Это были преимущественно мельницы, а также два маслозавода, кирпичный и мыловаренный заводы. Стоимость этих предприятий оценивалась в 275,7 тыс.р. [13, с.79]. В 1925/26 г. по Винницкому округу было денационализировано 134 мукомольных предприятий, несколько мелких типографий, макаронная фабрика [9, с.54-55]. Как правило, денационализировались те предприятия, которые нуждались в капитальном ремонте и в замене оборудования, а также те, на пуск которых у государства не имелось средств. Работа по денационализации продолжалась вплоть до свертывания непа. Она имела положительное значение. Возвращая бывшим владельцам предприятия, которые в силу отсутствия у местных органов власти средств бездействовали, Советы способствовали восстановлению промышленности, давали возможность частным предпринимателям вкладывать их средства в промышленное производство и насыщать рынок потребительскими товарами. Рассматривая заявления бывших владельцев о передаче им предприятий, горсоветы не всегда удовлетворяли их. В тех случаях, когда был пропущен срок подачи заявления или была произведена фактически национализация предприятия или предприятие имело большую стоимость; т.е. в соответствии с требованиями закона, горсоветы отказывали в просьбе ходатаям.

Наряду с задачей привлечения и использования частного капитала горсоветами осуществлялись мероприятия по его регулированию. Эта задача вытекала из стремления Советского государства направить развитие частнокапиталистических элементов в русло госкапитализма, сосредоточив при этом в своих руках командные высоты в экономике.

Ведущая роль в процессе регулирования принадлежала кредитно-налоговым методам [3, с.80, 84]. Советское государство, восстанавливая после периода "военного коммунизма" финансово-кредитную систему, стремилось использовать ее в целях повышения товарности хозяйства, накопления средств для социалистического строительства. А так как в решении данных задач определенное место отводилось частному капиталу, то государство кредитовало и частных предпринимателей. Выступая в качестве учредителей и основных держателей акций банковских и кредитно-ссудных учреждений, горсоветы и губ(окр)исполкомы с 1925 г. контролировали и непосредственно влияли на характер и масштабы кредитных операций. Так,

руководствовавшийся директивами губисполкома Харьковский коммунальный банк обслуживал кредитом частную оптовую торговлю. На 1 октября 1923 г. на эти цели частным учреждениям и лицам было выдано 18 750 червонных р., что составляло 11 % всех кредитно-ссудных операций банка [14, с.241-242]. В отчете Волынского губисполкома сообщалось, что в общей сумме кредитно-ссудных операций Житомирского отделения госбанка в 1922/23 г. на долю частных лиц приходилось лишь 7 % [12, с.96]. В целом же доля участия частных клиентов в кредитных операциях крупнейших банковских учреждений республики была очень незначительной. Так, в 1922 - начале 1923 гг. частные фирмы получили от Всеукраинской конторы Промбанка только 2 % от общей суммы кредитов, а от Всеукраинской конторы госбанка - 3,7 % [11, с.211-212].

В связи с тем, что в первые годы нэпа частный сектор занимал ведущие позиции в торговле (на Украине в 1924/25 г. 85 % торговой сети находилось в руках частника), то такая ситуация создавала противоречие в экономике, поскольку "промышленность находилась в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступала частная торговля" [1, т.1, с.421]. Стремясь преодолеть это противоречие, обострившееся в результате кризиса сбыта (осень 1923 г.), Советское государство с весны 1924 г. до весны 1925 г. проводило политику жесткого вытеснения частного капитала. Были значительно повышены ставки налогового обложения частных, одновременно сократилось кредитование частного сектора. Только до конца 1924 г. размеры кредитов частной клиентуры сократились в 2,2 раза [4, с.123]. В докладе харьковского отделения госбанка губисполкому (1924 г.), например, отмечалось, что кредит частным лицам сократился с 15,1 % от общей суммы банковских операций на 1 октября 1923 г. до 0,4 % на 1 октября 1924 г. [21, ф.Р-203, оп.1, л.1716, л.90]. В результате принятых мер частная торговая сеть на Украине сократилась с 103 238 торговых заведений во втором полугодии 1923/24 г. до 88 094 в первом полугодии 1924/25 г. Используя банковский кредит, некоторые губисполкомы и горсоветы добивались от частных торговцев снижения цен. Например, Харьковский губисполком и Роменский горсовет предоставляли через банки ссуды частным торговцам при условии, если те снизят цены на товары. В результате, например, в Харьковской губернии многие торговцы снизили розничные цены

на 15-20 % [22, ф. I, оп. 3, д. 1478, л. 4; 21, ф. Р-203, оп. I, д. 1714, л. 6]. Через систему кредитных рычагов горсоветы воздействовали на экономическую активность частных предпринимателей и влияли на цены на частном рынке.

Среди методов, регулирующих частный капитал, первостепенное значение имела налоговая политика. Посредством прямого обложения доходов, имущества нэпманов государство регулировало частное накопление, удерживая его в определенных размерах, тем самым регулировались частнопредпринимательская деятельность и рыночные отношения в целом. В 1921-22 гг. Советское государство ввело промысловый и подоходный налоги с надбавками на местные нужды. Эти надбавки устанавливались местными Советами. Горсоветы и губисполкомы в зависимости от колебаний экономической конъюнктуры могли либо увеличивать надбавки к патентному сбору, либо снижать их размеры. Так, в декабре 1921 г. президиум Харьковского горсовета принял решение о повышении платы за регистрацию торговцев, утверждение уставов, разрешений на использование музыки в кафе и ресторанах [21, ф. Р-408, оп. 2, д. 310, л. 9]. Тогда же президиум губисполкома утвердил решение об увеличении надбавок по Харькову в размере 50 % на патентный сбор и 30 % - на уравнильный. Спустя год в декабре 1922 г. Харьковский губисполком увеличил на 100 % надбавки к стоимости патентов на торговые, промышленные предприятия и личные промысловые занятия на 1923 г. [21, ф. Р-408, оп. 2, д. 234, л. 7; 22, ф. 2, оп. 2, д. 429, л. 167]. Черниговским губисполкомом в ноябре 1921 г. устанавливалась надбавка в размере 75 % к сумме патента [22, ф. 30, оп. I, д. 229, л. 14]. А вот противоположный случай. "Принимая во внимание неблагоприятные экономические условия губернии", Запорожский губисполком в мае 1922 г. снизил размер надбавки к промысловому налогу на 50 % от установленной ранее суммы. Спустя несколько месяцев, когда экономическая ситуация в губернии изменилась к лучшему, тот же губисполком принял новое решение об увеличении суммы надбавки на 100 % [22, ф. 2, оп. 2, д. 430, л. 40, 102]. Учитывая обременительность высоких надбавок к патентному сбору, Екатеринославский губфинотдел в 1922 г. сделал представление в губисполком о снижении таковых наполовину [18, ф. I, оп. I, д. 947, л. 24 об.].

В течение всего существования нэпа местные налоги и сборы являлись действенным орудием регулирования частного капитала в руках горсоветов.

Переход в конце 1927 - начале 1928 г. к чрезвычайным методам управления означал свертывание нэпа и полное вытеснение частного из народного хозяйства. Большая роль в политике вытеснения частных отводилась усилению налогового пресса. Поэтому горсоветы увеличили обложение. Так, в 1927/28 г. Харьковский горсовет отменил все имевшиеся льготы у лиц с нетрудовыми доходами и поднял для них ставки налогов с 45 до 54 % [10, с.33]. По Сталинскому округу в 1927/28 г. местные налоги возросли на 100 % [8, с.49]. Требование усилить "степень" изъятия из доходов частных предпринимателей содержалось и в резолюции коллегии РКИ Киевского окрисполкома (1928 г.) [22, ф.539, оп.3, д.1592, л.64].

Усиление налогового обложения привело к тому, что частники гораздо чаще стали уклоняться от уплаты налогов путем сокрытия оборотов своих предприятий. Нередки были случаи закрытия владельцами своих заведений и выезд в другие округа без уплаты налогов. В результате быстро возрастала общая сумма недоплат по частному сектору. Так, по Украине на I октября 1927 г. она составила свыше 22,5 млн р., спустя год - почти 29 млн, а на I октября 1929 г. - уже 34 млн [5, с.48; 22, ф.30, оп.2, д.5141, л.9]. Поэтому горсоветы совместно с финорганами повели борьбу с подобными явлениями. Например, президиум Мелитопольского горсовета в январе 1928 г. для ликвидации недоплат по налогам и арендной плате арендаторов мобилизовал своих депутатов. Начальнику городской милиции было дано указание выделить в помощь депутатам необходимое число милиционеров [22, ф.1, оп.4, д.796, л.1]. Артемовский горсовет в январе 1928 г. выделил из бюджета 300 р. для розыска объектов обложения [22, ф.1, оп.4, д.678, л.2]. Чтобы усилить воздействие на злостных неплательщиков многие горсоветы, такие, как Запорожский, Мелитопольский, Бердичевский, Днепропетровский и другие, обращались в народные суды с ходатайствами рассматривать дела по недоимкам в первую очередь [22, ф.1, оп.4, д.796, л.1, 23-24; д.685, л.23; д.728, л.139 об.; 16, ф.Р-416, оп.1, д.37, л.144]. При взыскании налогов с частного сектора горсоветы широко использовали метод описи и продажи с молотка имущества злостных неплательщиков. Например, в 1927-28 гг. в Харькове было составлено 5016 описей на арестованное имущество и произведено

472 продажи с торгов, в Роменском округе - соответственно 7598 описей и 266 продаж. Такая деятельность горсоветов вела к снижению недоимочности частного сектора в городах. Так, только в Харькове недоимка снизилась с 5 597 752 р. на 1 октября 1927 г. до 1 376 998 р. к 1 октября 1928 г. [10, с.33-34; 20, ф.Р-4522, оп.1, д.2147, л.43].

Налоговое наступление на частный капитал сопровождалось резким сокращением, а в ряде мест республики и полным прекращением кредитования частной торговли и промышленности. Так, Днепропетровский горсовет принял специальное постановление, обязывающее отделение госбанка прекратить кредитование частного сектора [16, ф.Р-416, оп.1, д.38, л.119 об]. В целом же, кредитование частного сектора в промышленности и торговле сократилось с 11,3 млн р. на 1 октября 1926 г. до 3,8 млн р. на 1 апреля 1929 г. [5, с.51].

Переход к чрезвычайным методам управления, усиление налогового пресса, снижение или прекращение отпуска кредитов вели к быстрому свертыванию частного предпринимательства в сфере промышленности и торговли. На Украине удельный вес частной торговли в общем товарообороте упал с 23,6 % в 1925/26 г. до 5,6 % в 1928/29 г. За это время доля частной промышленности в общем объеме промышленной продукции сократилась с 6,1 до 1,8 % [7, с.115, 117].

Таким образом, в годы нэпа горсоветы УССР сыграли положительную роль в привлечении частного капитала в экономику республики, чем способствовали ее восстановлению и последующему развитию.

Осуществляя мероприятия по регулированию частного сектора через систему кредитов, использование надбавок к местным налогам и сборам, реализацию налогов в государственную казну, горсоветы ограничивали эксплуататорские тенденции нэпманской буржуазии и контролировали процессы использования капиталов частными предпринимателями в промышленности и торговле.

Список литературы: 1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. 2. С У У С С Р. 3. А р х и п о в В.А., М о р о з о в Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле (20-е - начало 30-х годов). М., 1978. 4. А р х и п о в В.А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства.

тельства //Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. 5. Ермак О.П. Політика Комуністичної партії щодо залишків капіталістичних елементів на початку реконструктивного періоду //УІЖ. 1973. № 4. 6. Кунах Ю.І. З Історії орендної промисловості України в перші роки непу //Питання Історії народів СРСР. 1971. Вип.12. 7. Вісник статистики України. 1930. Вип.У. 8. Звіт Сталінського округового виконавчого комітету Х-му округовому з"їзду Рад за 1927-28 рр. Сталіно, 1929. 9. Матеріали до відчиту Вінницького округового виконавчого комітету IX округовому з"їздові Рад Вінниччини. Вінниця, 1927. 10. Матеріали до отчету Харьковского горсовета XI созыва за 1926-27 и 1927-28 годы. Х., б.г. 11. Народное хозяйство Украины. 1923. № 4-6. 12. Отчет Волынского губернского исполнительного комитета IV губсъезду Советов. Октябрь 1922 - октябрь 1923 г. Житомир, 1923. 13. Отчет Криворожского окружного исполнительного комитета. За 1924-25 г. Кривой Рог, 1926. 14. Отчет Харьковского губисполкома 8-му губернскому съезду Советов. 1 окт. 1922 г. - 1 окт. 1923 г. Х., 1923. 15. Отчет Харьковского губисполкома и Харьковского губэконсовещания. Вип. II: Отчеты межхозяйственных органов. 1 апр. 1922 г. - 1 окт. 1922 г. Х., 1922. 16. Днепропетровский облархив. 17. Государственный архив г.Киева. 18. Партийный архив Днепропетровского обкома КПУ. 19. Полтавский облархив. 20. Сумской облархив. 21. Харьковский облархив. 22. Ц Г А О Р У С С Р.

Поступила в редколлегияу 31.10.90

В.М.ДУХОВЕЛЬНИКОВ

РАБОТА ХАРЬКОВСКОГО ГОРСОВЕТА ПО РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(вторая половина 20-х - 30-е годы)

Советы народных депутатов являются органами государственной власти. Они постепенно берут в свои руки управление экономикой, социальным и культурным развитием общества. В этой связи изуче-

ние исторического опыта прошлого, накопленного Советами в области культурного строительства и прежде всего народного образования, представляет определенный интерес. Ценным является и опыт работы Харьковского горсовета, который в изучаемые годы являлся столичным.

Вопросы культурного строительства на Украине нашли освещение в исторической литературе [14 - 16; 18 - 19]. В ней проанализирован процесс осуществления культурной революции, изучена работа политпросветучреждений по воспитанию трудящихся масс, развитию народного образования. В то же время в этих работах не рассматривается разнообразная деятельность городских Советов, в том числе и Харьковского, в этой области. В работах сохраняются старые оценки происходившим процессам, не показаны ошибки, допущенные в культурном строительстве.

XIII съезд НЧП(б) (май 1924 г.), характеризуя обстановку в стране, отметил повышение политической активности рабочих и потребовал от местных органов власти вовлечь их "в активную работу в Советах" [5, т.3, с.207]. Состоявшийся 25 - 27 октября 1924 г. Пленум ЦК Компартии, а затем и XIV съезд ВКП(б) указали на необходимость "оживления Советов", подчеркнули, что рост связи их с широкими кругами трудящегося населения является необходимой предпосылкой всей дальнейшей работы партии и Советской власти [5, т.3, с.43 2]. С целью осуществления курса октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в октябре 1925 г. в г.Харькове вслед за Всесоюзным совещанием Советов состоялось Первое Всеукраинское совещание работников горсоветов. Оно обсудило и одобрило проект первого на Украине "Положения о городских Советах", которое было утверждено 2-ой сессией ВУЦИК 23 октября 1925 г.

Затем это положение было дополнено и утверждено ВУЦИКом 12 октября 1927 г. [9, 1925, № 86; 1927, № 51-52]. Согласно "Положению" вопросы ликвидации неграмотности, открытие и содержание учебных заведений, клубов, библиотек, театров и других культурно-просветительских учреждений, их работа относились к ведению горсоветов. Эти решения и определяли его работу.

К осени 1925 г. по решению горсовета из состава культурно-социальной секции была выделена самостоятельная секция народного образования, которая сосредоточила в своих руках всю систему образования в городе [13, ф.Р-408, оп.4, л.36, л.118]. Изменились и формы работы секции. Члены секции отказываются от пе-

риодических обследований детских учреждений и переходят к постоянной работе в них. Уже к осени 1926 г. 96 депутатов горсовета было прикреплено к детским учреждениям [13, ф.Р-845, оп.3, д.373, л.143 об.]. Постоянная работа депутатов в детских учреждениях позволяла секции более детально изучить состояние дел, вовремя реагировать на возникающие трудности. В центре внимания горсовета и его органов оставались вопросы ликвидации неграмотности. Еще 21 мая 1921 г. правительство Советской Украины издало декрет о ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Горсоветом к 1926 г. было открыто 110 пунктов ликвидации неграмотности. В них к началу 1926 г. обучалось 7,8 тыс.чел. К этому времени 72,5 % населения Харькова были уже грамотными. Однако 115 тыс. чел. в столице оставались неграмотными [13, ф.Р-408, оп.4, д.125, л.33; д.296, л.38]. Такое положение вызывало обеспокоенность депутатов горсовета. Вопросы, связанные с ликвидацией неграмотности, практически обсуждались на каждом заседании секции народного образования в 1926 и 1927 гг. [13, ф.Р-845, оп.3, д.1790, 1795, 2700]. Одновременно принимались и меры практического характера. Так, горсовет установил шефство вузов, школ, предприятий и организаций над открывающимися в рабочих районах пунктами ликвидации неграмотности, проводил месячники помощи ликвидации неграмотности. В ходе месячников депутаты организовывали продажу значков, брошюр, газет, проводили книжные лотереи, базары, выставки, показывали кинофильмы. Городской Совет в дни месячников вводил надбавки на стоимость билетов в театры и кино-театры, на счета в ресторанах и проездные билеты. Во время месячников собирались значительные суммы денег. Так, только в июле-августе 1926 г. было собрано 100 тыс.р., в октябре 1928 г. - 108 тыс.р., а в ноябре - декабре 1929 г. - 240 тыс.р. [16, с.247; 13, ф.Р-845, оп.3, д.3133, л.95; ф.Р-408, оп.4, д.1510, л.27]. В Харькове на собранные в ходе месячника летом 1926 г. деньги, главным образом в рабочих районах, было открыто 119 групп по ликвидации неграмотности. В них обучалось около 7 тыс. неграмотных и малограмотных [13, ф.Р-408, оп.4, д.1510, л.2; 4, с.144]. Однако, несмотря на проделанную огромную работу, ликвидировать неграмотность в Харькове к 10-летней годовщине Великого Октября, как обещало партийное руководство и руководство Совета, не удалось. К 1 июля 1929 г. в Харькове было еще

17 тыс. неграмотных, что составляло 3,7 % общего количества населения города [13, ф.Р-408, оп.4, д.125, л.133]. В связи с этим Президиум Харьковского горсовета вновь ставит задачу ликвидировать неграмотность в течение 1929/30 года. В октябре 1929 г., выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. "О работе по ликвидации неграмотности", Пленум Харьковского горсовета в дополнение к уже имеющимся формам работы принимает решение, согласно которому каждый образованный житель Харькова обязан был научить одного неграмотного или, если его заработок составлял свыше 100 р. в месяц, внести в городской фонд борьбы с неграмотностью 5 % заработной платы [8, с.3]. Тогда же при Харьковском горсовете была организована группа содействия ликвидации неграмотности. К работе по ликвидации неграмотности было привлечено несколько тысяч человек [13, ф.Р-408, оп.4, д.1488, л.22; д.1510, л.38]. Одновременно на выделение в 1929 г. ВУЦИКом и горсоветом 644 тыс.р. был организован 93 новые группы для занятий с неграмотными и малограмотными. В целом в группах работало свыше 12 тыс. инструкторов, причем 6 тыс. из них работали на общественных началах [13, ф.Р-408, оп.4, д.1510, л.38]. Лозунг "Каждый грамотный должен обучить одного неграмотного!" широко претворялся в жизнь.

Большая работа горсовета по ликвидации неграмотности дала положительные результаты. Подавляющее большинство населения Харькова к началу 30-х годов стало грамотным. Президиум Совета в дни празднования 14-летия Великого Октября рапортовал ВУЦИКу и СНК Украины еще об одной большой победе - "окончании в основном ликвидации неграмотности по г.Харькову" [16, с.250]. К концу 1931 г. группа содействия ликбезу была ликвидирована и работа по ликвидации неграмотности свернута. Хотя к 7 ноября 1931 г. в Харькове еще было 7250 неграмотных, которые нигде не занимались [13, ф.Р-408, оп.4, д.1488, л.22 об.] .

Особое внимание депутаты горсовета уделяли борьбе с беспризорностью. На начало 1926 г. в 18 детских учреждениях Харьковщины находилось 5012 детей, из них в городе - 1600 [13, ф.Р-845, оп.3, д.20, л.77; д.1357, л.95]. Количество же беспризорников в Харькове точному учету не поддается, поскольку в столицу Украины, крупный промышленный центр и железнодорожный узел, они прибывали постоянно. Делегаты III окружного съезда Советов Харьковщины, состоявшегося 10 - 16 мая 1926 г., отметили, что "съезд

не может пройти мимо такого отрицательного явления, как детская беспризорность". Делегаты съезда поручили Совету взять под строгий контроль работу с беспризорниками и "вовлечь в нее широкие массы населения" [13, ф.Р-845, оп.3, д.20, л.261]. Решения съезда легли в основу деятельности Совета. Так, на заседаниях президиума Совета в 1926 - 1928 гг. трижды заслушивались отчеты органов милиции с беспризорных детей и дважды - отчеты биржи труда о трудоустройстве беспризорников [13, ф.Р-408, оп.4, д.110, л.26; д.327, л.147-149]. Из депутатов горсовета создавались тройки, которые принимали участие в ликвидации беспризорничества и устройстве детей в детские дома, следили за бывшими детдомовцами, которые проживали на частных квартирах, трудоустраивали их на заводы и фабрики, а также на обучение в ФЗУ и профшколы. Так, в 1926-1930 гг., благодаря хлопотам депутатов, успешно решался вопрос борьбы с беспризорностью. В 1926/27 г. в детских домах Харькова было уже 1800 детей, а в 1927/28 г. - 2000, а в округе - свыше 3 тыс. [10, с.89; 13, ф.Р-845, оп.3, д.1357, л.95; д.3139, л.9]. Практически к концу 1928 г. беспризорность как массовое явление в Харькове не наблюдалась [10, с.89]. На заводы и фабрики города депутаты трудоустроили около 5 тыс. подростков. Кроме того, для воспитанников детдомов ежегодно бронировалось 25-30 % мест в профшколах и ФЗУ [13, ф.Р-845, оп.3, д.271, л.129; д.1016, л.115]. Детским учреждениям и их воспитанникам горсовет постоянно оказывал финансовую помощь. В декабре 1926 г. Президиум горсовета принял решение о выдаче денежного пособия воспитанникам детских домов, которые жили на частных квартирах. Им с января 1927 г. в течение 6 месяцев выплачивалось по 10,5 р. в месяц. Кроме того, 60 р. в год выплачивалось ремесленникам-кустарям, взявшим к себе на воспитание и обучение воспитанника детдома. На эти цели только в 1927 г. было выделено 54,5 тыс.р. [10, с.90; 13, ф.Р-408, оп.4, д.2583, л.15; ф.Р-845, оп.3, д.271, л.129; д.1357, л.95; д.2780, л.27]. Ежегодно росли и денежные дотации на содержание детских домов. Так, если в 1925/26 г. на эти цели было выделено 80 тыс.р., то в последующие годы эти суммы составили 87 и 82 тыс., что составляло 4-5 % бюджета горсовета, выделяемого на народное образование [13, ф.Р-408, оп.4, д.1510, л.5; ф.Р-845, оп.3, д.1357, л.127].

Важное место в работе Харьковского городского Совета занимала школа. В первые годы нэпа в результате слабой материальной

базы, нехватки денежных средств и квалифицированных учителей в Харькове, как и в целом по Украине, охватить всех детей школой не представлялось возможным. На 1 января 1925 г. в школах города обучалось 31 198 детей в возрасте от 8 до 11 лет, или 78 %. Это было значительно выше, чем в среднем по Украине - на 17 % [2, с.100; 13, ф.Р-845, оп.3, д.20, л.285]. Однако, если учитывать детей других возрастов, то этот процент будет ниже. Зная такое положение, ВЦИК и СНК СССР 20 июля, а ВУЦИК и Совнарком Украины 30 июля 1924 г. принимают постановление о введении на протяжении шести лет, начиная с 1924/25 г., всеобщего начального образования для детей в возрасте 8-11 лет [12, ф.2, оп.3, д.314, л.2]. Депутаты Харьковского городского Совета в конце 1924 и в течение 1925 г. провели большую работу по учету детей и определению форм обучения. К началу 1926 г. в Харькове было учтено 58 890 детей школьного возраста. Из них 37 330 детей в возрасте от 8 до 11 лет и 21 560 - в возрасте 12-14 лет [13, ф.Р-845, оп.3, д.90, л.49]. Различными формами обучения было охвачено 45 838 чел. Из них 38 207 обучалось в 65 четырехлетних и семилетних школах [13, ф.Р-845, оп.3, д.20, л.97, 120]. В то же время нехватка школьных помещений и учительских кадров были главным препятствием на пути к всеобщему [11, 1926, 10 апр.].

В.И. Ленин еще в феврале 1920 г. указывал: "Чтобы школьное образование поставить более солидно... нужен целый ряд материальных изменений". В числе главных из них он называл расширение количества школьных помещений, их хорошее материальное обеспечение [1, с.161]. Только в 1927/28 учебном году горсовет добился освоения 32-х классных комнат, занимаемых посторонними учреждениями [13, ф.Р-408, оп.4, д.29, л.90; д.292, л.31; д.326, л.53]. В 1925-1927 гг. на постройку школ и ремонт школьных помещений Харьковский горсовет выделил 400 тыс. р., а в 1928-1932 гг. 6 млн р. [6, с.77; 13, ф.Р-408, оп.4, д.295, л.25-35; д.296, л.21-50]. В результате расходования этих средств проблема со школьными помещениями была решена. В 75 школах города обучались все дети школьного возраста, а в 1932/33 году было завершено введение всеобщего обязательного семилетнего обучения. Важным являлся и вопрос изыскания денежных средств для оказания практической помощи школам. Так, если в 1924/25 хозяйственном году на народное образование города было выделено 2 186 619 р., то в 1927 г. - примерно вполтину меньше. Уменьшение ассигнований

на народное образование было вызвано значительными вложениями средств в промышленность и сельское хозяйство. В этой связи, как отмечал зам.председателя СНК Украины А.К.Сербиченко, выступая на X Всеукраинском съезде Советов, "решить все задачи народного образования за счет средств государственного и местного бюджетов правительство не может". Для этого необходимо привлечь средства самого населения [3, с.30]. Харьковский горсовет, взяв на местный бюджет все школы, в то же время изыскивал пути привлечения и иных средств. Так, в 1926/27 учебном году по просьбе руководства горсовета комитет содействия школам выделил 13 тыс.р. на содержание школ. В 1927 г. содержание 7 школ полностью обеспечивалось Управлением железных дорог, а четверть всех школ - профсоюзами [13, ф.Р-408, оп.4, д.16, л.34]. Харьковский округ, в том числе и город, в эти же годы получил от различных общественных организаций более 3 млн р. [10, с.73]. Эти средства шли на организацию питания школьников, оказание помощи детям из малоимущих семей, обеспечение школ учебниками, повышение заработной платы учителям. Так, заработная плата учителей в 1926 г. составляла всего 55 р., в то время как средняя зарплата инженерно-технических работников была около 100 р. [13, ф.Р-408, оп.4, д.2584, л.10].

Горсоветом успешно решался и вопрос создания национальных школ. Как видно из отчетов депутатов горсовета 10-12 созывов, именно благодаря их хлопотам в Харькове в 1927/28 учебном году функционировали 34 русские, 25 украинских, 4 еврейские, польская, немецкая, татарская и армянская школы. С 1927 по 1930 г. количество школ с украинским языком обучения увеличилось до 43 [7, с.77; 10, с.74; 4, с.197]. В изучаемый период остро стоял вопрос и с учительскими кадрами. На начало 1926 г. в харьковских школах всего 8,8 % учителей имели высшее и неполное высшее и 44,9 % - среднее образование [13, ф.Р-845, оп.3, д.20, л.179]. В этой связи горсовет сделал ставку на массовую подготовку преподавателей. С 1927 г. в вузы на педагогические специальности широко открылись двери для рабочих и крестьян. В то же время значительно уменьшился прием для других социальных слоев. Аналогичное положение было во всех вузах Харькова. Для более углубленной подготовки выходцев из рабочих и крестьян к поступлению в вузы по решению горсовета в городе было открыто 30 рабфаков [10, с.69].

Депутаты городского Совета, входившие в состав приемных комиссий, строго следили за пополнением рабфаков, одновременно направляли в них и активных членов депутатских групп. За эти годы в вузы ими было направлено 250 активных членов депутатских групп [IЗ, ф.Р-408, оп.4, д.326, л.5I-52]. В результате строгого контроля городского Совета за пополнением рабфаков, вузов и техникумов значительное изменился социальный состав студентов. В 1930 г. 90 % студентов вузов и 97 % учащихся в профшколах и ФЗУ составляли рабочие и крестьяне [6, с.132; IЗ, ф.Р-408, оп.4, д.16, л.40].

Потребность народного хозяйства в квалифицированных специалистах требовала увеличения количества высших и средних специальных учебных заведений. К 1927 г. в Харькове действовало II высших учебных заведений и 8 техникумов [IО, с.69]. Однако, как установила комиссия горсовета, обследовавшая в первой половине 1929 г. вузы и техникумы, их материальная база, техническое оснащение, студенческие общежития владели жалкое существование [IЗ, ф.Р-845, оп.3, д.2685, л.164]. В конце 1926 г. на 14 тыс студентов вузов приходилось всего 4 тыс. мест в студенческих общежитиях [II, 1927, 3 авг.]. В этой связи горсовет систематически стермился оказать материальную помощь пролетарскому студенчеству. Так, осенью 1929 г. стипендия 40 % студентов была увеличена с 18-25 до 40 р. в месяц [IЗ, ф.Р-408, оп.4, д.205, л.2I]. Одновременно Совет заботился и о строительстве помещений для вузов и техникумов, содержании студенческих общежитий. На ремонт вузовских помещений городской Совет ежегодно выделял не менее 50 тыс.р. В 1927 г. денежные средства, вырученные горсоветом от лотереи, пошли на укрепление материальной базы и ремонт студенческих общежитий [II, 1927 3 авг.]. Президиум городского Совета в 1928/29 г. дополнительно на строительство зданий для новых вузов и общежитий выделил свыше 200 тыс.р. Кроме того, на эти же цели ВУЦИКом было выделено более одного млн р. [IЗ, ф.Р-408, оп.4, д.295, л.28; ф. Р-845, оп.3, д.14I, л. 17I]. В результате принятых мер ВУЦИКом и Харьковским городским Советом в городе в 1929-1931 гг. было организовано 23 новых института, а общее их количество достигло 32 [20, с.48; IЗ, ф.Р-408, оп.4, д.1510, л.1]. Пополнялся и контингент студентов. В 1930/31 учебном году в вузах города обучалось 27 тыс.студентов [Там же].

Таким образом, задачи развития народного образования в

Харькове здійснювались успішно. Благодаря планомерній роботі міського Ради і зокрема його депутатів, з початку 30-х років в місті були ліквідовані неграмотність і безприморність, введено загально початкове, а потім і семирічне навчання, розширено мережу ФЗУ, технікумів і вузів. Була зміцнена їх матеріальна база. Основний контингент учасників технікумів і студентів вузів складався з робітників і селян.

- Список літератури: 1. Л е н і н В.І. Річчя на ІІІ Всеросійському зборі керівників навчальних закладів губернських відділів народної освіти. 25 лютого 1920 р. // Полн. собр. соч. Т. 40. 2. ІХ В с е у к р а ї н с ь к и й з"їзд Рад робітничих, селянських та червоноармійських депутатів. 3-10 травня 1925 року (стеніграфічний звіт). Х., 1925. 3. Х В с е у к р а ї н с ь к и й з"їзд Рад робітничих, селянських та червоноармійських депутатів. 6-13 квітня 1927 року (стеніграфічний звіт та постанови). Х., 1927. 4. Г о с п о д а р с т в о та культурне будівництво Харківської міської округи. Х., 1926. 5. К П С С в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК (1898-1987). 9-е изд., испр. і доп. М., 1984. Т. 3. 6. М а т е р і а л и до звіту Харківського міського комітету КП(б)У. Х., 1931. 7. М а т е р і а л и до звіту Харківської міськради ІІІ скликання за 1926-27 і 1927-28 роки. Х., 1929. 8. П і д с у м к и сесії третього Пленуму Харківської міськради, 24-27 жовтня 1929. Х., 1929. 9. С о б р а н и е законів і постанов радянського робітничо-селянського уряду УРСР: 1925-1930. 10. Х а р к і в щ и н а в цифрах і фактах: Десятиліття революції. Х., 1927. 11. Х а р ь к о в с ь к и й пролетарій: Орган Харківського губкома КП(б)У, губисполкома і губпрофсовета: 1926-1927. 12. Ц е н т р а л ь н и й державний архів Октябської революції, вищих органів державної влади і державного управління УРСР. 13. Г о с у д а р с т в е н н и й архів Харківської області. 14. Г о н т а р ь А.В. Міські Ради України: Історія становлення і розвитку (20-30-е роки). К.; Одеса, 1990. 15. І с т о р і я міст і сіл УРСР. В 26 т. Харківська область. К., 1974. 16. М и л о с л а в с ь к а Ф.О., Р я б к о В.І. Історія культурного будівництва на Харківщині. 1917-1941 рр. // Трудячі

Харківщини в боротьбі за побудову комунізму. Х., 1958. С.245-291.
17. О черки истории Харьковской областной партийной организации. Х., 1980. 18. Р я п п о Л.П. Народна освіта на Україні за десять років революції. Х., 1928. 19. С л у ц ь к и й О.В. Радянська і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну Індустріалізацію країни 1926-1929 рр. К., 1956. 20. Х а р ь к о в за 50 лет Советской власти.. Х., 1967.

В.В.КУРЯКИН, канд.ист.наук

К ИСТОРИИ ВСТУПЛЕНИЯ США В БОЛЬШУЮ МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ (конец XIX – начало XX веков)

История сложных, во многом противоречивых отношений между Соединенными Штатами Америки и европейскими державами на рубеже веков привлекала и привлекает внимание советских и зарубежных исследователей.

Значительное внимание советские историки уделили изучению внешней политики США в рассматриваемый период, что нашло отражение в работах Р.М.Бродского, А.А.Губера, А.И.Данилина, Л.И.Зубока, Н.Н.Иноземцева, А.И.Иванова, А.В.Крепака, А.П.Раскина, Л.Ю.Слезкина, И.Г.Усачева, А.А.Фурсенко и других авторов [2]. Однако вопросы европейской политики США на рубеже веков не получили глубокого и всестороннего освещения в советской историографии.

Проблема взаимоотношений США и европейских держав в указанный период также не нашла обстоятельного исследования в американской исторической литературе.

Буржуазные историки (В.Алан, С.Бемис, О.Бэрк и Н.Блэйк, М.Докрилл, С.Лоу, Дж.Монжер, Д.Перкинс, Д.Хили [6] и др), опираясь в основном на тенденциозно подобранные факты и документы, пытались нарисовать в целом очень одностороннюю, а порой и прямо фальсифицированную картину этих отношений. Они намеренно выдвигали на первый план идею существования издавна естественных и неизменно дружественных отношений между Соединенными Штатами Америки и европейскими государствами. При этом оставлялись в тени или затушевывались вопросы империалистических противоречий

и соперничества, разделявшие США и страны Европы и носившие порой непримиримый характер.

Опираясь на работы советских и зарубежных исследователей, автор попытался рассмотреть причины выхода Соединенных Штатов Америки из состояния изоляции и вступления их на путь мировой политики.

С наступлением эпохи империализма необычайно усилилась неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран, что в значительной степени ухудшило взаимоотношения между крупнейшими европейскими государствами.

К этому периоду был в основном "закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами" [I, т. 27, с. 386-387]. Первые империалистические войны за передел мира (испано-американская 1898 г., англо-бурская 1899-1902 гг. и русско-японская 1904-1905 гг.) еще более усилили и обострили противоречия между ведущими капиталистическими странами. Немаловажную роль в этом сыграли Соединенные Штаты Америки, внешняя политика которых сравнительно быстро стала приспосабливаться к запросам и требованиям трестированного капитала, определявшего не только ее содержание, но и направление. Примером этого являлись события, развернувшиеся в последние годы XIX - первые годы XX вв. в бассейне Карибского моря (колониальное закабаление Кубы, Гаити, Пуэрто-Рико, Доминиканской республики, захват Панамского перешейка) а также закрепление тихоокеанских подступов к азиатскому материку (Гавайских, Филиппинских островов и островов Самоа). Все это свидетельствовало о превращении США в достойного империалистического партнера европейских государств в борьбе за рынки сырья и сбыта, сферы приложения капиталов. Вступление Соединенных Штатов Америки в большую мировую политику в известной степени поколебало уже сложившееся в мире политическое равновесие сил [8, с. 8]. Американский империализм стал все чаще сталкиваться на международной арене с европейскими державами, которым в борьбе за передел мира приходилось считаться с его экспансионистскими устремлениями.

Великобритания на рубеже веков оказалась перед лицом могущественных соперников - США и Германии, значительно опередивших ее в экономическом развитии. К этому же времени закончилось столетие старой панбританской политики. Английская буржуазия призна-

да невозможным одновременное ведение успешной борьбы с Германией в Европе, Францией в Африке, Россией на Ближнем Востоке и Японией на Дальнем Востоке [13, с. 166]. Все это заставило ее выйти из состояния "блестящей изоляции" и стать на путь поиска более или менее постоянных союзников, а нарастающее обострение империалистических противоречий с Германией побуждало Англию искать сближения с Соединенными Штатами Америки, которые в отличие от Германии меньше испытывали недостаток в рынках сбыта и источниках сырья, располагая крупным внутренним рынком и рынками близлежащих слабо развитых в экономическом отношении стран Латинской Америки. Поэтому экономический натиск США на традиционные рынки Англии был значительно слабее, нежели Германии, которая угрожала Великобритании во всех экономически важных регионах. Наконец, сказывались давние торгово-экономические связи, в известной степени снижавшие остроту конкуренции. В силу этих обстоятельств экономическое преобладание США в мировом промышленном производстве не так остро отражалось на экономике Англии. С другой стороны, американский империализм, сталкиваясь в борьбе за мировое господство с подобными устремлениями германского империализма, все чаще рассматривал Великобританию как возможного экономического и политического союзника, который в меньшей степени угрожал основным экономическим позициям США, нежели Германия. Это и предопределило американо-английское сближение в целях противодействия Германии, покушавшейся на ключевые позиции США и Англии, расположенные в основных экономически и стратегически важных районах мира и составлявшие важнейшие сферы их деятельности.

Необычайно чутко реагировала на попытки американо-английского сближения немецкая буржуазная пресса, которая в вопросах внешней политики солидаризировалась с намерениями своего правительства. Особенно острым ее нападкам был подвергнут американский таможенный тариф 1897 г., который значительно повысил уровень обложения немецких товаров. Однако с середины 1898 г. германская буржуазная пресса заметно изменила тон и перенесла акцент на якобы корректную, нейтральную позицию германского правительства во время испано-американской войны. Она спешила зарекомендовать США, что подобную позицию займет правительство Германии и на Парижской конференции во время решения ее филиппинского вопроса [5, ф. 560, оп. 22, д. 203, 12 об.].

Подобный тон был задан германским правительством, которое прилагало немалые усилия к тому, чтобы сохранить "дружественные" отношения с США. Так, в начале января 1899 г. германский канцлер Булов принял корреспондента американской газеты "Нью-Йорк Геральд" Стангона и более часа беседовал с ним. В ходе встречи канцлер особо подчеркнул, что все распространяемые в американских газетах сообщения о якобы недружелюбных актах Германии по отношению к США в азиатском регионе представляются злонамеренной выдумкой, что если Германия иногда и проявляла теплое отношение к Испании, то это были не чувства симпатии, а скорее лишь сострадание, и что сама мысль о вооруженном столкновении между Германией и Соединенными Штатами Америки была бы преступлением [5, ф.560, оп.22, д.203, л.32]. Накануне этой встречи немецкая консервативная газета "Пост", издававшаяся бароном Штуммом, писала: "Преждевременным вмешательством в этот вопрос (филиппинский. - В.К.) мы могли бы повредить многообразным отношениям, связывающим нас с Соединенными Штатами на экономической основе" [5, ф.560, оп.22, д.203, л.12 об.]. Усиливавшаяся германская агрессия вынудила Англию и Францию пойти на урегулирование взаимных разногласий (Франция в Северной Африке отказалась от своих притязаний в Египте в пользу Англии [10, с.264], а Великобритания отказалась от притязаний в Марокко в пользу Франции). 8 апреля 1904 г. было подписано англо-французское соглашение, впоследствии получившее название Антанта.

В свою очередь, поворот США к активной мировой политике неминуемо заставил их отойти от традиционного внешнеполитического курса, включавшего в себя такие основные принципы, как никаких союзов с иностранными государствами, невмешательство в европейские дела, ненападение европейских государств на страны Западного полушария [9, с.III].

В интересах крупнейших монополистических объединений, нуждавшихся в приобретении новых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала, республиканская партия, "партия крупнейшего финансового капитала" [1, т.42, с.92], предала забвению традиционный принцип невмешательства в европейские дела. К тому же к концу XIX - началу XX в. Великобритания окончательно утратила контроль над равновесием сил на европейском континенте. Отныне роль уравнивающей силы, по мысли Брукса Адамса, од-

ного из идеологов американского империализма [3, с.21], переходила к Соединенным Штатам Америки, которые "должны были со всей возможной полнотой занять место Англии" [7, с.197].

Вмешиваясь в европейскую политику, США в то же время не допускали подобного вмешательства со стороны стран Европы в дела южноамериканских республик. Более того, Соединенные Штаты Америки стремились к тому, чтобы окончательно вытеснить европейские державы с американского континента. Так, в 90-е годы прошлого века, когда американский монополистический капитал лишь приступал к осуществлению своих экспансионистских планов, Т.Рузвельт, еще только начинавший свой путь в большую политику, заявил, что хотел бы добиться того, чтобы любая европейская держава была вытеснена из Америки [11, с.57]. В этом стремлении он был не одинок. Аналогичные мысли высказывал один из известных американских историков Генри Адамс, который также надеялся увидеть Европу изгнанной из Западного полушария [Там же].

США, вступив на путь экспансионистской, империалистической политики, в осуществлении своих замыслов сталкивались с аналогичными устремлениями европейских держав. Однако из всего комплекса международных противоречий, разделявших США и страны Европы, наибольшей остротой отличались американо-германские отношения. В силу этого США все более убеждались в необходимости тесного политического и экономического сотрудничества со странами Антанты. К подобному выводу пришел и Т.Рузвельт, "возглавивший государство и правительство в период кардинальных внешнеполитических изменений" [4, с.100]. В начале своей политической деятельности он считал необходимым поддерживать тесные отношения с Великобританией и Германией. Придерживался этой идеи Рузвельт и в последующие годы. Незадолго до того, как стать президентом, Рузвельт писал своему другу барону Герману Штернбургу (германскому послу в США): "Как Вам известно, я очень сильно надеюсь, что Германия, Англия и Соединенные Штаты будут более и более действовать вместе" [12, с.439].

Однако по мере усиления остроты и непримиримости англо-германских противоречий, нарастания и углубления враждебности в отношениях между США и Германией Рузвельт все более стал склоняться к поддержке Англии и Франции, так как не склонен был видеть Германию сильнейшей державой мира [12, с.439].

Таким образом, Соединенные Штаты Америки стали рассматривать Антанту как орудие в предстоящей борьбе с германской экспансией, не только угрожавшей балансу политических сил в Европе и покушавшейся в своих замыслах на позиции США в Латинской Америке, но и открыто претендовавшей на "последние куски неперделанного мира или на передел кусков, уже разделенных" [I, т.27, с.381]. Но "такие вопросы в этом мире капиталистов, — указывал В.И. Ленин, — не решаются добровольно. Это может быть решено только войной" [I, т.32, с.89].

Все более открыто выражавшаяся агрессивная направленность германского империализма предопределила политическое сближение США со странами Тройственного согласия и в дальнейшем способствовала вступлению их в первую мировую войну на стороне Антанты.

Список литературы: I. Ленин В.И. Полн. собр. соч.

2. Бродский Р.М. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае в 1898-1905 гг. Львов, 1965; Губер А.А. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм. М., 1961; Данилин А.И., Иванов А.И., Крепак А.В., Раскин А.П. Европейская политика США в конце XIX — начале XX вв. //Межвузовск. сб. науч. тр. Л., 1989; Зубок Л.И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900-1903. М.; Л., 1948; Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Слезкин Л.Ю. Испано-американская война 1898 года. М., 1956; Усачев И.Г. Джон Фостер Даллес: Политический миф и реальность. М., 1990; Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и империалистическая доктрина "открытых дверей". М., 1956. 3. Гейвандов С.К., Демонтьев И.П. Брукс Адамс — родоначальник идеологии американского империализма //Новая и новейшая история. 1977. № 1.
4. Лан В.И. США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975. 5. Центральный Государственный архив СССР. 6. *Alan Ward. Ireland and Anglo-American relations 1899-1921. Toronto, 1969; Bemis S. A Diplomatic History of the United States. New York, 1950; Bark O. and Blake N. The United States in its World Relations.*

- New York, 1960; Lowe C. and Dockrill M. *The Mirage of Power. Vol. I.* London; Boston, 1972; Monger D. *The End of Isolation. British Foreign policy 1900-1907.* London; Toronto; New York, 1963; Perkins D. *The American approach to foreign policy.* Cambridge, 1962; Healy D. *US Expansionism. The Imperialist Urge in the 1890-s.* London, 1970. 7. Adams B. *American's Economic Supremacy.* New York, 1900. 8. Gelber L. *The Rise of Anglo-American Friendship. A Study in World Politics 1898-1906.* London; New York; Toronto, 1938. 9. Dumond D. *American in our Time 1896-1946.* Michigan, 1947. 10. Hollis C. *History of British in Modern Times 1688-1939.* London, 1946. 11. Healy D. *US Expansionism. The Imperialist Urge in the 1890-s.* London, 1970. 12. Blake N. and Bark D. *The United States in its World Relations.* New York, 1960. 13. Mayer C. and Foster W. *The United States and twentieth century.* Boston, 1958.

Поступила в редколлегию 24.10.90.

В.И.КОВАЛЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ КАК ОРГАНОВ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Во время революционных, социально-экономических, политических преобразований по инициативе народных масс рождались новые политические организации, органы власти, которые впоследствии играли важную роль в общественной жизни государства. К таким органам власти можно отнести Советы в нашей стране, национальные

комитеты в Чехословакии. Ныне в процессе глубоких демократических преобразований в странах Восточной Европы возрождается подлинное народовластие. При этом учитываются демократические традиции каждой страны и опыт становления народовластия в первые послевоенные годы. Особо показательным в этом плане является опыт Чехословакии.

В советской историографии нет специальных работ по этой теме, а содержащиеся в монографиях [2 - 4] материалы о начальном периоде деятельности национальных комитетов требуют уточнения. В чехословацкой историографии есть монографии [5; 8; II], раскрывающие отдельные аспекты данной проблемы. Наиболее полно освещает эту тему монография К.Бертельмана [5], хотя отдельные аспекты и материалы требуют уточнения. Имеющиеся документальные материалы [12-13, 15-19] позволяют наиболее полно раскрыть рассматриваемую проблему.

Автор статьи, используя документальные материалы, периодическую печать, ставит своей задачей исследовать процесс возникновения и становления национальных комитетов как органов народной власти в Чехословакии.

В 1943 г. произошел перелом в ходе второй мировой войны, был заключен советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный 12 декабря 1943 г., состоялись переговоры коммунистов с другими группами антифашистского сопротивления в Словакии об объединении сил. В середине декабря 1943 г. между коммунистами, "гражданской группой" (Й.Леттрих, Я.Урсунг, М.Йоско) и социал-демократами [1, с.100] было достигнуто политическое соглашение о создании центрального органа национально-освободительной борьбы - Словацкого национального совета (СНС). Он стал не только центром по руководству антифашистской борьбой, но и органом, разрабатывающим планы послевоенного положения Словакии в возрожденной Чехословакии.

Существовали различные точки зрения о месте, роли национальных комитетов в освобожденной республике. Во время переговоров московского руководства ЦК КПЧ и президента Э.Бенеша в Москве в декабре 1943 г. эти точки зрения были конкретизированы и сделана попытка их сближения. Позиция компартии состояла в том, что в освобожденной республике национальные комитеты должны стать постоянными органами государственной власти. Э.Бенеш и Лондон-

ской чехословацкое эмигрантское правительство считали, что возникшие в подполье национальные комитеты могут в первое время после освобождения страны существовать только как временные органы власти [16, Sv. I, s. 43]. Подводя итоги переговоров, К. Готвальд констатировал: "С нашими предложениями о создании национальных комитетов президент в целом согласился... Он признал необходимость широкой компетенции национальных комитетов, а не только их декоративный характер" [7, Sv. XI, s. 264-265].

Однако президент Э. Бенеш еще длительное время проявлял непоследовательность при решении вопроса о создании национальных комитетов и их компетенции. В своей речи "На пути к победе" 3 февраля 1944 г. он заявил, что необходимо "повсюду создавать национальные комитеты, которые после падения фашистской диктатуры были бы первыми демократическими органами власти и имели бы политические и административные права" [6, s. 395]. Но в двух конституционных декретах президента республики от 3 августа 1944 г. — о временном управлении освобожденной территории и об обновлении правового порядка — за национальными комитетами не закреплялись полномочия единственных органов государственной власти на местах. Им отводилась роль временных органов власти.

В 1944 г. в подполье в массовом порядке возникали национальные комитеты. Как правило, инициаторами их создания были коммунисты. Параллельно появлялись и национальные комитеты, создаваемые сторонниками В. Шробара, отражавшего точку зрения эмигрантского правительства. Об этом свидетельствует капитан Краткий, один из руководителей подпольной разведывательной группы, заброшенной в Чехословакию эмигрантским правительством. В мае 1944 г. в радиোগрамме в Лондон он сообщал, что "в большинстве городов и деревень создаются два национальных комитета, т.е. комитет Шробара и комитет коммунистов" [19, s. 198].

В конце августа 1944 г. началось Словацкое национальное восстание (СНВ), и вышедшие из подполья национальные комитеты стали превращаться в органы народной власти. В прокламации районного национального комитета Гнушти 31 августа 1944 г. сообщалось, что "вся законодательная власть переходит революционным национальным комитетам" [15, Sv. I, s. 193].

Развитию национальных комитетов на повстанческой территории способствовала директива СНС о создании и деятельности мест-

ных и районных национальных комитетов от 7 сентября 1944 г., где была зафиксирована необходимость их формирования из представителей всех политических направлений. В ней также были определены основные функции национальных комитетов: осуществление общественного управления, продовольственного снабжения, обеспечение безопасности и порядка, чистка государственных и общественных органов на местах от предателей и коллаборационистов. 27 сентября 1944 г. Поверенниство СНС по внутренним делам издало директиву об организации и компетенции местных и районных национальных комитетов [I9, s.593-595], которая способствовала улучшению их работы.

На повстанческой территории во всех городах и большинстве деревень были созданы национальные комитеты. Они существенно отличались от подобных органов власти, возникших в 1918 г. в период распада Австро-Венгрии. Национальные комитеты 1944 г. были созданы в условиях развернувшегося антифашистского восстания, когда народ политически созрел, чтобы взять власть в свои руки [21, 1944, I *septembra*]. Так, например, национальный комитет в населенном пункте Шумяче был образован 29 августа 1944 г. и уже через 2 ч провел мобилизацию населения для борьбы в районе Тельгарта. В период с 4 по 21 сентября национальный комитет осуществил следующие мероприятия: организовал работу мужчин в возрасте от 16 до 50 лет на оборонных сооружениях (рытье окопов, пулеметных гнезд); передал для армии солому, овес, частично продовольствие, обувь, табак; предоставил продовольствие для проходящего партизанского отряда; провел сбор одежды, продовольствия и денег для эвакуированных из Тельгарта; создал пожарную команду и гражданскую противовоздушную службу [20, 1944, II *oktobra*].

Успешный опыт деятельности национальных комитетов в период СНВ показал их жизнеспособность как подлинно народных органов власти на местах. Это серьезно повлияло на позицию президента Э.Бенеша и эмигрантского правительства. 4 декабря 1944 г. был издан декрет президента о национальных комитетах. Согласно первой статье этого декрета национальные комитеты характеризовались как "временные органы общественного управления во всех их сферах" [II, s.28]. И далее говорилось, что данные "органы государственной власти будут подчинены правительству" [II, s.28]. Издание президентского декрета о национальных комитетах было

первой принципиальной победой революционной концепции национальных комитетов.

В Кошицкой правительственной программе национальные комитеты рассматривались уже как постоянные органы народной власти. Была расширена их компетенция, хотя и не нашедшая еще точного определения. В программе указывалось, что национальные комитеты "в период своих полномочий будут осуществлять управление общественными делами, совместно с центральными органами обеспечивать общественную безопасность и сформируют подчиненный им демократический административный аппарат" [12, s.16]. Данный принцип имел большое значение, так как национальные комитеты получали права местного самоуправления. Важен был и другой момент в программе, где говорилось, что "правительство будет реализовывать свою политику посредством национальных комитетов и полностью опираться на них" [12, s.16].

Исходя из Кошицкой программы, Президиум СНС 7 апреля 1945 г. принял декрет о национальных комитетах [16, s.55-57]. В соответствии с ним к национальным комитетам переходили все полномочия ранее существовавших на местах старых административных органов. На основе этого декрета Поверенничество внутренних дел 10 апреля 1945 г. издало организационную директиву по созданию местных и районных национальных комитетов.

Дальнейшему развитию новых народных органов власти в общегосударственном масштабе способствовало правительственное постановление о выборах и полномочиях национальных комитетов от 5 мая 1945 г. [16, s.III-IV]. В нем определялось положение представительных органов государственного управления. Исходя из правительственного постановления и опыта деятельности новых народных органов в Словакии, Министерство внутренних дел республики 19 мая 1945 г. издало директиву о местных и районных национальных комитетах в чешских землях [16, s.I71-180], в которой были изложены принципы их формирования и отношения с существующими государственными органами.

На основании этих документов в Словакии и в чешских землях были проведены выборы в местные, районные и земские национальные комитеты. Осенью 1945 г. в 561 населенном пункте Словакии, где состоялись выборы, из 7656 членов местных национальных комитетов 3355 были коммунистами, 3003 - представителями

демократической партии, остальные — беспартийными. В составе районных национальных комитетов большинство мест имела компартия [5, s.237]. При обновлении национальных комитетов в Словакии партийный паритет в их составе не был полностью соблюден, так как коммунисты пользовались большим авторитетом как самые активные участники антифашистского движения Сопротивления. При обновлении национальных комитетов. Паритет же в местных национальных комитетах, как и в Словакии, в то время не был соблюден. На территории Чехии было тогда среди членов местных и районных национальных комитетов 37 % коммунистов, 17,5 % национальных социалистов, 15,5 % народников, 14 % социал-демократов и 16 % беспартийных, а в Моравии коммунисты составляли 32 % [5, s.172].

Становление и укрепление национальных комитетов в 1945 г. проходило в процессе решения ими целого ряда неотложных практических задач на местах. Сразу же после освобождения они выступили организаторами ремонта дорог и улучшения снабжения населения. В Слишской Новой Вси по призыву национального комитета были на ремонт железной дороги 6 тыс. чел. [10, s.25]. Была организована помощь продовольствием жителям пострадавших районов. Например, национальный комитет в Сечовцах распределил 1,5 т хлеба лицам, пострадавшим в ходе войны [5, s.229].

Большое значение имели национальные комитеты в создании и деятельности новых органов государственного аппарата. Вместо полиции и четничества был создан Корпус национальной безопасности. Он в основном был подчинен национальным комитетам. С его помощью национальные комитеты осуществляли чистку общества от фашистских элементов в Словакии на основе декрета СНС от 15 мая 1945 г., в Чехии — декретов президента от 19 июня и 24 октября 1945 г. [5, s.230].

Плодотворную деятельность национальные комитеты осуществляли при введении национального управления на предприятиях, конфискованных у фашистов и коллаборационистов. Они совместно с заводскими советами назначали управляющих на эти предприятия, контролировали их практическую деятельность. К 31 августа 1945 г. в республике под национальным управлением было 9045 предприятий с 923 486 рабочими [5, s.98]. Следующим этапом деятельности национальных комитетов в этой области являлось их активное участие в борьбе за национализацию ключевых отраслей

промышленности и банков. Национальный комитет в Ломнице 26 сентября 1945 г. выступал за быстрое подписание декретов о национализации крупной промышленности и банков [18, s. II9]. С таким же предложением выступил и национальный комитет в Чешском Тешине [18, s. I22]. Национализация ключевых отраслей промышленности и банков была осуществлена на основе октябрьских 1945 г. декретов президента.

Самой важной областью деятельности национальных комитетов было сельское хозяйство. Проведение первого этапа земельной реформы во всей республике осуществлялось на основе декрета президента республики от 21 июня 1945 г. о конфискации и быстром разделе земли немцев, мадяров, а также предателей и врагов чешского и словацкого народа [16, s. 226-233] и декрета президента республики от 20 июля 1945 г. о заселении сельскохозяйственной земли немцев, мадяров и других врагов государства чешскими и словацкими земледельцами [16, s. 253-258]. Проведение земельной реформы было поручено народным органам - национальным комитетам и крестьянским комиссиям. С их помощью к концу 1945 г. во внутренних областях Чехии было конфисковано 80 тыс. га пахотной земли и 367 тыс. га лесов [5, s. I01]. В Восточной Словакии на этом этапе земельной реформы было конфисковано 197 097 га земли врагов и предателей [9, s. I07].

Первые итоги деятельности национальных комитетов в Словакии подвел съезд национальных комитетов в Банска-Быстрице 28 августа 1945 г., на котором присутствовало 642 делегата из 79 районов [14]. Председатель СНС К.Шмидке в своем выступлении на съезде, оценивая значение национальных комитетов, говорил: "Национальные комитеты выполнили великое дело в движении сопротивления и сейчас при преодолении первых трудностей после освобождения" [14].

В 1946 г. по результатам выборов в Законодательное национальное собрание было проведено обновление национальных комитетов на основе правительственного постановления от 27 мая 1946 г. Они формировались в соответствии с количеством голосов, полученных различными политическими партиями на выборах. В чешских землях наибольшего успеха добилась КПЧ. В национальных комитетах разных уровней сотрудничали представители всех четырех чешских политических партий. На территории Чехии

в 101 из 114 районов председателями районных национальных комитетов были коммунисты, в 4 – народники, в 4 – социал-демократы, в 5 – национальные социалисты [5, s.179]. В Моравии в 26 из 48 районов председателями национальных комитетов были коммунисты, в 14 – народники, в 3 – социал-демократы, в 3 – национальные социалисты [5, s.179]. В Словакии после выборов 1946 г. сложилось иное представительство политических партий в национальных комитетах. Большинство мест получила демократическая партия. Поскольку каждая политическая партия имела влияние и опиралась на определенные социальные слои населения, то это нашло отражение и в составе депутатов в национальных комитетах. Это видно из таблицы, составленной по данным (в %), приведенным в монографии К.Бертельмана [5, s.182].

Политические партии	Районные национальные комитеты			Земские национальные комитеты		
	Рабочие	Крестьяне	Государственные служащие	Рабочие	Крестьяне	Государственные служащие
КПЧ	16,6	15,8	15,0	11,3	7,5	12,5
Чехословацкая народная партия (ЧНП)	4,1	32,0	8,6	9,5	14,3	4,8
Чехословацкая социал-демократическая партия (ЧСДП)	9,6	10,8	19,0	—	12,5	—
Чехословацкая национально-социалистическая партия (ЧНСП)	7,8	15,6	20,2	2,2	2,2	23,9

В районных и земских национальных комитетах в Чехии и Моравии КПЧ в своей политической борьбе опиралась в основном на рабочих, ЧНП – на крестьян, а ЧНСП – на государственных служащих.

В конце 1946 – начале 1947 г. в основном завершился процесс становления национальных комитетов как органов народной власти в Чехословакии. Положение национальных комитетов в обществе окон-

чительно узаконила Конституция 9 мая 1948 г. в своей десятой статье, где было записано: "Носителем и исполнителем государственной власти в городах, районах и краях и стражем прав и свобод народа являются национальные комитеты" [13, с. 37].

Национальные комитеты, возникавшие в период национально-освободительной борьбы, как органы народной власти впервые осуществили свои функции на повстанческой территории в период СНВ. Однако из-за кратковременности восстания они не успели проявить себя полностью, но их деятельность послужила прецедентом, и президент республики Э. Бенеш подписал декрет о национальных комитетах 4 декабря 1944 г. В 1945 г. проходил процесс дальнейшего правового упрочения национальных комитетов как новых органов государственной власти. Коренные изменения состояли в том, что вместо сверху назначенных бюрократических органов, районных и земских политических учреждений, основанных на монопольном руководстве районных и земских начальников, появились в городах, районах и краях республики народные представительные органы — национальные комитеты. Они стали частью нового государственного аппарата, без которого не могла быть выполнена Кошицкая правительственная программа, а затем и Созидательная программа, двухлетка и решен аграрный вопрос. Национальные комитеты в период национально-демократической революции в Чехословакии стали полностью народными органами государственной власти.

Список литературы: 1. Г у с а к Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. 2. М у р а ш к о Г.П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства. — М., 1986. 3. С е м и р я г а М.И. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. М., 1985. 4. Я н и н А.А. Решающее сражение: Февральская победа трудящихся Чехословакии в 1948 г. М., 1978. 5. Bertelmann K. *Vývoj národních výborů do Ústavy 9. května. Praha, 1964.* 6. Beneš E. *Šest let exilu a druhé světové války. Reči, projevy a dokumenty z r. 1938—1945. Praha, 1946.* 7. Gottwald K. *Spisy, XI. Praha,*

1955. 8. Krempa J. Vznik a činnosť revolučných národných výborov na východnom Slovensku v rokoch 1944-1945. Košice, 1985.
9. KSČ a východne Slovensko. Košice, 1971.
10. Odbory na ceste k Februáru. Bratislava, 1967.
11. Škoda V. Národné výbory základní orgány jednotné štátni moci v ČSSR. Praha, 1975.
12. Program prvej domácej vlády republiky vlády Národného frontu Čechov a Slovákov. Praha, 1948.
13. Ústava Československej republiky a predpisy s ni súvisiace. Praha, 1955.
14. ŠSÚA, f. SNR, SZEP SNR.
15. Cesta ke Květnu, sv. 1. Praha, 1965.
16. Cestou Května. Praha, 1975.
17. Dejiny Slovenskeho národného povstania 1944, zv. III. Bratislava, 1984.
18. Kral V. Cestou k Únoru. Dokumenty. Praha, 1963.
19. Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965.
20. Pravda, 1944.
21. Nové slovo, 1944.

Поступила в редколлегию 04.10.90.

А.А.ЧУВИЛО, канд.ист.наук

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА И ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В 1931 - 1936 гг.

В 1930-1931 гг. Индийский национальный конгресс (ИНК), возглавлявший борьбу народов Индостана против британских колонизаторов, организовал под руководством своего лидера М.К.Ганди массовую ненасильственную кампанию гражданского неповиновения для

завоевания независимости. Несмотря на серьезные удары, нанесенные патриотами властям, она закончилась подписанием с ними 5 марта 1931 г. компромиссного Делийского пакта, не предусматривавшего предоставления Индии даже прав доминиона См.: [6, с.100-104]. Заключение соглашения с англичанами, вызвавшего разочарование и подавленность среди конгрессистов и общественности, привело к кризису крупнейшей общендийской организации и обострению противоречий в ее рядах по вопросу о дальнейшем политическом курсе ИНК.

Изучение этих явлений, представляющихся во многом актуальными для Индии и некоторых стран мира даже в настоящее время, имеет поэтому не только научное, но и политическое значение. Однако они еще не нашли достаточно полного отражения в работах отечественных и зарубежных индологов. В данной статье ставится задача в некоторой степени восполнить этот пробел, обратив внимание на ряд малоизученных событий конгрессистской истории первой половины 30-х годов XX в.

Следует отметить, что к моменту заключения Делийского пакта в Конгрессе, представлявшем собой пестрый блок различных политических сил, сгруппировавшихся вокруг идеи национального освобождения в ее гандистской интерпретации, доминировали умеренные и правые деятели, которые хотя и являлись сторонниками самостоятельного развития Индии, но предпочитали добиваться его постепенно, преимущественно посредством конституционных реформ и достижения договоренностей с метрополией. Их социально-экономические воззрения [Подробнее см.: 10, с.108-139] в основном ограничивались конструктивной программой М.К.Ганди, предусматривавшей бойкот английского текстиля и распространение в стране ручного прядения и ткачества, производство кхади — домотканной хлопчатобумажной материи [9, с.231-244]. Левое крыло требовало активизации борьбы за независимость посредством модификации ее форм и методов, а также принятия Конгрессом радикальной социально-экономической программы. В начале 30-х годов оно еще находилось в стадии формирования, отличаясь крайней неоднородностью, отсутствием идейной и организационной консолидации, наличием существенных разногласий между различными группировками.

Тем не менее левые и их лидеры, особенно Дж.Неру и С.Ч.Восс, пользовались уже немалым влиянием в Конгрессе и стране. На сес-

сии ИНК в Карачи (29-31 марта 1931 г.) они активно выступили за прогрессивные изменения в политике партии. Некоторые предложения левых нашли поддержку у делегатов и были приняты сессией. Так, предложенная Дж.Неру резолюция, одобрявшая Делийский пакт, определяла его всего лишь как временное урегулирование отношений между Рабочим комитетом ИНК и правительством, подчеркивая при этом, что целью партии остается полная независимость [См.: 17, 1931, 30, 31 марта; 21, 1931, 31 марта; 23, 1931, 31 марта]. В другой резолюции "Об основных правах и экономической программе", составленной Дж.Неру, впервые в истории ИНК указывалось на необходимость ясно изложить народным массам политику конгрессистов после ухода англичан из Индии. В ней подчеркивалась важность проведения целого комплекса мероприятий, затрагивающих все стороны жизни индийцев, в том числе предоставления им широких общедемократических прав и свобод, поднятия жизненного уровня населения, резкого снижения земельной ренты, ограничения ростовщичества, передачи в руки государства ключевых отраслей промышленности, транспорта, природных богатств и др. [4, с.3-10].

Одновременно левые предприняли одну из первых попыток своего организационного оформления. В июле 1931 г. радикальные конгрессисты провинции Бихар создали внутри Конгресса Бихарскую социалистическую партию. Ее ближайшей целью провозглашались распространение в стране социалистических идей и организация рабочих и крестьян, а конечной - создание в Индии социалистического государства, в котором будет ликвидирована частная собственность [13, с.304-305]. Позже близкие по составу и целям группы возникли в Соединенных провинциях, Дели и Бомбее [13, с.305]. Однако из-за внутренних разногласий и участия в движении гражданско-го неповиновения они не смогли объединиться в единую левую партию во всеиндийском масштабе вплоть до 1934 г., что не давало возможности левому крылу в дальнейшем оказывать более эффективное воздействие на политический курс Национального конгресса.

В результате ИНК в лице М.К.Ганди принял участие во второй Конференции круглого стола (первую он бойкотировал), проходившей в Лондоне летом-осенью 1931 г., а также в первой половине 1932 г. [См.: 5]. Созывая конференцию, колонизаторы объявили ее целью выработку проекта нового закона об управлении Индией, но в ходе работы созсем не собирались решать вопрос о ликвидации ее колониального статуса, на что уповали М.К.Ганди и Конгресс.

Поскольку состав конференции подбирался англичанами главным образом из самых реакционных слоев индийского общества, среди которых всерьез разжигались разногласия, прежде всего религиозно-общинные, то она так и не смогла принять проект новой конституции из-за возникших непримиримых противоречий при обсуждении проблемы гарантии прав отдельных народностей, религиозных общин и каст. Все усилия М.К.Ганди добиться их единства закончились неудачей, и он досрочно вернулся на родину 28 декабря 1931 г. [14, с.505]. Вслед за ним для обследования положения в Индии прибыли три весьма представительные комиссии, назначенные Конференцией круглого стола [19, 1932, 14 янв.]. Английское же правительство опубликовало свой проект индийской конституции, так называемую "Белую книгу", которая не предусматривала предоставления Индии даже ограниченных прав доминиона [См.: 3].

Данное обстоятельство, а также систематические нарушения властями условий Делийского пакта вынудили руководство ИНК в начале января 1932 г. вступить в переговоры с вице-королем [24, 1932, II янв.]. Глава колониальной администрации наотрез отказался удовлетворить требования конгрессистов, что послужило поводом к объявлению лидерами ИНК второй кампании гражданского неповиновения. Разработанный ими план ее проведения предусматривал различные акции гражданского неповиновения властям на общендийском и провинциальном уровне. В масштабах всей страны проводились многочисленные бойкоты, пикетирование магазинов, торгующих английскими товарами, иностранной одеждой и спиртными напитками, запрещенные митинги и демонстрации, нарушались законы и чрезвычайные указы [14, с.527-528].

Однако вторая кампания гражданского неповиновения в отличие от первой не стала поистине массовой и не достигла широкого размаха. Если первые четыре месяца борьбы отличались активностью и напористостью, то затем начался постепенный спад, нарушавшийся отдельными вспышками [2, с.357]. Дело в том, что у народа возникли чувства разочарования политикой руководства ИНК, проявлявшего нерешительность, колебания, стремление к компромиссу, несогласованность в действиях. Ничего нового оно не предлагало, а прежние идеалы в значительной степени утратили свою былую притягательность, оказавшись к тому же и малоэффективными. Регрессии властей, ужесточавшиеся с каждым днем, лишь усиливали упаднические настроения. В конечном счете ИНК, объявленный вне закона, постепенно утрачивал влияние на массы. Руководимые конгрессиста-

ми выступления привлекали все меньше участников.

С лета 1932 г. кампания гражданского неповиновения пошла на убыль, ограничившись главным образом индивидуальным неповиновением членов ИНК. Освободительное движение стало распадаться на отдельные потоки, вступив в полосу глубокого кризиса. Видя это, М.К.Ганди и конгрессистское руководство решили сосредоточить основные усилия на борьбе против неприкасаемости и устранении религиозно-общинных противоречий, надеясь получить миллионы новых сторонников, не принимавших активного участия в антиколониальной борьбе. Находясь в тюрьме, М.К.Ганди стал инициатором еще одной кампании — против института неприкасаемости. Он посвятил ей все свое время и силы, как бы забыв на время о борьбе за независимость и кампании гражданского неповиновения, которая медленно затухала, а 9 мая 1933 г. по решению Рабочего комитета ИНК была приостановлена, но не прекращена полностью [12, с.479-480].

Приостановка гражданского неповиновения усилила упадочные настроения, подавленность и растерянность в рядах Конгресса. Царила обстановка уныния и бесперспективности [1, с.223]. Резко обострились внутрипартийные противоречия. Большинство конгрессистов не могли смириться с тем, что борьба с неприкасаемостью стала их основной задачей, считая ее вспомогательной для достижения главной цели — завоевания независимости [15, с.205]. М.К.Ганди подвергался острой критике как справа, так и слева. Правые настаивали на полном прекращении массового движения, легализации ИНК и заключении соглашения с правительством по типу Делийского пакта. Дальнейшее продолжение борьбы они считали бессмысленным. Левые осуждали М.К.Ганди за ее прекращение и требовали созыва специальной конференции для определения дальнейшего политического курса Конгресса. Агентство Рейтер в это время по всему миру распространило заявление С.Ч.Боса и Витталбхай Пателя, в котором политическая деятельность М.К.Ганди по руководству антиколониальным движением признавалась неудачной и выдвигались требования реорганизации ИНК на основе новых принципов и методов, а также отставки его руководства [15, с.205].

В сложившейся ситуации президент Конгресса, идя навстречу пожеланиям представителей левого крыла, созвал в Пуна 12-14 июля 1933 г. специальную конференцию. В ней участвовало около двухсот руководителей ИНК всех уровней и делегатов от ведущих провинциальных организаций. Преобладали, однако, умеренные и

правые деятели, в большинстве выпущенные властями из тюрьмы. Подавляющее большинство ораторов ограничились обсуждением сравнительных достоинств массового и индивидуального гражданского неповиновения, уклонившись от серьезного анализа положения, сложившегося в Конгрессе и национально-освободительном движении. Решение конференции поручить М.К.Ганди добиваться встречи с вице-королем лордом Виллингдоном для заключения мира с правительством и вообще разочаровало конгрессистов и общественность [20, 1933, 14, 15 июля; 23, 1933, 13, 14, 15, 16 июля].

Еще большее разочарование вызвал категорический отказ Виллингдона вести какие-либо переговоры с М.К.Ганди [См.: 20, 1933, 17, 18, 19 июля]. Тогда руководство ИНК в конце июля 1933 г. отменило массовое гражданское неповиновение, но разрешило индивидуальное. Конгрессистам и народу рекомендовалось прибегать к нему, исходя из собственных возможностей и желания. ИНК самоустранился от руководства и предоставления помощи участникам антианглийских выступлений [23, 1933, 24 июля]. Исполняющий в то время обязанности президента ИНК М.С.Ани издал специальные указы о прекращении функционирования всех конгрессистских комитетов, организаций и рабочих учреждений. Сменивший его в августе 1933 г. С.С. Кавишар издал дополнительные приказы, упразднявшие пост президента и другие руководящие партийные должности. М.К.Ганди, оправдывая такие решения, акцентировал внимание на необходимости ведения борьбы каждым индийцем самостоятельно, не получая никаких указаний и помощи от ИНК [15, с.210].

Признав фактически неудачу гражданского неповиновения и некоторых других положений гандистской теории и практики, руководители Конгресса занялись поиском более безопасных форм и методов деятельности. Выход из тупика, в котором оказался ИНК, они видели в компромиссе с властями и вхождении в легислатуру. На конференции в Дели 31 марта 1934 г., где присутствовало свыше четырех десятков лидеров партии, принимается решение о возрождении Всеиндийской свараджистской партии, чтобы дать возможность тем конгрессистам, которые не прибегли к индивидуальному гражданскому неповиновению, участвовать в выборах в законодательные органы. Будучи избранными в них, депутаты ИНК должны были добиваться отмены правительством всех репрессивных законов и указов, а также отвергать предложения, содержащиеся в

"Белой книге", настаивая на замене их национальными требованиями [II, с.14]. Сообщение о возрождении свараджистской партии с удовлетворением опубликовали ведущие английские газеты [16, 1934, 2 апр.; 18, 1934, 2 апр.; 20, 1934, 2 апр.; 21, 1934, 2, 3 апр.; 22, 1934, 1 апр.; 23, 1934, 2, 3 апр.].

На заседании Всеиндийского комитета Конгресса (ВИК) в Патне по рекомендации М.К.Ганди М.А.Ансари предложил резолюцию, полностью отменявшую гражданское неповиновение с 20 мая 1934 г. Она предоставляла право прибегнуть к нему только М.К.Ганди по его желанию. Все поправки представителей левого крыла, авторы которых пытались сохранить массовое движение в той или иной форме, оказались отвергнутыми. Затем сам М.К.Ганди предложил резолюцию, допускавшую вхождение членов ИНК в легислатуры и санкционировавшую создание Конгрессом специального Парламентского совета для проведения избирательной кампании. Левые конгрессисты (А.Н.Дев и Дж.Нарайян), выступившие против воссоздания свараджистской партии и сотрудничества с колонизаторами в законодательных органах, потерпели поражение, и ВИК утвердил резолюцию М.К.Ганди [12, с.533; 14, с.571; 15, с.273-274]. Одновременно Рабочий комитет ИНК отменил указ М.С.Ани и С.С.Кавишара о прекращении функционирования всех конгрессистских органов, рекомендовав им возобновить нормальную деятельность. В свою очередь правительство отменило в начале июня 1934 г. указ о запрещении ИНК [18, 1934, 7 июня; 21, 1934, 7 июня].

Заседавший затем в Вардхе 17-18 июня 1934 г. Рабочий комитет по настоянию М.К.Ганди рекомендовал возрождавшимся конгрессистским организациям заниматься распространением прядения и ткачества, бороться за ликвидацию неприкасаемости, содействовать достижению единства всех религиозных общин, пропагандировать воздержание от употребления спиртных напитков и наркотиков, содействовать развитию национального образования, мелких национальных промышленных предприятий, а также реконструкции деревни с целью подъема ее экономического и социального уровня. Допускались и некоторые другие виды мирной деятельности, не противоречившие целям и политике ИНК и исключавшие какие-либо формы гражданского неповиновения [14, с.574; 15, с.276].

Фактический отказ Конгресса от активной политической деятельности привел к усилению в нем кризисных явлений и обостре-

нию внутривнутрипартийной борьбы. Численность партии стала неуклонно сокращаться: если в 1921 г. в ней насчитывалось 10 млн. членов, то в середине 30-х годов — около 600 тыс. В связи с предпринимаемыми попытками организационной консолидации ряда группировок на местах возникла реальная угроза распада организации. Так, 19 августа 1934 г. большая группа руководящих деятелей правого толка во главе с М.И.Малавия и М.С.Ани, стоявшая на позициях индусско-коммунализма, вышла из состава конгрессистских органов и на специально созванной конференции в Калькутте создала Националистическую партию, преследуя цель бороться за удовлетворение особых прав индусов в новой конституции Индии [23, 1934, 20, 22 авг.]. Положение еще более обострилось в связи с решением М.К.Ганди выйти из Конгресса и посвятить себя всецело общественной деятельности, не связанной с политикой, о чем он объявил 17 сентября 1934 г. [20, 1934, 18 сент.].

В этих условиях левые конгрессисты создали собственную организацию, проведя в Бомбее 21–22 октября 1934 г. ее учредительную конференцию. Она получила название Конгресс-социалистической партии (КСП). Конституция КСП провозгласила конечной целью партии полную независимость страны и создание государства трудящихся. В качестве ближайших целей выдвигались следующие: 1) организация крестьян и рабочих на борьбу за независимость; 2) борьба против надвигавшейся мировой войны; 3) отказ вести переговоры с англичанами по конституционному вопросу; 4) в случае прихода к власти созыв Учредительного собрания для разработки конституции, которая предоставит избирательные права всем взрослым индийцам. КСП оставалась в Конгрессе, намереваясь привлечь большинство его членов на свою сторону и добиться принятия своей программы. Во всех провинциях создавались филиалы партии [II, с. 37–38].

В дополнение к конституции конференция приняла ряд пространственных резолюций, разъяснявших политику и программу КСП. В них указывалось, что конституция свободной Индии должна предусматривать передачу всей власти трудящимся, планирование экономики, социализацию ключевых отраслей промышленности, транспорта, шахт и банков, организацию и поощрение кооперативов, ликвидацию князей, помещиков и других эксплуататоров, перераспределение земли в пользу крестьян, уничтожение всех задолженностей тру-

дящихся, ликвидацию безработицы и введение социального страхования против безработицы, введение всеобщего избирательного права, распределение национального дохода по принципу: каждому по потребности, отсутствие как поддержки, так и дискриминации религии со стороны государства, запрещение дискриминации по мотивам пола, религиозной и кастовой принадлежности [II, с.39-40].

Через четыре дня после окончания работы учредительной конференции КСР в Бомбее [26-28 октября 1934 г.] проводилась 48-я сессия ИНК. Большинство ее делегатов составляли элитарные слои партии, отобранные правым руководством и отличавшиеся консервативным мышлением. Рядовые конгрессисты и индийская общественность надеялись, что сессия наметит программу выхода Конгресса из кризиса, способствующую сохранению авторитета и влияния партии и ее массовой базы. Однако Р.Прасад, который возглавлял в то время ИНК, и другие ораторы сумели искусно уклониться от обсуждения положения в партии, сконцентрировав внимание собравшихся на вопросе выхода М.К.Ганди из Конгресса. Что касается решений, принятых в Бомбее, то конгрессистам рекомендовалось заняться мирной конструктивной деятельностью, полностью отказавшись от гражданского неповиновения [20, 1934, 26, 27 окт.; 23, 1934, 26, 27, 29, 30 окт.].

Претворяя их в жизнь, конгрессистское руководство приняло активное участие в выборах в легислатуры, проведенных властями в ноябре 1934 г. Представители ИНК добились на них большого успеха, завоевав большинство мест почти во всех законодательных органах [См.: 23, 1934, 7, 8, 12, 13, 16, 19, 20 нояб.]. 18 января 1935 г. Рабочий комитет Конгресса разработал инструкцию, в которой содержались рекомендации конгрессистам не нарушать законы, чрезвычайные указы, различные другие постановления правительства, а также избегать действий, могущих вызвать нежелательную реакцию с его стороны, т.е. репрессии [14, с.599]. С этого времени ИНК сосредоточил основное внимание на парламентской деятельности, пытаясь использовать крайне ограниченные возможности колониальных легислатур для противодействия политике англичан в Индии. Все попытки КСР и других радикальных сил реанимировать массовое движение заканчивались неудачей.

Стремление Р.Прасада и его окружения отказаться от активной борьбы за независимость, занявшись безопасной деятельностью в законодательных органах, кризисные явления, происходившие

В Конгрессе, приведшие его на грань катастрофы, не остались незамеченными колонизаторами, которые все меньше считались с ведущей политической организацией Индии, жестоко расправлялись с участниками редких антианглийских выступлений. 2 июля 1935 г. обе палаты британского парламента одобрили новый закон об управлении Индией, игнорируя позицию Конгресса и других индийских партий, высказавшихся в Центральном законодательном собрании против него целиком или частично. В законе [См.: 7, с.323-376], получившем силу 24 июля 1935 г., подчеркивалось, что Индия по-прежнему остается в подчинении английского короля, распространяющего на ее территорию всю свою власть, права и законы. Тем самым господство британских колонизаторов в стране сохранялось практически в неизменном виде, что вызвало осуждение и недовольство подавляющего большинства индийского населения и фактически всех политических партий и организаций [8, с.323-324].

Осудив закон 1935 г. в целом, руководство ИНК тем не менее было готово воспользоваться предоставленными им возможностями для активизации и расширения своей парламентской деятельности, но встретило противодействие со стороны левого крыла и партийных масс [Подробнее см.: 20, 1935, 16, 20 авг.; 21, 1935, 22 авг.]. В результате конец 1935 г. и начало 1936 г. ознаменовались невиданным прежде обострением внутрипартийной борьбы. Все время нараставшие, но сдерживаемые чувства недовольства политикой правого крыла ИНК, накопившиеся у конгрессистов еще с момента прекращения гражданского неповиновения, теперь вышли наружу. Деятельность Р.Прасада и верного ему Рабочего комитета подвергалась резкой критике. Правых обвиняли в нежелании бороться за независимость, в стремлении занять теплые местечки в провинциальных министерствах, в сговоре с властями, развале партии, некомпетентности и т.п. Как отмечал Дж.Неру, создалась атмосфера подозрительности, ожесточения и конфликта [2, с.627]. Подавленность и пассивность, еще недавно являвшиеся характерными чертами конгрессистов, теперь сменилась небывалой активностью. Наряду с критикой со всех сторон раздавались настоятельные требования ухода в отставку скомпрометировавших себя деятелей и избрания полностью нового партийного руководства.

Для правого крыла такое калейдоскопическое развитие событий явилось полной неожиданностью; оно оказалось к нему

полностью неподготовленным и пребывало в растерянности. В этой сложной обстановке конгресс-социалисты 19-20 января 1936 г. созвали сессию в Мируте, которая выдвинула на пост президента ИНК кандидатуру Дж.Неру, с огромным энтузиазмом поддержанную подавляющим большинством конгрессистов [II, с.64]. Выборы президента, состоявшиеся через несколько дней, ознаменовались безоговорочной победой Дж.Неру. В итоге очередная сессия Конгресса в Лакхнау, состоявшаяся в апреле 1936 г., проходила под руководством виднейшего представителя левонационалистического крыла [8, с.325-326].

Таким образом, правое крыло, доминировавшее в Конгрессе на протяжении первой половины 30-х годов, волеизъявлением практически всех его рядовых членов и значительной части лидеров в начале 1936 г. оказалось отстраненным от руководства партией. В новых политических условиях ее возглавил лидер левых сил. Это, однако, не означало, что правые, лишившись поста президента и формально отойдя от руководства конгрессистской организацией, потеряли на нее всякое влияние. Они по-прежнему оставались мощной политической силой в центре, а также в провинциях, численно преобладая во многих конгрессистских организациях и органах. Поэтому и во второй половине 30-х годов правые оказывали огромное, а иногда и решающее воздействие на политический курс ИНК.

Список литературы: 1. Горев А.В., Махатма Ганди. М., 1984. 2. Неру Дж. Автобиография. М., 1955. 3. *Indian constitutional reform: Vol. 1: The White paper of December, 1931. London, 1934.* 4. *Indian National Congress: Resolutions on Economic Policy and Programme, 1924-1954. New Delhi, 1954.* 5. *Indian Round Table Conference. 2-nd session, 1931. Proceedings. London, 1932.* 6. *India's struggle for freedom: Select Documents and Sources. Delhi, 1962. Vol. 1.* 7. *Speeches and documents on the Indian Constitution 1921-1947. Bombay, 1957. Vol. 1.* 8. Bose S. C.

- The Indian struggle, 1920-1942. Calcutta, 1964.*
 9. *G a n d h i M. K. Young India 1924-1926. Madras, 1927.* 10. *K a u s h i k P. D. The Congress ideology and programme 1920-1947. Bombay, 1964.*
 11. *L a k h a n p a l P. L. History of the Congress Socialist Party. Lahore, 1946.* 12. *M a j u m d a r R. C. History of the freedom movement in India. Calcutta, 1953. Vol. 3.* 13. *S i n h a L. P. The left wing in India (1919-1947). Muzaaffarpur, 1965.* 14. *S i t a r a m a y y a B. P. The history of the Indian National Congress. Bombay, 1947. Vol. 1.* 15. *T e n d u l k a r D. G. Mahatma. Life of Mohandas Karamchand Gandhi. Delhi, 1951. Vol. 3.*
 16. *The Daily Herald.* 17. *The Daily Mail.*
 18. *The Daily Telegraph.* 19. *The Hindu.* 20. *The Manchester Guardian.* 21. *The Manchester Post.*
 22. *The Observer.* 23. *The Times.* 24. *The Times of India.*

Поступила в редколлегию 28.10.90

И.П. СЕРГЕЕВ, канд. ист. наук

О ВОЕННЫХ РЕФОРМ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ II - III ВВ. Н.Э.

Армия всегда была важнейшим элементом государственного аппарата Древнего Рима. В связи с обострением противоречий в римском обществе и усилением натиска соседних с Римской империей народов на ее границы в конце II и на протяжении всего III в. н.э. значение армии особенно возросло. В этот период в первую очередь от армейских кругов зависели возведение на престол и длительность правления римских императоров, а от боеспособности римских вооруженных сил зависело и само существование Римской империи [28, с. 466]. В период Империи высшая военная власть в римском государстве принадлежала императорам, чья политика относительно армейских кругов и армии определяла условия службы римских сол-

дат, их отношение к центральному правительству, военную мощь римской державы. Самые дальновидные и трезвомыслящие императоры рассматриваемого периода понимали значение армии для них и для государства. Коренные изменения во внутривнутриполитическом положении и в обстановке на границах побудили этих императоров провести ряд реформ, которые во многом изменили материальное и правовое положение солдат римской армии, сказались на структуре римских вооруженных сил, организации командования ими, принципах пополнения армии.

Проблема военных реформ в Римской империи в конце II - III вв. н.э. привлекла внимание многих исследователей. Однако, по нашему мнению, вопрос о целях, которые преследовали конкретные императоры при проведении своих военных реформ, раскрыт в имеющейся к настоящему времени специальной литературе недостаточно и требует более глубокого изучения.

Конечно же, содержание военных реформ и их цели определялись ситуацией, которая складывалась в Римской империи и на ее границах в момент прихода к власти того или иного императора и на протяжении его правления. Хотя в целом примерно 100 лет с конца II до конца III вв. н.э. принято считать отдельным периодом в социально-политической истории Римской империи, это, естественно, не означает, что обстановка внутри империи и на ее границах в конце II в. была такой же, как в середине или конце III в.

В конце II в. н.э. значительные преобразования в римской армии были осуществлены Септимием Севером. Годовое жалование легионеров он увеличил с 300 до 500 денариев [18, с.262]. Было улучшено правовое положение солдат. Легионеры получили право вступать в законный брак в период прохождения службы; дети, родившиеся от таких браков, получали права римских граждан [29, с.157]. Распустив прежнюю преторианскую гвардию, Септимий Север набрал новую не из уроженцев Италии, а из солдат пограничных легионов [16, 75, 2, 4-5; 19, 2, 14]. Превратив пост примипила в первую ступеньку всаднической карьеры, он сделал всаднические должности доступными для рядовых легионеров [32, с.726]. Во главе трех вновь набранных легионов Север поставил не легатов-сенаторов, а префектов-всадников [20, с.399]. Один из этих новых легионов (2-й Парфянский) впервые в истории Римской империи располагался лагерем на территории Италии - в Альбано (менее

20 миль от Рима) [26, с.81]. Разделив Британию и Сирию на две провинции каждую [7, с.245; 30, с.58], а также, несколько позже, выведя один из легионов Верхней Паннонии из-под власти наместника этой провинции [7, с.245; 22, с.159], Септимий Север достиг того, что ни один наместник провинции в империи не имел в своем подчинении более двух легионов.

При определении причин и целей проведения Септимием Севером названных преобразований в римской армии многие исследователи связывают эти реформы с обстоятельствами прихода к власти данного императора. Они считают, что, захватив императорский престол с помощью армии, Север установил в Риме военную монархию и правил в интересах армейских кругов [10, с.194]. Отстранение сенаторов от командования новыми легионами и ослабление военной власти наместников вышеуказанных провинций обычно объясняют враждебным отношением этого императора к сенату и сенаторам и боязнью попыток узурпации императорской власти наместниками-сенаторами [5, с.148-150; 18, с.256]. Размещение 2-го Парфянского легиона в Италии Е.П.Глушанин оценивает как стремление Септимия Севера создать мобильный резерв войск для того, чтобы в случае угрозы какому-либо из участков римских границ со стороны "варваров" можно было укрепить его этим резервом, не ослабляя оборону на других границах [2, с.56-57].

Однако нам представляется, что не все эти соображения можно признать верными. Действительно, Септимий Север был возведен на престол солдатами дунайских легионов и понимал значение поддержки со стороны армии для сохранения за ним императорской власти. Но улучшение экономического и правового положения армейских кругов, по нашему мнению, следует объяснять не только "благодарностью" Севера солдатам. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что к концу II в. н.э. в Римской империи весьма острым стал вопрос о пополнении рядов войск. В последние десятилетия этого века обстановка на основных границах римских владений была очень напряженной, войска пограничных провинций вели почти непрерывные войны, осуществляли длительные переходы. По сравнению с более ранним периодом II в. служба в армии стала намного менее привлекательной. При этом оплата военной службы в связи с прогрессирующей порчей монеты [13, с.34] фактически понизилась. На возможностях набора новобранцев в

армию в это время как раз должны были начать сказываться потери в солдатах и гражданском населении придунайских провинций, понесенные римлянами в период Маркоманнских войн. В условиях, когда ряды римских войск пополнялись прежде в его за счет добровольцев, нужно было сделать службу в армии более привлекательной, создать для молодежи римского государства дополнительные стимулы к вступлению в легионы. Видимо, это было одной из целей военных реформ Септимия Севера.

В ходе гражданской войны 193-197 гг. проявилось враждебное отношение к Септимию Северу со стороны части членов римского сената. Однако, на наш взгляд, не это обстоятельство заставило Севера доверить командование новыми легионами не сенаторам, а представителям всаднического сословия. При выяснении причин и целей этого шага данного императора следует обратить внимание на то, где были размещены новые легионы. Два из них (1-й и 3-й Парфянские) составили ядро гарнизона новой провинции Месопотамии. Эта провинция была форпостом римских владений на Востоке, примыкала к владениям давнего противника Рима - Парфии. Можно было ожидать, что войска Месопотамии при таком соседстве не будут скучать без дела. Следовательно, во главе самой провинции и ее легионов должны были стоять люди с достаточным военным опытом. Но как раз среди сенаторов в это время таких людей найти было очень трудно. Как отмечают исследователи, к концу II в.н.э. вполне отчетливо проявилась некомпетентность многих сенаторов в военном деле, их неспособность осуществлять эффективное руководство войсками в крупномасштабных военных операциях. В этом они явно уступали имевшим большой военный опыт представителям всаднического сословия [13, с.197]. Против того, что назначение на командные должности в провинции Месопотамии всадников было следствием враждебности Септимия Севера к сенаторам, говорит и тот факт, что при преобразовании управления Британией и Сирией он не заменил сенаторов всадниками. Назначение же всадника на пост командира 2-го Парфянского легиона, видимо, объясняется тем, что этот легион был размещен на территории Италии и его командир должен был подчиняться префекту претория. Чтобы сенатор - легат легиона не подчинялся всаднику - префекту претория, во главе этого легиона и был поставлен префект-всадник.

Ослабление военной мощи крупнейших провинциальных армий, по всей вероятности, было осуществлено Септимием Севером для

предотвращения попыток узурпации императорской власти наместниками провинций. Видимо, прежде всего с боязнь узурпаций следует связывать и размещение в Италии 2-го Парфянского легиона. Нам представляется, что сосредоточенные в Риме и вблизи столицы воинские соединения (общей численностью около 30 тыс. чел. [2, с. 57]) не рассматривались Севером как резерв для борьбы с внешними врагами. В отличие от резерва Галлиена, о котором будет сказано ниже, эти войска не были очень мобильными. Скорее всего, этот резерв был создан для того, чтобы стать опорой императора в Италии в случае попыток узурпации императорской власти в провинциях, т.е. эти войска предназначались не для укрепления безопасности границ империи (хотя их применение для этого и не исключалось), а для обеспечения прочности позиций правящего императора.

В середине III в. важные военные реформы провел император Галлиен (253-268 гг.). Его преобразования изменили структуру римских вооруженных сил и организацию командования армией.

В условиях напряженной обстановки одновременно на всех важнейших границах империи и невозможности укрепления обороноспособности одних участков границы за счет ослабления военной мощи других Галлиен создал резервную армию, которую можно было перебросить в наиболее опасный район. Мобильность армии обеспечивалась тем, что значительную ее часть составляла конница. (Это не было традиционно для римской армии. Как пишет Георгий Кедрин, "Галлиен первым создал конные отряды, а до этого почти все римские воины были пехотинцами" [17, с. 454]. Видимо, костяк конницы составляли далматы и мавры [21, с. 249-251]. Этот конный корпус имел своего командира из сословия всадников, который подчинялся непосредственно императору, и, по мнению ряда исследователей, стал вторым человеком в государстве после самого императора [11, с. 105; 6, с. 408; 27, с. 116]. А. Альфельди на основании нумизматических данных датирует создание конницы Галлиеном 258 г. [6, с. 408]. Первым командующим корпуса конницы был Авреол, которого Иоанн Зонара называет *magister equitum* или *toti equitatus praefectus* [33, с. XII, 24-25].

Е. П. Глушанин считает, что мобильная армия Галлиена была создана по образцу резерва войск, существовавшего в годы правления Септимия Севера [2, с. 56-58]. Однако, по нашему мнению, было бы не совсем правильным видеть в резерве войск Севера про-

образ резервной армии Галлиена. Эти два военных формирования существенно отличались по своему характеру и предназначались для разных целей. Как уже отмечалось, резервные войска Септимия Севера были сосредоточены в Риме и вблизи него. Они не отличались большой мобильностью и предназначались прежде всего для борьбы с узурпациями императорской власти, предотвращения возникновения ситуаций, подобных тем, в которой в 193 г. оказался Дидий Юлиан. Резервная же армия Галлиена отличалась большой мобильностью и размещалась не вблизи Рима, а на севере Италии, у Милана [12, с. 95]. Она могла быть применена и для защиты Италии, но в то же время из-под Милана ее можно было перебросить и на дунайскую, и на рейнскую границу. Эти мобильные войска использовались Галлиеном для подавления попыток узурпации императорской власти военачальниками дунайских войск Ингенуем и Регаллианом. Но это не означает, что они были созданы в предвидении этих узурпаций; видимо, Галлиен задумал их как средство борьбы прежде всего с вторжениями "варваров" в римские владения.

О второй военной реформе Галлиена сообщает Секст Аврелий Виктор. По его словам, Галлиен "запретил сенаторам поступать на военную службу и даже приближаться к войску" [I, с. XXXIII]. Замещение легатов-сенаторов префектами-всадниками на постах командиров легионов в правление Галлиена и при последующих императорах подтверждается и данными эпиграфики [15, № 3424, 3426, 3469, 4287, 4289; 23, № 545, 584]. Естественно, в этих легионах сенаторы были заменены всадниками и на постах трибунов легионов [8, с. 287; 26, с. 179]. Исходя из этих свидетельств источников, некоторые исследователи считают, что Галлиен отстранил сенаторов от командования войсками специальным эдиктом, который до нас не дошел [3, с. 105]. Но нам представляется правильной точка зрения тех историков, которые, указывая на свидетельства эпиграфических источников о том, что в некоторых провинциях сенаторы занимали командные посты в легионах до конца III - начала IV вв., утверждают, что Галлиен не издавал эдикта об отстранении от командования всех сенаторов, а лишь сделал правилом то, что было исключением со времен Септимия Севера [9, с. 36-37].

В некоторых исследованиях, посвященных изучению правления Галлиена, высказывается мысль, что эта реформа была вызвана ненавистью императора к сенату и ее цель - ослабление позиций

сената в управлении империей и укреплении императорской власти [12, с.140-141; 21, с.259; 25, с.22, 71]. Но на наш взгляд, в данном случае действия Галлиена не определялись характером его взаимоотношений с сенатом. Как в свое время Септимий Север, заменяя на командных постах в армии сенаторов всадниками, Галлиен думал не об ослаблении позиций сената, а об укреплении военной мощи империи.

Реформы Диоклетиана (284-305 гг.) внесли существенные изменения в структуру римской армии, организацию ее командования, принципы набора ее пополнения.

Вооруженные силы империи в правление Диоклетиана были разделены на две части. Одну из них составляли войска, размещавшиеся в пограничных провинциях (*limitanei*). Каждая пограничная провинция кроме подразделений вспомогательных войск и солдат варварских соединений обычно имела два легиона [14, с.253]. Легионы были намного меньше прежних по численности солдат и возглавлялись префектами-всадниками. Общее количество легионов в связи с этим увеличилось с 39 до 59 или 60 [14, с.257; 31, с.298]. Легионы одной или нескольких провинций подчинялись командующему - дуксу (*dux*) из всадников, а не наместникам провинций [27, с.127]. Объединение войск нескольких провинций под командованием дуксов не было нововведением Диоклетиана. Оно имело место еще в первой половине III в. Но Диоклетиан сделал его правилом на всей территории империи [30, с.82]. Вторую категорию войск составляли 4 подвижные армии (*comitatus*), которые находились при императорах и сопровождали их в передвижениях по империи [2, с.62; 14, с.259].

По сообщению Лактанция [24, с.УП, 2], общая численность войск империи при Диоклетиане увеличилась в 4 раза. Современные исследователи считают, что это увеличение было намного меньшим - в 2 раза [14, с.259] или даже только на 25 % [10, с.305]. Но в любом случае армия нуждалась в значительном количестве новобранцев. Для решения проблемы армейского пополнения Диоклетиан изменил принципы комплектования римских войск. Если раньше армия империи пополнялась в основном добровольцами, то теперь служба в армии для определенных категорий населения становится обязательной. Диоклетиан ввел на всей территории империи конскрипцию и увязал ее с налогом на имущество. Служба в армии ста-

ла обязательной для сыновей солдат и ветеранов. Владельцы земельных имений должны были поставлять в армию рекрутов из состава работников имений или же платить вместо этого деньги (*aerum tironicum*), на которые правительство нанимало солдат из жителей провинций или целые отряды "варваров" [2, с.63-64; 14, с.260; 28, с.467].

При определении целей военных реформ Диоклетиана некоторые исследователи высказывают мнение, что этими реформами он стремился прежде всего укрепить императорскую власть и предотвратить попытки ее узурпации наместниками провинций [10, с.305; 30, с.83]. По нашему мнению, военные реформы Диоклетиана преследовали прежде всего цель усиления обороноспособности римского государства. Создав систему тетрархии, установив принцип наследования императорской власти в зависимости от воли богов (ее определяли "породнившиеся с богами" августы), а не армии [14, с.96; 31, с.248], Диоклетиан, видимо, считал свои позиции в империи достаточно прочными и наращивал военное могущество римского государства для обороны границ и изгнания "варваров" в случае их вторжения в пределы римских владений.

Таким образом, цели, которые ставили перед собой упомянутые нами императоры при проведении своих военных реформ, были различными. Они определялись особенностями обстановки внутри империи и на ее границах в годы правления этих императоров. Септимий Север изменениями в экономическом и правовом положении солдат, назначением на посты командиров созданных им легионов всадников и размещением одного из них на территории Италии стремился решить проблему пополнения рядов армии новобранцами, предотвратить попытки узурпации императорской власти наместниками провинций, а также усилить оборону восточных границ империи. Главной целью военных реформ Галлиена было усиление военной мощи римской армии в условиях напряженной обстановки на всех границах империи и необходимости усиления обороны одних участков римских границ за счет военных контингентов, защищавших другие границы. Для достижения этой цели он создал мобильную резервную армию и в массовом порядке заменял на командных постах в армии сенаторов всадниками. Диоклетиану пришлось решать проблему пополнения римской армии и усиления обороны границ империи в новых условиях. Решение этих задач и было целью проведенных им военных реформ.

- Список литературы: 1. Аврелий Виктор С. О Цезарях /Пер. с лат. В.С.Соколова //Вестн.древней истории. 1963. № 4.
2. Глушанин Е.П. Военные реформы Диоклетиана и Константина. //Вестн.древней истории. 1987. № 2. 3. Дьяков В.Н. Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине Ш в. //Вестн.древней истории. 1961. - № 1. 4. История древнего мира. Ч.3: Упадок древних обществ. 3-е изд., испр. и доп. /Под ред. И.М.Дьяконова, В.Д.Нероновой, И.С.Свенцицкой. М., 1989. 5. Штаерман Е.М. Кризис Ш в. в Римской империи //Вопр. истории. 1977. № 5. 6. Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967. 7. Alföldi A. Die Generalität des römischen Heeres //Bonner Jahrbücher. 1969. Bd. 169. 8. Altheim F. Die Soldatenkaiser. Frankfurt a/M., 1939. 9. Arnheim M.T.V. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. 10. Besnieres M. L'empire Romain de l'avènement des Severes au concile de Nicée. Paris, 1937. 11. Van Berchem D. L'Armee de Diocletien et la reforme Constantinienne. Paris, 1952. 12. Brauer G.C. The Age of the Soldier Emperors. New Jersey, 1975. 13. The Cambridge ancient history. Vol. 12. Cambridge, 1939. 14. Chastagnol A. L'Evolution politique, sociale et economique du monde romain de Diocletien a Julien. La mise en place du regime du Bas Empire (284-363). Paris, 1982. 15. Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. 3. Ps. 1-5. Berolini, 1873. 16. Dio's Roman history with an English translation by E. Cary. Vol. 9. London, 1955. 17. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkerio supplectus et emendatus. T. 1. Bonnae, 1838. 18. Grant M. The Army of the Caesars. London, 1974. 19. Herodiani historiarum libri VIII. Halae, 1751. 20. Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian. Berlin, 1905. 21. Homo L.

- L'Emperor Gallien et la crise de l'Empire Romain au III-e siècle // *Revue historique*. 1913. T. 113.
22. Fitz J. Legati legionum Pannoniae superioris // *Acta antiqua Arad, scientiarum Hung.* 1961. T. 9. Fasc. 1-2.
23. *Inscriptiones Latinae selectae*. Vol. 1. Berolini, 1892.
24. Lactantius, Lucius Coelius Firmianus. *De mortibus persecutorum*. Brocdelet, 1963.
25. Manri E. L'impero di Gallieno. *Contributo alla storia del III secolo*. Roma, 1949.
26. Parker H. M. D. *A History of the Roman world from A.D. 138 to 337*. London, 1935.
27. Remondon R. *La crise de l'Empire Romain. De Marc-Aurèle à Anastase*. Paris, 1964.
28. Rostovtzeff M. *The social and economic history of the Roman Empire*. Vol. 1. Oxford, 1957.
29. Sänder E. *Das Recht des römischen Soldaten* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1958. Bd. 101. Hf. 1-2.
30. Seeck O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Bd. 2. Berlin, 1901.
31. Seston W. *Diocletien et la tetrarchie*. Paris, 1946.
32. Schiller H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Bd. 1. Gotha, 1883.
33. Zonara, Ioannes. *Annales*. T. 2. Bonnae, 1844.

Поступила в редколлегию 30.10.90.

С. В. ДЯЧКОВ

РИМСКИЕ ГРАЖДАНЕ И РИМСКАЯ ПОЛИТИКА НА БОСПОРЕ

В I в. до н.э. — III в. н.э.

Римские граждане среди жителей Боспорского царства не были предметом пристального изучения. Обычно исследователи тщательно подсчитывали количество римских имен в местном ономастиконе, попутно признавали факт присутствия среди боспорцев римских граждан и на основании арифметических действий определяли сте-

пень романизации боспорского общества [18, с.141; 21, с.113; 24, с.252]. На наш взгляд, появление новой социальной группировки на Боспоре целесообразно рассматривать как отражение римской политики в отношении крупнейшего государства в Северном Причерноморье.

После смерти Асандра, зависимость которого от Рима носила символический характер, единоличной правительницей Боспора становится его жена, внучка Митридата. Евпатора царица Динамия. Она верно оценила ситуацию, справедливо полагая, что в условиях складывания Принципата реальным гарантом ее власти могла быть только римская держава. Надписи царицы обнаруживают полную лояльность Динамии к императору Августу и его жене [8, № 31, 38, 978, 1046], Динамия называла императора "правителем всей земли и моря" [8, № 1046], носила ко многому обязывающее звание "друга римлян" [8, № 38, 978]. Подобно гомеровской Пенелопе царица Боспора становится весьма престижной "невестой" в Восточном Средиземноморье, где еще с мифологических времен рука дочери или жены царя обеспечивала царский статус ее супругу.

Узурпация власти на Боспоре неким Скрибонием, претендовавшим на руку Динамии, была откровенной авантюрой, которую быстро пресекли боспорцы, боявшиеся возобновления вражды с Римом. Однако Август не оставил без внимания этот эпизод. На Боспор в качестве осправителя и мужа Динамии был послан Полемон I, опиравшийся на авторитет Агриппы [29, XLIV, 24]. Среди малоазийских монархов Полемон был весьма колоритной фигурой. Титул царя Полемон получил от триумвира Марка Антония [19, XI, 8, 16], затем правил Колхидой и Малой Арменией [19, XI, 2, 18; 29, XLIX, 33], вместе с Антонием воевал с парфянами, войска царя участвовали в битве при Акции [15, Антоний, 38, 61]. После гибели Антония Полемону удалось не только сохранить царский титул, но и стать в ряд "союзников и друзей римского народа" [29, LIII, 25]. Круто обошелся царь Полемон с Танаисом, разрушив мятежный город [19, XI, 2, 3].

Этот "послужной список" делает вполне правдоподобной версию о том, что боспорский царь был римским гражданином и его полное имя Марк Антоний Полемон [28, р.41 - 43]. Царь Полемон был весьма близок к Марку Антонию, который по закону Муниция - Эмилиа имел право даровать римское гражданство [II, с.362]. Последней женой Полемона была внучка триумвира Пифодорида, дочь ца-

ря звали Антонией Трифеной [13, с.17], а внук чеканил монеты, где именовал себя Марком Антониём [12, с.104].

Известно, что царь Полемон погиб в борьбе с аспургианами [19, XI, 2, II]. На наш взгляд, гибель царя и римского гражданина привела к глубокому кризису царской власти на Боспоре [См.:10]. До сих пор остается загадкой: кто же правил на Боспоре с 8 г. до н.э. по 14 г. н.э.? Эпиграфические памятники не называют боспорского властителя этого времени. На золотых и медных монетах имя царя скрывается под скромными монограммами, уступая место портретам Августа и Агриппы [1, № 255 - 296].

Воцарение на боспорском престоле Аспурга ознаменовало качественно новый этап в римско-боспорских отношениях и существенно изменило место Боспора в римском мире. Царем Аспург был признан именно в Риме [3, с.202]. Вероятно Аспург оказался там после смерти Августа, стараясь добиться расположения со стороны нового императора. К этому времени личные симпатии императора определяли судьбы царств и народов [28, р.58]. Тиберий и Аспург положили начало союзу в форме *amicitia* [3, с.206]. Обычно "дружба" с римлянами существенно ущемляла независимость государств и способствовала установлению над ними римского контроля [32, s.II9]. Внешним проявлением союза становится новый двойной титул боспорского монарха - "друг цезаря и друг римлян" [8, № 40] - наиболее постоянная и существенная часть пышной титулатуры боспорских владык I - III вв. О заключении союза между Тиберием и Аспургом свидетельствуют имена боспорских царей, носивших *praenomen* и *nomen* императора Тиберия.

Впервые имя Тиберий Юлий встречается в титулатуре Котиса I [8, № 69], что вызвало различные комментарии [5, с.324; 9, с.72; 21, с.104]. Более убедительной представляется точка зрения специалистов, считавших, что царь Аспург получил права римского гражданства, а вместе с ним и императорское гентильное имя [17, с.189; 28, р.41; 32, s.I22]. Это предположение пока не подтверждается источниками, но, следуя законам римской ономастики, *praenomen* и *nomen* Тиберия среди боспорских царей мог получить только Аспург, поскольку он умер через год после смерти Тиберия. Не исключено, однако, что привилегий римских граждан могли удостоиться сыновья царя Котис и Митридат. К таким размышлениям приводят слова Митридате, сына Аспурга, когда тот после пора-

жения в римско-боспорской войне был доставлен к императору Клавдию, перед которым держался дерзко и, если верить слухам, заявил: "*Non sum remissum ad te, sed reversus...*" [33, Tac. Ann. XII, 21]. Использование Тацитом глагола "вернулся" наводит на мысль о том, что Митридат бывал в Риме, причем довольно продолжительное время, возможно в качестве заложника. В этом случае приобретение братьями римского гражданства — нормальное явление. Институт заложничества широко практиковался римлянами в отношениях с зависимыми царствами. Жизнь в Риме развращала царских отпрысков, питала их проримские настроения [28, p. 9-13].

Предоставление римского гражданства провинциалам и жителям зависимых от Рима государств было одним из важнейших методов формирования социальной базы римского владычества. Обычно новые *cives Romani* появлялись в среде господствующей верхушки, аристократии и богатой [2, с. 42; 7, с. 42-43; 30, p. II; 34, p. 52]. В зависимых царствах от Британии до Северной Африки прав римского гражданина удостоивались прежде всего лояльные монархи [28, p. 39 - 45]. Новый статус сулил значительное повышение их престижа внутри страны и в глазах соседей. Не случайно вифинский царь называл себя римским либертином [33, App. Mithr. 2], а один из отпущенников — персонажей Петрония утверждал, что, будучи царским сыном, добровольно предпочел рабство, чтобы со временем стать римским гражданином, а не быть вечным данником [14, LVII].

Следует отметить, что на Боспоре еще в I в. до н.э. был учрежден культ римских императоров. Первосвященниками императорского культа были боспорские цари [8, № 41 - 42, 44, 53, 582 и др.], что также предусматривало их римское гражданство.

На наш взгляд, в I в. н.э. завершается складывание римско-боспорского союза, превратившего боспорских монархов в блюстителей римских интересов в Северном Причерноморье, лояльных посредников между Римской империей и варварским полем.

Имя Тиберий Юлий становится династическим для боспорских правителей I - IV вв. и самым популярным среди римских имен в ономастике царства. Среди Юлиев Боспора были римские граждане — выходцы из Малой Азии и других районов Причерноморья [8, № 59, 572]. Во II-III вв. имя Юлий носили члены царской "фамилии", придворные-сановники и царские вольноотпущенники [6, с. 75-77].

Антиримская политика Митридата, сына Аспурга, вылившаяся в войну [33, Tac. Ann. XII, 15-21], имела тяжелые последствия

для Боспора. Источники умалчивают о каких-либо заметных шагах Боспора на внешней арене после войны. В 63 г. послушный Котис I прекращает бить монету от своего имени. Монеты "союзного" Боспора стали похожи на монеты римских провинций, царь Боспора в них даже не упоминается [20]. Не исключено, что Нерон готовил Боспору судьбу царств Каппадокии, Фракии, Понта, превращенных в римские провинции.

Однако и для Рима ослабление Боспора привело к нежелательным последствиям. В Причерноморье значительно активизировались варвары и даже осадили Херсонес, вынудив римлян организовать в Таврику поход под руководством Плавция Сильвана [7, с.20]. После смерти Нерона политика в отношении Боспора постепенно изменилась. Смуты времен Домициана и завоевания Траяна потребовали значительно-го напряжения сил, но и ситуация на северном берегу Понта должна была находиться под контролем. В этих условиях римляне доверяют защиту своих интересов союзным царям Боспора и даже в самом начале II в. выводят гарнизон из Херсонеса [7, с.24]. В конце I - начале II вв. растет внешнеполитический авторитет Боспора. Тиберий Юлий Савромат I облагодетельствовал союз "молодых никейцев". Декурiones Синопы ставят этому царю статую и называют его "выдающимся другим императора и римского народа" [8, № 44, 46]. Царь активно переписывается с императором [33, *Plin. Epist.* X, 63-65]. Римские союзники теснят скифов. На монетах царства появляются изображения пленников и захваченных крепостей [I, с.101]. Савромат I и Котис II одерживают крупные победы над варварами [8, № 32-33]. В это время конные и пешие части Боспора входили в состав римских вспомогательных войск в Дакии, Сирии, Азии и других частях империи [4, с.148; 5, с.334; 26, с.6].

В условиях крепнущего союза двух государств вполне закономерным стало появление на Боспоре *cives Romani*. Среди тех, кто при Флавиях стал римским гражданином, нам известен только Флавий Ахемен, сын Ахемена, боспорец, умерший в Ольвии [31, № 202]. Его имя и патронимик не оставляют сомнений в местном, весьма сановном происхождении [25, с.286]. Новые римские граждане появляются на Боспоре в период правления императора Траяна. Среди них выделим Марка Ульпия Прима, поставившего статую "своего благодетеля" царя Савромата I [8, № 43]. Надпись датирована 97 г., а Траян стал императором в январе 98 г. Ос-тается предположить, что Прим получил гражданство, *praenomen* и *nomen* Траяна еще в то время, когда тот был наместником в

Германии. В этом случае будет уместно вспомнить эдикт Домициана о гражданстве ветеранов [II, с. 371] и разнообразное римско-боспорское военное сотрудничество. Имя Прим, столь популярное среди военных, peregrinov и отпущенников [36 p. 125], на Боспоре встречается лишь дважды [8, № 43, 439], что позволяет предположить неместное происхождение Ульпия Прима.

Но были римские граждане и среди коренных боспорцев. В надписях упоминаются наместник царской резиденции Ульпий Парфенокл [8, № 628], начальник острова Ульпий Антимах, сын Мастуса и его жена Ульпия Каллисфения [8, № 697]. Роскошный склеп Ульпиев раскопан на престижном участке пантикапейского некрополя [16, с. 398; 22, с. 81]. Судя по всему, они занимали высокое место в боспорской "табели о рангах". При упоминании об Ульпиях обычно ссылаются и на надпись в честь крупной победы царя Савромата I над скифами, где указываются и всеначальники Парфенокл и Антимах [8, № 32]. Может быть, за участие в сражении им и было даровано римское гражданство? Ведь варвары вполне реально угрожали интересам Рима в Северном Причерноморье. Знаменателен тот факт, что Марк Ульпий Парфенокл закончил свою жизнь в Ольвии [31, № 203]. Эпитафия выдает варварское происхождение этого римского гражданина и боспорского сановника. Здесь указан его *agnomen* — Мастус — имя, полученное при рождении и имеющее ярко выраженные иранские корни [37, § 269, с. 186]. Очевидно, Ульпий Парфенокл, он же Мастус, и Ульпий Антимах, сын Мастуса, связаны родственными узами. К этой же семье, представляющей придворную верхушку боспорского общества, принадлежит хилиарх Ульпий Антисфен, сын Антимаха, поставивший статую "своего владыки" царя Рескупорида III [8, № 53]. Не исключено, что Марк Ульпий Парфенокл, он же Мастус, а также Флавий Ахемен, сын Ахемена, и другие боспорцы [31, № 202-204] оказались в Ольвии на рубеже веков в качестве "специалистов" по борьбе со скифами. Ведь в это время значение Боспорского царства как римского союзника в Причерноморье резко возросло — решением римлян Боспору был подчинен Херсонес Таврический [33, *Phl. Trall.* XV, fr. 22]. Поэтому предположение М. И. Ростовцева о боспорском протекторате над Ольвией представляется весьма вероятным [17, с. 191]. Критические замечания в адрес гипотезы М. Т. Ростовцева нуждаются в более серьезной аргументации [23, с. 60; 25, с. 87].

Разнообразие и долговременные связи царства с римскими провинциями в Малой Азии стали еще одной причиной появления во II – III вв. римских граждан на Боспоре. Среди них те, чьи предки были удостоены римского гражданства за заслуги перед империей и получили императорские пентильные имена: Луций Флавий Эпитинханонт из Никеи вифинокой, синопек Тиберий Клавдий Мениллион и Юлий Телесин из храмоблестительной Гераклеи [8, № 44, 59, 733]. Интересно, что Флавий Эпитинханонт и Юлий Телесин были благодетельствованы боспорскими царями, которым в свою очередь установили статуи [8, № 44, 59]. Другую группу "римских граждан" составили, видимо, отпущенники римских граждан и их потомки [8, 703а, 752, 984]. Их статус и происхождение выдают провинциальные *nomina* Цезий, Келий, Игнатий, а также греческие *сognomina*, очень редкие на Боспоре и распространенные в рабской среде, – Гимер, Флегонт, Эфнидий. Эти люди закончили свою жизнь здесь, на Боспоре. Вероятно, вместе с другими мелкими ремесленниками и торговцами они оказались в потоке малоазийской эмиграции на Боспор, причины которой следует искать в римской провинциальной политике.

После решающих побед на Дунае Рим укрепляет свои позиции на северном берегу Понта, где усиление боспорских царей было чревато возникновением сепаратистских настроений. Как известно, римляне стремились контролировать порядок престолонаследия в зависимых царствах [28, р.70]. Не исключено, что в начале 30-х годов II в. именно римляне спровоцировали династические неурядицы на Боспоре. В 131–133 гг. цари Котис II и Реметалк каждый от своего имени чеканят золотые монеты [I, № 478–479, 502–503]. После смерти Котиса престол занимает Реметалк, но ни в одной надписи, упоминающей этого царя, нет столь обычных для Боспора ссылок на отца [8, № 47, 966 и др.]. В надписи 133 г. Реметалк называет императора Адриана "богом, благодетелем всего Боспора и своим утвердителем" [8, № 47]. Однако В.П.Яйленко предлагает трактовать греческое ΚΤΙΣΤΗΣ как "восстановитель", что существенно уточняет смысл надписи и статус боспорского царя [25, с.49]. Император Антонин Пий круто меняет политику в отношении Боспора. В первые пять лет его правления на Боспоре прекращается золотой чекан [I, № 506–508], а царь Реметалк вызывался в Рим для объяснений [33, *Iul. Capit. Ant. Pius*, 9,8]. Очевидно, более жесткая политика Рима в отношении "союзного"

царства нашла выражение и в том, что боспорцам перестали жаловать римское гражданство. В ономастиконе царства отсутствует gentilьное имя Адриана и Антонина Пия — Элий. Перевод Г.А.Цветаевой имени $\text{H}\Lambda\text{I}\Sigma$ как Элий представляется неудачным [21, с.107]; ближе к истине Л.Эгуста, который считал это имя автохонным, малоазиатским [38, § 399].

Затем последовала новая римская оккупация Таврики и Ольвии. Появление здесь римских гарнизонов качественно изменило политическую ситуацию в Причерноморье. Периодически появляются римские подразделения и на Боспоре. Известны имена двух римских граждан, служивших в Кипрской когорте — Луций Волузий и Гай Меммий [8, № 691, 726]. Заметим, что в эпитафиях опущены *cognomina*, хотя в это время стало обычным не упоминать личные имена. О временном характере пребывания здесь римских войск свидетельствует то обстоятельство, что для надгробия Луцию Волузию использовался более древний памятник, с которого наспех сбили рельеф и надпись.

Появление римских войск не изменило статуса царства. Боспор сохранил положение римского союзника и вместе с римской державой к концу II в. достиг вершины экономического и политического могущества. Все более пыльным становится двор боспорских владык, растет бюрократический аппарат царства. Цари активизируют свои действия на суше и море. При Савромате II разгромлены сираки и скифы, флот энергично действует у южных берегов Понта [8, № 1237]. Рескупорид II провозгласил себя "царем Боспора и тавроскифов" [8, № 1008]. По мнению Зосимы, боспорские цари передавали власть по наследству, дружили с римлянами и получали императорские дары [33, *Zosim. Hist. Nova.* I, 32].

Эдикт Каракаллы 212 г. о даровании римского гражданства всему свободному населению империи лишил римское гражданство бывлой префекты и максимально расширил *orbis Romanus* [35, р.220—224]. Имя Аврелий становится в Средиземноморье одним из самых распространенных. Но в боспорских надписях не упоминаются местные жители, получившие гражданство вскоре после эдикта, что подчеркивает независимость Боспора. Исключение составляет лишь архитектор Аврелий Антонин, долгое время трудившийся в Танаисе [6, с.78]. Аврелиями были послы Амастрии и Пруси, которые позаботились о возведении статуй Рескупориду III [8, № 54—55, 953]. Почести боспорскому царю от имени

"совета и народа" малоазийских городов свидетельствуют о высоком авторитете последнего.

В середине III в. по мере углубления кризиса и усиления на- тиска варваров потребовалось укрепление боспорской армии и государ- ственного аппарата римскими ставленниками и политическими аген- тами. Одним из них был Аврелий Родон, сын Моллея, наместник цар- ской резиденции, хилиарх и римский всадник [8, № 58]. Как и про- чие Аврелии, боспорский вельможа и военачальник, вероятно, не был коренным местным жителем. Имя его отца встречается только в одной надписи, но имеет аналогии в Малой Азии [38, S. 271]. Авре- лий Родон оказал какие-то услуги гераклеоту Аврелию Цельсу, что может указывать и на просихождеие римского всадника, состояв- шего на службе у боспорского царя. Вероятно, в эти трудные време- на римские граждане составляли особую группировку среди боспор- ской правящей верхушки, которая, впрочем, не смогла противостоять варварам.

Итак, появление римских граждан среди боспорцев, на наш взгляд, следует рассматривать в связи с римской политикой на Боспоре. Возможно, что первым римским гражданином здесь был рим- ский ставленник царь Полемон I. И в дальнейшем в своей политике римляне традиционно опирались на династию местных царей и рим- ских граждан, добиваясь в результате союза с боспорскими царя- ми выгодной для себя ситуации в Северном Причерноморье. В свою очередь, цари династии Тибериев Юлиев, используя союз с Римом, сохранили независимость во внутренней политике и временами до- минировали в Таврике. Для укрепления проримских настроений рим- ское гражданство иногда даровалось представителям придворной верхушки. Кроме того, среди жителей Боспора появились ветераны римских войск, отпущенники римских граждан и их потомки, пере- селенцы из Малой Азии и других римских провинций, которыми иног- да укреплялся государственный аппарат царства.

Список литературы: 1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. К., 1986. 2. Бешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965. 3. Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга //Сов.археология. 1965. № 2. 4. Б л а т с к и й В.Д. Очерки военного дела в античных государ- ствах Северного Причерноморья. М.; Л., 1954. 5. Г а й д у

- К е в и ч В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. 6. Д љ а ч -
к о в С.В. Отпущенники и их потомки в составе населения Боспор-
ского царства в первых веках н.э. //Вестн.Харьк.ун-та, 1988.
№ 316. 7. Ка д е е в В.И. Херсонес Таврический в первых веках
нашей эры. Х., 1981. 8. К о р п у с боспорских надписей. М.;Л.,
1965. 9. Л а т ы ш е в В.В. Эпиграфические новости из юж-
ной России //Изв.Археологич.комиссии. 1910. 1910. Вып.37.
10. Л а т ы ш е в а В.А. О роли Динамии в период правления на
Боспоре Полемона //Вестн.Харьк.ун-та. 1981. № 214. 11. М а ш -
к и н Н.А. Из истории римского гражданства //Изв.АН СССР. Сер.
истории и философии. 1945. № 5. 12. О р е ш н и к о в А.В.
Киликийские монеты царя Марка Антония Полемона //Нумизматический
сборник. Т.1. М., 1911. 13. О р е ш н и к о в А.В. Пифодо-
рида и ее род в Понтийском царстве //Изв.Таврич.учен.архивной
комиссии. 1902. № 34. 14. П е т р о н и й Арбитр. Сатирикон.
М.; Л., 1924. 15. П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания.
Т.3. М., 1964. 16. Р о с т о в ц е в М.И. Античная декора-
тивная живопись на юге России. Спб., 1913. 17. Р о с т о в -
ц е в М.И. Государство и культура Боспорского царства //Вестн.
древней истории.1989. № 3. 18. С а в о с т и н а Е.А. Рим-
ские имена в ономастике Северного Причерноморья //Сов.архео-
логия. 1977. № 4. 19. С т р а б о н. География. М., 1964.
20. Ф р о л о в а Н.А. Медные монеты Котиса I как историче-
ский источник //Сов.археология. 1976. № 3. 21. Ц в е т а е -
в а Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. 22. Ц в е т а е в а Г.А.
Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и со-
циальный состав //Материалы и исслед. по археологии СССР.
1951. № 19. 23. Ш е л о в Д.Б. Римляне в Северном Причерно-
морье во П в. н.э. //Вестн.древней истории. 1981. № 4. 24. Ш е -
л о в Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.,
1972. 25. Я й л е н к о В.П. Материалы по боспорской эпигра-
фике //Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного
Северного Причерноморья. М., 1987. 26. *Benes J. Auxilia*
Romania in Moesia atque in Dacia. Praha, 1978.
27. *Braund D.C. Client kings // Exeter Studies in*
History. 1988. No. 18. 28. *Braund D.C. Rome*
and the Friendly King. London, 1984. 29. *Dio*

- Cassius Cocceianus: Dio's Roman History. V. 1-9. London, 1914. 30. Garnsey P., Saller R. The early Principate: Augustus to Trajan, Oxford, 1982. 31. Inscriptiones orae septentrionalis Pontii Euxini. Vol. I. Petropoli, 1916. 32. Nadel B. Penetracja Rzymu i. wpływ rzymskie na północnym wybrzeżu Morza Czarnego // Meander, 1969. №3. 33. Scythica et caucasica e veteris scriptoribus Graecis et Latinis. Vol. 1-2. Petropoli, 1893-1906. 34. Sherwin-White A. N. Rasial Prejudice in Imperial Rome. Cambridge, 1967. 35. Sherwin-White A. N. The Roman Citizenship. Oxford, 1973. 36. Taylor L. R. Freedmen and freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome // American Journal of Philology. 1961. v. 82. No2. 37. Z g u s t a L. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. 38. Z g u s t a L. Kleinasiatische Personennamen. Praha, 1964.

Поступила в редколлегию 30.10.90

С.Б. СОРОЧАН, канд. ист. наук

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ И ИДЕЙНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВИЗАНТИИ В ЭПОХУ ИКОНОБОРЧЕСТВА

В историографии ранней Византии пока отсутствует специальное исследование места, характера и степени самостоятельного участия торгово-ремесленных кругов в политической и религиозной жизни империи. Поэтому особый интерес представляет определение присущих именно этому слою населения целей, форм, методов и результатов борьбы, его ориентации в отношении прочих социально-политических сил и группировок византийского общества VIII-IX вв., когда особенно обострилась религиозно-политическая борьба, связанная с выбором путей феодализации империи.

Можно согласиться с К. Манго, что после VI в. политическая и общественная жизнь Византии стала следовать другим принципам, чем в эпоху античности [15, p. 58-62]. Изменения такого рода должны были коснуться содержания политической борьбы, ко-

торая все больше приобретала религиозный оттенок, свойственный любым социальным движениям эпохи средневековья. Иконоборчество, принявшее с начала правления династии Исауров характер государственной политики, неминуемо должно было привлечь внимание широких масс горожан, прежде всего столицы империи, откуда оно стало официально проводиться центральной властью в лице правящего василевса. Между тем значительная часть торгово-ремесленного населения столицы и европейских областей Византии поначалу не приняла нового курса императора и оказалась на стороне иконопочитателей, т.е. в одном ряду не только с ортодоксальным духовенством, представителями константинопольской патриархии, монашеством, городскими собственниками-ктиторами, но и гражданской знатью. Так, против приказа Льва Исавра о снятии и сожжении иконы Христа с Медных ворот, открывшего в 726 г. преследование иконопочитателей, самым решительным образом выступила группа христиан-подвижников, о которых рассказывает мученичество Олиана [5, с. 47-53]. Возглавляли их благородная патрикия Мария, происходившая из императорского рода (βασιλικῆς τοῦ γένους κατὰ γομὲν), протоспафарий Георгий и другие представители знати. Однако показательно, что вызвав к себе Марию с ее сторонниками, Лев заметил, что им, знатым, не следовало смешиваться с толпой необразованных и поднимать бунт в городе [5, с. 52]. На враждебность, с которой встретили простые константинопольцы меры василевса, косвенно также указывает приказ Льва войнам перебить народ, собравшийся у Медных ворот [5, с. 52]. Самое почтительное отношение к мощам св. Евфимии со стороны двух братьев-моряков и, очевидно, торговцев, владевших небольшим судном, засвидетельствованное в рассказе епископа Константины Тийского, показывает, что в начале иконоборческих гонений при Льве III реакция на эту политику торгово-ремесленных кругов не была однозначной. Подобрав мощи, братья не только сохранили их, но как истые δαδερμῆτες, доставили на о. Лимнос, построили там со временем молитвенный дом с мраморными полами и, истратив весь груз своего судна, принесли Евфимии все свое имущество, постриглись и посвятили себя служению ей [5, с. 261-263]. Но в это же время другие вооруженные люди (ἐκβαροί) и ремесленники соорудили печи и дом на месте алтаря из храма Евфимии около столичного ипподрома, что произошло после завершения селенция 730 г., повлекшего за

собой отставку патриарха — иконопочитателя Германа [65, с.260-261]. Несомненно, часть византийского торгово-ремесленного населения оказалась в одном лагере с иконопочитателями из числа духовенства и гражданской бюрократической знати. В силу извечного соперничества этот союз не мог быть прочным, и императоры-иконоборцы должны были пытаться его всячески подорвать, чтобы расширить социальную базу своей политики. Метод репрессий, традиционно применявшийся ими к иконопочитателям, в данном случае, видимо, был не только малоэффективен, но даже опасен для правительства. Дезурбанизация, происходившая во второй половине VII—VIII вв., ощущалась в Византии все же значительно слабее, чем на Западе. Даже в эти столетия здесь продолжали существовать крупные по средневековым меркам города с многочисленными торгово-ремесленным населением. К тому же рост товарного обращения, морских перевозок, о чем свидетельствовало оформление Морского закона, обусловили высокие доходы от налогов и пошлин, которые постоянно давало государству это население. Поэтому объективные условия заставляли иконоборческие власти достаточно осторожно относиться к тем торговцам и ремесленникам, которые поначалу даже в столице в большинстве своем сочувствовали враждебному правительству иконопочитанию. Императоры пытались ослабить элементы самоуправления в этой среде, сильные тенденции к муниципальным свободам и независимости, имевшие место среди городских магистратов, особенно периферийных городов, отличавшихся большой самостоятельностью [1, с.27; 2, гл.42, 39-54, с.172; 6, с.114; 4, с.166]. Вместе с тем правящие иконоборцы изначально шли на некоторые уступки этим кругам. Именно интересам последних отвечали такие задачи, ставившиеся правительством Льва III, как возрождение агрикультуры, опубликование свода законов не только гражданского, уголовного права, но и по вопросам торговли и сельского хозяйства, которые могли бы найти применение в провинции [14, р.68]. Известно, что Константин V был еще менее склонен к компромиссам и действовал более решительно, чем его отец. Однако будучи заинтересованным в позиции горожан, прежде всего Константинополя, он обязал крестьян продавать зерно государству по принудительно низким ценам, что привело к установлению стабильных цен и изобилию дешевых продуктов на столичном рынке. Последующие василевсы придерживались этого же курса, который при всех издержках и

отрицательных последствиях подрыва союза с крестьянством, очевидно, давал свои плоды. Г.Г.Литавин, отметивший это, указывает, что действительно с IX в. узурпаторы сравнительно редко овладевали столицей [3, с.70-71]. Поэтому в число реальных сил, с которыми приходилось считаться василевсам при ведении своей относительно самостоятельной политики в это время, следует отнести не только две основные противоборствующие группировки господствующего класса — военную землевладельческую знать фем и духовенство с гражданской чиновной бюрократией, но и "третью силу" — широкие торгово-ремесленные круги, главным образом столицы империи, решающая роль которой в исходе политической борьбы стала, по мнению Ж.Дагрона, вполне очевидной в эпоху иконоборчества [II, р.544]. Эти круги имели собственные интересы и составляли серьезное препятствие самодержавию императорской центральной власти, будучи непоследовательными союзниками то константинопольской, то провинциальной группировок знати. Если бы влияние и организующая сила димов, с которыми были связаны торговцы и ремесленники, совершенно упали, едва ли императоры-иконоборцы стали заигрывать перед этими слоями городского населения в ущерб своей традиционной опоре — свободному крестьянству. Для правительства было крайне важно консолидировать вокруг центральной власти все поддерживающие эту власть общественные элементы. Призыв к разделу церковных имуществ, видимо, сыграл решающую роль в переориентации части торгово-предпринимательских слоев столицы на сторону иконоборцев. Антиклерикальная, антимонашеская программа Исавров наносила удар по экономике церкви, покушаясь на ее владения и собственность, а также по земельной аристократии. По мере того как эти цели становились понятны широким слоям населения, в том числе и торгово-ремесленным кругам, они переходили на сторону правительства. Созыв Собора 754 г. и казнь константинопольской толпой шести духовных лиц, среди которых был широко известный св.Стефан с горы Авксентия, может служить указанием на то, что двойственная до того времени позиция торгово-ремесленных слоев Константинополя стала достаточно определенно иконоборческой [14, р.88]. Поэтому в своих действиях против иконопочитателей Константин V нередко обращался прямо к народу, выходя к нему, созывая его на площади на селений *ἀπὸ τῶν τῶν ὕλ' αὐτοῦ* *ἀπὸν ἐκ κηρύσσας; σελευτίου ἡγομένου* [20, § 26,39], или к городскому

финалу (πρὸ τοῦ ἀγέτορ τῆς χιλιάρης) [20, § 35-33], обращаясь во время представления на ипподроме (τὸ θέατρον τοῦ ἱπποδρομίου) [20, § 38]. В ближайшие годы после Собора 754 г. поддержка правительственному курсу со стороны торгово-ремесленных слоев населения Константинополя стала более решительной. Стефан Диакон указывал, что народ сочувственно относился к борьбе Константина У с монашеством и на жалобы василевса о кознях иконопочитателей дружно отвечал: "Да нет и следа их одежд в городе твоём" [20, § 38]. Собравшиеся на ипподроме требовали предавать смерти (φονεῦθῃτω), казнить, сжигать ослушников императорского повеления, топтали монашеские одежды и, что особенно важно, вооружившись мечами, потребовали громить монастыри и церкви, терзали монахов, в частности сожгли обитель одного из самых стойких амнимоневтов, Стефана Нового, на Авксентиевой горе, разогнав его учеников [20, § 39]. Примечательно, что донос (ῥα μὲν ἀγέτορ) на Стефана написал один из его учеников отступник Сергей вместе со старшим сборщиком налогов — Авликаламом, к которому этот ученик специально пришел [20, § 32]. Последнее тоже может служить указанием на сочувствие торговцев, ремесленников и кругов, близко с ними связанных, к политике Константина У в 759 г., к которому относились описываемые события [45, с. 131-134]. Позже, в 765 г., народ по-прежнему восторженно встречал императора на площади Милий, а в ответ на обычные сетования василевса против иконопочитателей из толпы ему возражали, указывая, что "и следа их (амнимоневтов) не видно ни в городе, ни в других областях, все они погублены" [20, § 58]. Впрочем, надо учитывать, что это говорилось во время брумалий, когда происходило одаривание прос- того народа, и слова явно не были искренними, отражая лишь желание польстить василевсу. Тем не менее настрой большинства торгово-ремесленного населения столицы осенью 765 г. был настолько ясен и определен, что, готовясь к приближающейся казни, Стефан заранее снял с головы клобук, так как не хотел, чтобы схиму топтала разъяренная толпа народа [20, § 60]. Описывая кончину святого, последовавшую 28 ноября 765 г., агиограф сообщает о толпе (ἐπὶ τῇ δυνάμει), которая вытаскила Стефана из тюрьмы претория на улицу, избивала его камнями и палками [20, § 61; 5, с. 144]. Кто был в этой "толпе", неясно, но напавшие на святого были настроены расправиться с ним, как с врагом

императора Константина У, и автор жития презрительно называет их *τοὺς ὄχλους*. Труп уже мертвого Стефана продолжали терзать одинаково усердно все — мужчины, женщины, даже дети, но особенно покарательна сцена, происшедшая на Вычей площади (*ἐν τοῦ βουός - τοῦπος*), где какой-то торговец-капинос, продававший жареную рыбу, с такой силой ударил головней по черепу покойника, что разбил его [20, § 62]. Такое "рвение", проявляемое именно торговцами, засвидетельствовано также в Житии Андрея при описании мученической смерти этого святого 20 октября 767 г. Когда мелкий рыболов, который торговал на площади рыбой, увидел, что по приказу Константина У мимо тащат св. Андрея, выступившего с защитой икон против императора, то, схватив рыболовный топор (*τὴν ἑλπίδην τοῦ μασχέλλου*), отрубил святому ногу, после чего Андрей скончался, а слуги императора, волочившие мученика, объявили убийце, что он заслуживает награды [5, с. 46]. Следует отметить, что перед этим тело полумертвого Андрея тащали на веревке по улицам и площадям Константинополя среди толп "рыночного народа", который воспринимал происходящее, очевидно, как должное [5, с. 45].

Безусловно, не все торговцы и ремесленники целиком и полностью отвернулись от иконопочитания. Автор жития Стефана Нового сообщает, что незадолго до кончины святого к нему, заключенному в тюрьму претория, приходило много горожан (*πλὴντες οἱ ἐν τῇ πόλει*), которых он облачал в монашескую одежду [20, § 57]. Мало того, Константин У даже был вынужден тогда же начать розыски в столице тех, кто водился с монахами, и изгонять их [5, с. 142]. Видимо, еще большим сочувствием пользовалось иконопочитание в окраинных областях и городах империи [20, § 28; 9, р. 21-27].

Поддержку правительственного курса на иконопочитание, взятого с приходом на престол Ирины, можно заметить с 80-х гг. УШ в. и среди столичного населения. О перемене религиозных настроений, последовавшей в это время, свидетельствует возмущение, с каким простой народ не хотел отдавать мощи св. Евфимии с о. Лимноса для перенесения в Константинополь, где по прибытии святой ее встретил с песнопениями весь город [5, с. 264-265]. Агиограф Михаил отмечает, что позже к Феодору Студиту стали приходить из столицы поклониться в Саккудийский монастырь уже не только монахи, но и миряне [16, Col. 256-258, § 19]. Такой поворот религиозных симпатий широких слоев горожан, видимо, совпада-

ет с поддержкой ими борьбы императрицы Ирины против недовольных правительством, рвущимся к власти иконоборчески настроенных военных кругов, чьей материальной базой являлась главным образом земельная рента и чьи интересы, следовательно, не совпадали с интересами торгово-ремесленного населения, особенно крупных портовых городов. Поэтому для укрепления на троне, добытом через ослепление собственного сына 15 августа 797 г., Ирина пыталась, с одной стороны, найти помощь у духовенства и осыпала милостями церковь, восстановила иконопочитание, с другой стороны, очевидно, старалась заручиться поддержкой торгово-ремесленных слоев империи, постоянно готовых возмутиться. Трудно объяснить какой-либо иной целью политику императрицы, направленную на снижение корабельных пошлин, налогов с городского населения [22, р. 475; 489; 21, Col. 929, 932], что отчасти даже усугубило финансовый кризис страны и к концу ее правления [13, р. 41-42]. Необычно выглядят также те финансово-экономические меры преемника Ирины — Никифора I, о которых недоброжелательно настроенный по отношению к императору Феофан отзывался как о девятом и десятом "притеснениях" [22, р. 487-488]. Наиболее влиятельные судовладельцы столицы должны были получить госзаим в 12 фунтов золота, правда, под достаточно высокие проценты. И это при условиях, когда страна несла большие военные расходы, терпела последствия мятежа Вардана Турна в азиатских темах, а император ...не вводил новых налогов и вынужден был в поисках денег прибегать к противозаконным конфискациям. Одни исследователи полагают, что василевс стремился вновь наполнить казну путем столь своеобразного ростовщичества [17, р. 86; 10, р. 183-216; 18, р. 219], другие видят причину в попытке властей заставить судовладельцев заниматься морским предпринимательством, без чего невозможно было возвращение принудительно навязанного им госдолга и процентов за него [13, р. 42-45]. Однако можно заметить, что вместе с "девятым притеснением", которое состояло в разрешении населению приморских малоазийских городов покупать участки земли по госцене, это составило меры, явно рассчитанные на интересы торгово-ремесленных кругов. С настроениями последних вынуждены были считаться и последующие василевсы. Симптоматично, что иконоборец Л.в Армянин (813-820), выступивший против императора Михаила I Рангве (811-813), вошел с войсками в Константинополь, не встретив никакого сопротивления, и был открыто провозглашен

василевсом, но для этого ему, по словам агиографов, пришлось критиковаться благочестивым [16, § 30; 23, *Col.* 903, § 20]. Согласно сообщению Феодора Студита, сторонник иконопочитания патриарх Никифор был свергнут с патриаршего престола, схвачен по приказу Льва V и немедленно ночью перевезен через Босфор в другую часть города с целью не возбудить простой народ [5, с. 47]. Последовавшее вскоре, в 820–821 гг., восстание Фомы Славянина тоже отражало религиозные чаяния иконопочитателей. По словам Михаила Студита, этот бунтовщик (*ῥωσσηλλὸς*) принимал иконы и поклонялся им [16, *Col.* 319, § 61]. Видимо, иконоборчество как символ интересов провинциальной знати все труднее было совместить с "умеренной" православной ориентацией, овладевавшей торгово-ремесленными кругами. Во время ссылки Ионна Психаита в 20-е гг. IX в. в Херсонесе к нему "стекались народы, жившие около Веспора", которых он одобрял, причем среди обращавшихся к нему за советом, исцелением, возносивших ему хвалу были медник (*χαλκῆς*), рыболов или моряк (*λιεὺς*), т.е. местные ремесленники и торговцы [5, с. 235–236]. Похоже, такие же настроения преобладали в столице и ее окрестностях, когда масса народа сошлась, чтобы почтить кончину видного иконопочитателя Никиты Мидийского, умершего 3 апреля 824 г. [5, с. 358]. Вспышки иконоборческих настроений случались в последующее время все реже и реже. Агиограф Михаила Синкелла отмечает, что народ был на стороне иконоборца Теофила, отдавшего в июле 836 г. приказ исписать позорными стихами лица четырех монахов-иконпочитателей, и, когда наказание было исполнено, из толпы подходили к ним и били по лицу [8, с. 244–245]. Громадная толпа народа (*πᾶς ὄχλος*) оказала поддержку кесарю Варде во время его выступления против патриарха Игнатия [23, § 58–60]. Будучи дядей по матери Михаила III, Варда имел огромное влияние на императора. Воспользовавшись слухами о любовной связи кесаря с Евдокией, вдовой сына Варды, патриарх запретил ему входить в церковь, после чего кесарь ворвался в алтарь храма, сопровождаемый многочисленной толпой, которая ему явно сочувствовала. 23 ноября 857 г. патриарх Игнатий был смещен, а на его место Михаил и Варда выбрали Фотия [23, § 61]. По мнению Ф. Дворник, широкие массы тех, кто был повседневно связан с занятием ремеслом и торговлей, придерживались в это время лагеря "умеренных" [12, с. 9] и не осуждали василевса и Варду, ссылавших наиболее упор-

ных монахов-иконопочитателей [5, с.227]. Последнее не мешало им поклоняться мощам, как это было с теми ремесленниками, которые приходили с надеждой на исцеление к телу св.Евстратия, умершего, очевидно, в 868 г. [19, с.394, § 42].

Закономерно, что в начальный период иконоборчества (30-е гг. VIII в. - 815 г.) торгово-ремесленные круги должны были выступить именно на стороне константинопольского правительства, ибо этот союз еще мог вывести страну при тогдашнем уровне и традициях ремесла и торговли на путь формирования общественных отношений, подобных тем, что имели место в средневековых итальянских торговых городах-государствах, тогда как позиция провинциальной землевладельческой знати (и значит любая поддержка ее) вели страну к классической монархии каролингского типа. М.А.Сюзов справедливо полагал, что торгово-ремесленное население Византии было заинтересовано в складывании городского патрициата [7, с.5] и поэтому не могло не пытаться использовать возникшую в VIII в. идейно-политическую ситуацию в своих интересах. Представляется удачным высказанное Р.Дженкинсом предположение о возможности рассматривать раннее иконоборчество как разновидность протокальвинизма или протонуританизма [14, р.68], причем определенное сходство прослеживается здесь не только в отказе от искусства и образования как от греха, но и в совпадении идеологических установок и их социальных носителей. Широкие торгово-ремесленные слои населения, в том числе столицы империи, стали вновь переходить на сторону официального христианства лишь во втором периоде иконоборчества (815-843), когда положение военной фемной знати окрепло настолько, что возможности выбора иного пути развития страны, не отвечающего интересам этой знати, оказались практически исчерпаны. Однако недостижимость поставленных целей с помощью тех форм и методов борьбы, к которым прибегало это население, никоим образом не умаляет его инициативу, проявленную в социально-политической и идейно-религиозной жизни иконоборческой эпохи.

Список литературы: 1. В а с и л ь е в с к и й В.Г. Русско-византийские исследования. Вып.2: Жития св.Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Спб., 1893. 2. К о н с т а н т и н Багрянородный. Об управлении империей /Текст, пер.,коммент. под.ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. М., 1989. 3. К у л ь

- тура Византии. Вторая пол. УП-ХП в. М., 1989. 4. Курба-
тов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Визан-
тии УП-IX вв. // Становление и развитие раннеклассовых обществ.
Город и государство. Л., 1986. 5. Лопарев Хр.М. Грече-
ские жития святых УП и IX веков. Пг., 1914. 6. Ранне-
феодалные государства на Балканах. УП-ХП вв. М.,
1985. 7. Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях гене-
зиса и развития феодализма в Византии // Византийский временник.
1960. Т. 17. 8. Шмидт Ф.И. Кахрие-джами // Известия Рус-
ского археологического института в Константинополе. София, 1906.
Т. II. 9. Ahrweiler H. *The Geography of the
Iconoclastic World // Iconoclasm. Birmingham, 1977.*
10. Bratianu Ch. *Etudes byzantines d'histoire éco-
nomique et sociale, Paris, 1938.* 11. Dagron G. *Naissance
d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451.*
Paris, 1974. 12. Dvornik F. *The Photian Schism, Cam-
bridge, 1948.* 13. Frances E. *L'empereur Nicéphore I
et le commerce maritime byzantin // Byzantinoslavica.*
Praha, 1966. Т. 27/1. 14. Jenkins R. *Byzantium:
The Imperial Centuries. AD 610-1071. London, 1966.*
15. Mango C. *Le développement urbain de Constanti-
nople (V^e-VIIe siècles). Paris, 1985.* 16. Michaelus
Monachus. *Vita et conversatio patris nostri et confesso-
ris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. T. 99.*
17. Monnier H. *Etudes de droit byzantin. L'épître
// Nouvelle revue historique de droit français étranger.*
Paris, 1895. An. 19. 18. Ostrogorski G. *Histoire de
l'Etat byzantin. Paris, 1956.* 19. Παπαδόπουλος-
Κεραμέως Α. 'Αλέξανδρος ἱεροσολυμίτης καὶ ἀνα-
χωρίαις. - Πετρούπολες, 1897. 4. 20. Stephanus Con-
stantinopolitanus *Diaconus in vitam et martyrium
beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris,
qui martyrium subiit sub impio Iconoclasta impe-
ratore Constantino Copronymo // PG. T. 100.* 21. Theo-
dorus Studites. *Epistolaes, Lib. 1 // PG. T. 99.*
22. Teophanis *Chronographia / Rec. C. de Boor -
Lipsiae, 1883. Vol. 1.* 23. Vita St. Nicolae Stu-
diae // PG. T. 105.

Поступила в редколлегию 25.10.90

С. И. ПОСОХОВ
ПЕРЕХОД СОВЕТСКОЙ НАУКИ НА НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ
В 20-30-е гг. (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ)

Важной составной частью исследований по истории науки являются вопросы, связанные с методологическими аспектами ее развития. В последние десятилетия их изучению уделяется особое внимание, а в поиск ответов включены специалисты разных областей знания, что связано с повышением роли науки в жизни общества. Определенное место решению таких задач отводится и в исторической литературе, так как к вопросам методологии науки тесно примыкают проблемы общественного развития, весь комплекс экономических, политических, административных и других факторов. Это особенно заметно на примере советской науки в период 20-30-х годов, который был переломным как с точки зрения методологии науки, так и хода общественных процессов. К настоящему времени сложился достаточно широкий круг разнородной литературы по данной теме, в связи с чем остановимся лишь на некоторых итогах и перспективах разработки отдельных аспектов проблемы.

Прежде всего, сложившееся положение в области методологии естествознания нельзя понять, абстрагируясь от предметно-исторической логики в развитии науки. Период 20-30-х годов, будучи переломным во внутринаучном развитии [20, с. 337, и др.], обусловил непростую ситуацию в физике, биологии, психологии и ряде других естественных и общественных наук. В ходе ее изучения достигнуты определенные успехи, хотя есть и немало спорных моментов.

Наиболее пестрый спектр мнений сложился в процессе осмысления истории генетики. На сегодняшний день остается невыясненным сам характер борьбы, развернувшейся в данной области биологической науки в 20-30-х годах. В то время как одни авторы усматривают в этих непростых событиях проблемы, порожденные самим ходом научного прогресса [28; 35 и др.], другие [10; 37 и др.] связывают их с субъективными причинами или с проявлениями лженауки, третьи считают их иррационализмом исторического масштаба [36 и др.]. Такое положение в историографии вопроса, на наш взгляд, не вполне оправдано, так как существует значительное

количество общетеоретических работ науковедческого характера [39; 33; 38 и др.], в контексте которых достаточно четко вырисовывается место дискуссий указанного периода в истории генетики. По существу, научная подоплека в борьбе так называемой "мичуринской биологии" с генетикой отрицается многими авторами лишь на том основании, что Лысенко и другие защищали уже отжившие к тому времени научные взгляды [18 и др.]. Однако достаточно вспомнить дискуссии о флогистоне или эфире, о том, что научные открытия подчас не воспринимались не только широкой научной общественностью, но и крупными учеными. (Так, одним из непримиримых прстивников геометрии Н.И.Лобачевского был выдающийся математик М.В.Остроградский, а среди критиков тех же воззрений генетиков — И.П.Павлов. Такие примеры легко продолжить). Необходимо помнить и о том, что даже результаты, полученные на основе впоследствии отброшенных теорий, вошли в "тело" науки. О трудностях же в трактовке спорных вопросов генетики говорит и тот факт, что до последнего времени, по мнению ряда авторов, нет серьезных обобщающих работ по истории синтеза эволюционного учения и генетики [2, с.150; и др.]. Более продуктивным выглядит в этой связи поиск типа дискуссии, к которой можно было бы данную конфронтацию в науке отнести, тем более, что первые шаги в этом направлении уже сделаны [25-26 и др.]. Положение в отечественной биологии, сложившееся к 30-м годам, в значительной степени отличалось от ситуации в физике или химии. То, что для физики было уже пройденным этапом (теория относительности прочно утвердилась в советской физике к концу 20-х годов [9, с.51], а химии еще предстояло пройти в 50-е годы (теория резонанса [31, с.]), для генетики было основным вопросом, от решения которого зависело ее продвижение вперед. Имеется в виду ее переход на качественно новый уровень исследований — молекулярный, что оценивается не иначе, как научная революция в биологии [20, с.315; и др.]. Кульминационным же пунктом ее развертывания станет конец 30-х годов [35, с.109]. Вполне понятен в силу этого тот интерес, который проявляли ученые данной области науки к вопросам методологического характера, ибо новую ситуацию в науке не мог удовлетворить старый категориальный аппарат. Неудивительно, что поиск новой методологии сопровождался известными трудностями и противоречиями. В.И.Ленин по это-

му поводу отмечал, что наука к диалектике идет "не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей "конечной цели", а приближаясь к ней одулью, шатаясь, иногда даже задом" [1, т.18, с.332]. Будучи свидетелем новейшей революции в естествознании, В.И. Ленин понимал, какое значение может иметь в этих условиях союз естествознания и философии; идея такого союза красной нитью проходит через его философское завещание "О значении воинствующего материализма" [1; т.45, с.23-33]. Насколько данный союз был возможен, как он осуществлялся в рассматриваемое нами время? Такая постановка вопроса характерна как для обобщающих работ, так и отдельных статей, увидевших свет в последние десятилетия [3; 13; 23 и др.]. Среди же перспективных направлений исследования сегодня выступает проблема взаимосвязи философских дискуссий 20-30-х годов и перехода науки на новые методологические позиции. И хотя к настоящему моменту существует серия работ, посвященных и этому вопросу [8; 22 и др.], многие его аспекты требуют своего переосмысления. Об этом говорит, в частности, тот факт, что за последнее время кардинально изменилось само понимание философских дискуссий и ситуации в философии вообще, сложившейся в указанный период. Так, например, если в 60-70-е годы господствующим являлся вывод о том, что в центре дискуссий была борьба за ленинизм, а вопрос о союзе философии и естествознания был одним из ее компонентов [16; 21 и др.], то со второй половины 80-х годов считается, что дискуссии посвящены одной проблеме - взаимоотношению материалистической философии и естествознания [8; 29 и др.]. Претерпела существенные изменения и трактовка хода философских дискуссий, которая от повторения сказанного еще в 30-е годы [32 и др.] сменилась полным неприятием выводов более чем 50-летней давности [29; 34 и др.]. Не говоря уже об оценках их результатов, где друг другу порой противостоят совершенно противоположные мнения (если в 60-е - первой половине 80-х годов результаты дискуссии оценивались в целом положительно, то с середины 80-х годов они характеризуются некоторыми авторами как "подавление философии, а затем подавление с помощью идеологизированной философии многих перспективных научно-исследовательских направлений" [29, с.373, и др.]). Особый интерес вызывает анализ в литературе последующей ситуации в философии. И если в конце 60-х годов исследователи отмечали

как причину трудностей во взаимоотношениях философии и естествознания недоверие естествоиспытателей ко всякой философии, вызванное беспомощностью и ненаучностью различных форм идеалистической философии [13, с.6; и др.], то в последующее время обращается все большее внимание на состояние самой материалистической философии в СССР. А к сегодняшнему дню качественный уровень философии того времени определен отдельными авторами как метафизический [29, с.363]. Именно в этом видится одна из причин столкновения философии и естественных наук в 20-30-е годы [8, с.135]. Внутринаучные условия такого состояния философии заключались, возможно, в том, что материалистическая философия впервые выходила на государственный уровень и развивалась скорее вширь, чем вглубь. Впрочем, поиск обстоятельных ответов на данные вопросы еще предстоит осуществить.

Однако, безусловно, наиболее привлекательными для историка являются те аспекты в истории науки, которые в большей степени связаны с развитием общества. Переход науки на новые методологические позиции в нашей стране совпал с периодом социального переустройства и в силу этого претерпел значительное влияние со стороны общества. Необходимо отметить, что некоторые авторы видят во взаимосвязи социальных и научных революций определенную закономерную связь [12 и др.]. Связь же эта многоаспектна и лишь в контексте всей совокупности социально-экономических, политических и идеологических отношений, при учете внутринаучных процессов возможно плодотворное изучение этого вопроса. Не пытаясь охарактеризовать общий уровень исследований по данной теме, остановимся на отдельных спорных положениях, которые еще предстоит исследовать. Так, в литературе последних лет часто встречается такое мнение, согласно которому появление, например, фигуры Лысенко в биологии связано с катастрофической ситуацией в области сельского хозяйства, а причины более благоприятного положения в физике сводятся к необходимости укрепления обороны [14, 34 и др.]. Такие выводы имеют под собой основание, однако при этом необходимо все же учитывать и ряд других обстоятельств. Как известно, начало спора по проблеме наследования приобретенных признаков относится еще к 20-м годам, когда массовая коллективизация еще только начиналась, а среди последователей теории ламаркизма в это время были не только советские, но и

иностранные ученые (австриец Каммерер и др.), как, к слову, и среди критиков теории относительности тогда же были американец Бом, венгр Яноши, француз Вижье и др. Возникает и другой вопрос, почему в физике в 30-е годы не возникли аналогичного масштаба спекуляции на науке, ведь и задача укрепления обороноспособности также была чрезвычайно острой.

Более внимательным должно быть и изучение развития науки на фоне острой политической борьбы 20-30-х годов. Так, сегодня принято считать, что Н.И.Вавилов и другие генетики, ставшие жертвами сталинизма, пострадали за свои научные убеждения, базировавшиеся на иных методологических основах [14, с.18, и др.]. Однако в таком случае не вполне понятен выбор жертв, ведь многие ученые, отстаивавшие аналогичные позиции (в том числе и более активно), успешно работали до 1948 г., а некоторые и позже. Ключом к пониманию этих событий, на наш взгляд, является тот факт, что репрессированные в 30-е - начале 40-х годов генетики составляли тесное окружение Н.И.Вавилова. Другими словами, исследователи проблемы зачастую упускают из вида общественно-политические взгляды и деятельность тех или иных ученых. Это же в полной мере относится и к репрессированным философам - деятельным участникам уже упоминавшихся философских дискуссий. Вполне естественно, что в условиях острой политической борьбы многие естествоиспытатели и философы были активны не только в ходе внутринаучных дискуссий, но и в ходе политических (в том числе внутрипартийных) споров, а некоторые из них при этом занимали высокие государственные посты (тот же Н.И.Вавилов, как известно, был членом ВЦИК и ЦИК СССР).

Перспективным и важным, на наш взгляд, является изучение влияния на переход ученых на новую методологию государственной организации науки. Общеизвестным считается, что данная организация науки определила серию выдающихся открытий и изобретений советской науки. Однако это же обстоятельство определило и ряд трудностей, в том числе в процессе создания союза философов и естественников.

Действуя революционными методами, государственная власть широко распространила их и на область науки, не учитывая предупреждения В.И.Ленина о том, что "для настоящего революционера самой большой опасностью, - может быть, даже единственной опасностью, - является преувеличение революционности, забвение

граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов [I, т.44, с.223]. Новая же волна интенсивного использования таких методов приходится как раз на период конца 20-х - 30-е годы. Неудивительно поэтому, что ряд негативных явлений исследователи справедливо связывают с вмешательством государства в область науки (например, разгром целых направлений в науке, что было относительно легко осуществить при централизованном государственном управлении). В этом процессе вполне понятной становится и роль некоторых естествоиспытателей, почти всегда "всеми силами и средствами отстаивающих свою теорию" [19, с.36]. Будучи людьми своего времени, они, как это отмечал Дж.Бернал, придерживались сознательно или бессознательно традиций, которые сформировали их мировоззрение [6, с.103]. Примеров же, когда ученый пользуется своим авторитетом и служебным положением для борьбы со своими оппонентами, к сожалению, предостаточно. Государственная организация науки 20-30-х годов облегчала подобные действия. Не иначе как в русле такой "традиции" можно воспринять и письмо в ЦК КПСС в 1987 г. группы видных генетиков, обеспокоенных несколькими статьями, где, по их мнению, высказываются взгляды периода господства "михуринской биологии" [11]. В последнее время был осуществлен прорыв в области исследования влияния культа личности на состояние научных исследований того времени [29; 34 и др.], что существенно дополнило наши взгляды на проблему.

Не менее актуальным является рассмотрение процесса усвоения новой методологии через призму идеологических отношений. Особенно это относится к тем периодам, когда идеология занимает в обществе исключительное место, каковым и был период 20-30-х годов в нашей стране. Следует напомнить, что такая ситуация, когда научные дискуссии, теоретические выводы и даже целые области научного знания имели идеологическую окраску, не является чем-то национально или социально особенным (например, "арийская физика" в фашистской Германии и т.п.). Однако этот аспект проблемы разработан фрагментарно [5; 15 и др.], хотя его значение не ограничено пределами науки. Неприятие выводов "буржуазных исследователей" олицетворяет подход эпохи Пролеткульта, и его возрождение с новой силой в конце 20-х годов также представляется небезынтересным для характеристики общества указанного периода.

При выяснении состояния методологических проблем науки перспективным направлением исследования сегодня выглядит разработ-

ки и научно-биографических сюжетов. Несмотря на многочисленную литературу такого жанра [4; 7 и др.], изучение процесса перехода ученых на новые методологические позиции и упоминавшаяся характеристика общественно-политических взглядов и деятельности в этой категории работ видится скорее исключением, чем правилом [17; 27 и др.].

Подводя итог сказанному, необходимо обратить внимание и на то, что наблюдающиеся разногласия по данному вопросу, некоторые невыясненные моменты в советской историографии 60-80-х годов в значительной степени связаны с качественными отличиями научно-исторических исследований периода 60-х - середины 80-х годов и периода с середины 80-х до настоящего времени. Заключаются они в том, что, если для первого из указанных периодов характерен акцент на логико-гносеологических аспектах развития науки, то для второго - на социально обусловленных факторах. Хотя такое положение в историографии проблемы вполне объяснимо, приближение к истине сегодня должно вестись при условии соотнесения социального и внутринаучного факторов в процессе их исторического развития.

Список литературы: 1. Ленин В.И. Полн.собр.соч. 2. Александров Д.А. [Рецензия] //Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3 [Рец. на кн.: Бабков В.В. Московская школа эволюционной генетики. М., 1985]. 3. Алексеев П.В. Наука и мировоззрение. М., 1983. 4. Астауров В.Л., Роклицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов. М., 1975. 5. Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. У истоков идеологизированной науки //Природа. 1982. № 2. 6. Бернал Дж. Влияние экономических и технических факторов на современную науку //Вопросы истории естествознания и техники. 1958. Вып.6. 7. Бойко Е.В., Виленский Е.Р. Н.И.Вавилов: страницы жизни и деятельности. М., 1987. 8. Венцовский Л. Проблема единства науки в отечественной философской мысли 20-30-х гг. //Взаимодействие науки и образования в СССР: методологические аспекты. М., 1988. 9. Визгин В.П., Горелик Г.Е. Восприятие теории относительности в России и СССР //Эйнштейновский сборник. М., 1988. 10. Волькенштейн М.В. Трактат о лженауке //Химия и жизнь. 1975. № 10.

11. В о п р е к и научной истине //Сельская жизнь. 1987. 18 июня. 12. Гражданников Е.Д. Историко-статистическое изучение совпадений во времени социальных и научных революций //Взаимодействие научно-технического и социального прогресса. Новосибирск, 1989. 13. Делюкадов К.Х. Особенности становления союза философии и физики в СССР (20-е - начало 30-х гг.). М., 1969. 14. Дубинин Н.П. Генетика: страницы истории. Кишинев, 1990. 15. Зиннов В.Г. К вопросу об усилении взаимосвязи научной методологии и идеологии //Проблемы философии. К., 1988. Вып. 75. 16. История философии в СССР: В 6 т. М., 1985. Т.5. Кн.1. 17. Кедров Б.М. К вопросу об эволюции мировоззрения В.И.Вернадского //Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. 18. Кедров Б.М. Объективная основа научных дискуссий //Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986. 19. Кедров Б.М. Противоречия в развитии естествознания. М., 1965. 20. Кедров Б.М., Огурцов А.П. Марксистская концепция истории естествознания: первая четверть XX в. М., 1985. 21. Колосков В.И. Очерк истории марксистско-ленинской философии в СССР (30-е гг.). М., 1978. 22. Кошарный В.П. Борьба за ленинизм в философской науке в СССР (20-30-е гг.) // Вестн. МГУ. Сер.7: Философия. 1982. № 6. 23. Ксенофонов В.И. Диалектический материализм и научное познание: на материалах советской литературы 20-30-х гг. Л., 1981. 24. Кувакин В.А., Титова Л.Г. Философская наука в СССР: некоторые особенности и закономерности развития //Вестн. МГУ. Сер.7: Философия. 1982. № 6. 25. Малиновский А.А. К вопросу о типологии дискуссий // Роль дискуссии в развитии естествознания. М., 1977. 26. Микulinский С.Р. Научная дискуссия и развитие науки //Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986. 27. Моисеев М.Б. В.И.Вернадский и естественнонаучная традиция //Коммунист. 1988. № 2. 28. Овчинников Н.Ф. Об основаниях научных дискуссий //Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1977. 29. Огурцов А. Подавление философии //Суровая драма народа. М., 1989. 30. Родный Н.И. Очерки по истории и методологии естествознания. М., 1975. 31. Соловьев Ю.И. Роль научных дискуссий в развитии химии XIX в. //Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1981.

32. Суворов Л.Н. Роль философских дискуссий 20-30-х годов в борьбе за ленинизм против механицизма, догматических и идеалистических ошибок в философии. М., 1969. 33. Сытник К.М., Дышлевый П.С. Диалектика революций в естествознании //Вопр. философии. 1981. № 3. 34. Филатов В.П. Об итогах лысенковской "агробиологии" (опыт социально-философского анализа) //Вопр. философии. 1988. № 8. 35. Фролов И.Т., Пастушный С.А. Менделизм и философские проблемы современной генетики. М., 1976. 36. Шупер В.А. Наука и демократия //Вопр. философии. 1988. № 8. 37. Эфромисон В.П. О Лысенко и лысенковщине //Вопросы истории естествознания и техники. М., 1989. № 1-2. 38. Ярошевский М.Г. Функция дискуссии в предметно-логическом развитии науки. М., 1986.

Поступила в редколлегию 06.II.90

Ю.А.ГОЛУБИН, канд.ист.наук

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЕВИСТИКИ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(Л.П.КАЛУЦКАЯ)

Вся жизнь Любови Павловны Калущкой (1921-1983) была связана с Харьковом. В этом городе она родилась, училась в школе, университете, аспирантуре, а затем тридцать пять лет - с 1948 по 1983 гг. - преподавала в своей *alma mater* на историческом факультете. Ее научным руководителем был известный медиевист Н.М.Пакуль. Она поддерживала постоянные научные связи с А.Д.Люблинской, работы которой получили мировое признание. Долгие годы кафедру истории средних веков, где работала Любовь Павловна, возглавлял выдающийся советский востоковед, заслуженный деятель науки СССР А.П.Ковалевский. Многолетнее общение с этими крупными учеными, яркими и интересными людьми, наложило глубокий отпечаток на всю деятельность Л.П.Калущкой как исследователя и педагога.

Свои первые шаги в науке Л.П.Калущкая делала как исследователя истории Франции XVI - первой половины XVII вв. Если в истории Англии периода позднего средневековья наиболее актуальной

является проблема первоначального накопления капитала, а в истории Германии — проблема Реформации и Крестьянской войны, то в истории Франции к числу таких проблем относится проблема абсолютизма. Это и определило выбор Л.П.Калудской темы кандидатской диссертации. Она была посвящена политическим идеям видного государственного деятеля Франции 20-х — 40-х годов XVII в., идеолога французского абсолютизма кардинала Ришелье [1]. На основе тщательного анализа "Мемуаров", и "Политического завещания" кардинала, а также писем, инструкций, государственных бумаг, относящихся к периоду его политической деятельности, Л.П.Калудская убедительно раскрыла научную несостоятельность оценки Ришелье в буржуазной историографии как ревностного приверженца идеи надклассового государства и показала, что этот государственный деятель, лавировавший между зарождавшейся буржуазией и дворянством, лишь использовал идею общественного блага для укрепления абсолютной монархии, которая по своей классовой сущности была диктатурой дворянского класса. Вплоть до недавнего времени диссертация Л.П.Калудской продолжала оставаться единственным в советской историографии исследованием политических взглядов Ришелье*.

Продолжив в 50-х — начале 60-х годов изучение истории Франции периода позднего средневековья, Л.П.Калудская подготовила работу о Нантском эдикте, которая, к сожалению, осталась неопубликованной, а также написала статью, посвященную проблеме абсолютизма в Западной Европе [3], и статью о франко-польских отношениях в 50-х — 60-х годах XVII вв. [4].

С середины 60-х годов основной темой научной работы Л.П.Калудской стала историография истории средних веков^{***}. По этой теме были опубликованы статьи, раскрывающие вклад в изучение истории средних веков таких исследователей, как Н.М.Пакуль [5], В.П.Бузескул [6], А.Я.Киктев [7], Л.М.Беркут [8], О.Л.Вайнштейн [9]. Занималась Л.П.Калудская и анализом изучения в советской историографии Гражданских войн второй половины XVI в. во Франции [10] и средневековой культуры [11]. Большой историографический мате-

В 1982 г. была опубликована монография А.Д.Люблинской [2], но в этой работе основное внимание уделялось экономической политике французского абсолютизма и народным движениям.

Большинство работ по этой теме было написано Л.П.Калудской в соавторстве с Г.В.Фризманом.

риал, собранный в ходе этих предварительных штудий, был затем использован Л.П.Калужкой при написании обобщающей статьи "О медиевистике на Украине в 1917-1936 гг." [12] и в оставшейся неопубликованной монографии "Изучение истории западноевропейского средневековья на Украине (1917-1973 гг.)". Характерными чертами историографических работ Л.П.Калужкой были последовательный историзм при оценке того или иного исследователя, анализ не только конкретно-исторических представлений отдельных ученых, но и особенностей их общеисторических воззрений и исследовательской техники, раскрытие общих закономерностей развития советской медиевистики.

Л.П.Калужкая была одним из ведущих преподавателей исторического факультета. Она читала общий курс истории средних веков, спецкурсы по истории средневековой культуры, источниковедению и историографии средних веков. О творческом подходе Л.П.Калужкой к читаемым ею курсам свидетельствуют ее рецензии на вузовские учебники истории средних веков [13-14], а также раздел "Культура Западной Европы", в учебнике "История средних веков" для педагогических институтов, написанный Любовью Павловной в соавторстве с ее учеником - известным медиевистом Л.М.Баткиным [15].

Авторы раздела учебника вполне справедливо выступили против традиционного, унаследованного еще от гуманистов и просветителей резко отрицательного отношения к средневековью как к темному и мрачному периоду в истории человечества. Вместе с тем Л.П.Калужкая и Л.М.Баткин отнюдь не стремились к идеализации средневековья и его культуры. Они исходили из того, что понять культуру прошлого можно только при последовательном историческом подходе, измеряя ее соответствующей ей меркой и отказавшись от единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации и эпохи. Авторы обращали внимание на исторические условия, в которых зарождалась средневековая культура, на характеристику ее составных элементов (остатков античной культуры, культуры варварского мира, христианства) и их соотношение, последовательно раскрыли сущность отдельных этапов развития средневековой культуры. Такой подход позволил авторам дать объективную оценку такого сложного исторического феномена, как средневековая культура. "Обладая более передовым социально-экономическим фундаментом, - подчеркивали они, - средневековое общество могло двигаться вперед в направлении, которое привело к появлению буржуазства,

к Возрождению и в конце концов к формированию национальных культур. То было очень медленное, зигзагообразное, мучительное движение и от очень жалкого исходного уровня. И все же оно знаменовало прогресс!" [Там же, с.423].

Особое значение для профессиональной подготовки историков Л.П.Калуцкая придавала курсу историографии. Он создавался Любовью Павловной в начале 50-х годов, когда советские медиэвисты делали лишь первые шаги на пути создания обобщающих историографических исследований. Да и в настоящее время, несмотря на наличие перво-классных историографических трудов Е.А.Косминского, Е.В.Гутиной, С.Л.Вайнштейна, работ исследователей тмсской школы историографии и методологии, курс историографии средних веков преподается лишь в немногих вузах страны. Высокий уровень курса историографии, средних веков, читавшегося Л.П.Калуцкой не только в Харьковском, но и в Донецком университете, базировался на превосходном знании ею фактического материала средневековой истории и источников, философских идей нового и новейшего времени, последовательной объективной оценке отдельных ученых, школ и направлений.

Глубокое содержание научных работ Л.П.Калуцкой, ее страстная увлеченность своим предметом, широчайшая эрудиция, яркая и образная манера изложения оставили неизгладимый след в памяти ее коллег и многих поколений студентов.

Список литературы: 1. К а л у ц к а я Л.П. Политические идеи кардинала Ришелье: Дис. ... канд.ист.наук. Х., 1961. 2. Л ю б л и н с к а я А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982. 3. К а л у ц ь к а Л.П. Вивчення проблеми західноєвропейського абсолютизму ХVІ - першої половини ХVІІІ ст. радянськими істориками //Уч.зап.Харк.держ.ун-ту. 1967. Т.89. 4. Е т е ж е. Франко-польские отношения в 50-60-х годах ХVІІІ века //К вопросу о международных отношениях в Европе в период борьбы украинского народа за воссоединение Украины с Россией//Учен.зап.Харьк.ун-та. 1962. Т.129. 5. К а л у ц ь к а Л.П., Ф р і з м а н Г.В. З історії радянської медієвістики //М.М.Панкель//Вісн.Харк.ун-ту. 1966. № 17. 6. І х ж е. Академік В.П.Бузескул - історик середніх віків //Вісн. Харк.ун-ту. 1967. № 22. 7. І х ж е. Біля джерел української медієвістики. Олександр Якович Киятев /1899-1944/ //Питання історії народів

СРСР. 1968. Вип. 7 8. К а л у ц ь к а Л.П. Беркут Леонід Ми-
 колайович //Радянська енциклопедія історії України. К., 1969. Т.І.
 9. К а л у ц ь к а Л.П., Ф р і з м а н Г.В. З історії радян-
 ської медієвістики /О.Л.Вайнштейн/ //Вісн.Харк.ун-ту. 1970. № 45.
 10. І х ж е. Громадянські війни у Франції другої половини
 ХУІ ст. в радянській історіографії //Вісн.Харк.ун-ту. 1978. № 167.
 11. К а л у ц ь к а Л.П. Новая концепция средневековой культуры
 в советской историографии /1960-1980 гг./ //Вестн.Харьк.ун-та.
 1983. № 238. 12. К а л у ц ь к а Л.П., Ф р і з м а н Г.В. Про
 медієвістику на Україні /1917-1936/ //Середні віки на Україні.
 К. 1973. Вип.2. 13. К а л у ц ь к а Л.П. Делкі зауваження
 до підручника "История средних веков" /Под ред.Сказкина С.Д.,
 Самойло А.С., Чистозвонова А.Н. М., 1957. Т.ІІ //Уч. зап. Харк.
 держ.ун-ту. 1957. Т.89. 14. К а л у ц к а я Л.П., М о л д
 а в с к а я М.А., Ф р и з м а н Г.В. Рец. на кн.: История
 средних веков. М., 1966. Т.І /Под ред.Сказкина С.Д., Гутновой Е.В.,
 Данилова А.И. и др. М., 1966; Т.2 /Под ред.Сказкина С.Д., Люблин-
 ской А.Д., Самойло А.С. и др. //Средние века. М., 1971. Вип.34.
 15. Б а т к и н Л.М., К а л у ц к а я Л.П. Культура Западной
 Европы //История средних веков. М., 1964.

Поступила в редколлегию 30.10.90

В.В.КРАВЧЕНКО, канд.іст.наук

А.О.СКАЛЬКОВСЬКИЙ ЯК ІСТОРИК ГАЙДАМАЧЧИН

Аполон Олександрович Скальковський /1808-1898/ - відомий ро-
 сійський історик, статистик, публіцист, який ще за життя зажив
 слави "Геродота Новоросії". Бібліографія праць А.О.Скальковсько-
 го налічує 276 назв, в тому числі вісім монографій [1], які міс-
 тять величезний фактичний матеріал з історії, статистики, історич-
 ної географії, демографії та економіки Південної України ХУІІІ -
 початку ХІХ ст. Людина великих здібностей і невсипушої працездат-
 ності, А.О.Скальковський займався також красним письменством,
 залишивши кілька історичних оповідань в романтичному дусі.

Наукова творчість дослідника викликала суперечливі оцінки. Його численні публікації принесли йому визнання і славу кращого знавця минулого південноукраїнського регіону, звання члена-кореспондента Петербурзької Академії наук, а також сприяли адміністративній кар'єрі А.О.Скальковського. В той же час реакція на них з боку романтичної української літератури та історичної науки /М.О.Максимовича, Т.Г.Шевченка, Д.І.Яворницького та ін./ була гостро негативною.

В другій половині XIX – на початку XX ст., в міру засвоєння російською історичною наукою позитивістських і народницько-популістських засад, інтерес до творчої спадщини А.О.Скальковського знижувався так, що численним публікація ювілейного та некрологічного характеру, які з'явилися в кінці XIX ст., відчутно бракувало глибини та інформативного матеріалу.

Перша спеціальна дослідницька публікація, присвячена А.О.Скальковському, з'явилася лише в 1925 р. в Чехословаччині; вона належала перу українського історика-емігранта В.В.Біднова [2]. Автор її узагальнив значний фактичний матеріал, присвячений життєвому і творчому шляху А.О.Скальковського, вказав на новизну праць ученого і наявні в них помилки, зазначив їх вплив на подальшу вітчизняну історіографію. На думку В.В.Біднова, А.О.Скальковський стояв на централістських, великодержавних позиціях стосовно української історії і нерідко тенденційно інтерпретував розшукані ним же джерела.

Новим і важливим для пізнання творчої особистості А.О.Скальковського стало дослідження польського літературознавця С.Пігоня з історії культурного життя Вільнюса початку XIX ст., в якому один з розділів – "Між Польшею та Росією" – містив цікаві дані про вплив польської культури на А.О.Скальковського в часи його студентської юності [3].

Що стосується радянської історіографії, то спеціальні дослідження про А.О.Скальковського з'являються в ній лише на початку 60-х років. Відомий знавець минулого Південної України С.Я.Боровой став першим радянським ученим, який дав змістовну характеристику історичним [4] та економічним [5] поглядам дослідника, ввівши в науковий обіг новий, в тому числі архівний матеріал і вказавши на суперечливість світогляду А.О.Скальковського, позитивні риси його творчої спадщини. Це було новим словом від-

носно людини, яка встигла на той час завоювати в радянській історіографії репутацію реакціонера [6].

Майже одночасно з С.Я.Воровим до вивчення біографії А.О.Скальковського звернувся С.С.Ланда, який, продовживши тему, намічену С.Пігоном, дослідив взаємовідносини історика з А.Міцкевичем та О.Пушкіним [7].

На жаль, в 70-80-х роках дальше вивчення життя і творчості А.О.Скальковського припинилося, що позбавляє нас необхідності проводити спеціальний аналіз історіографічної та історичної літератури цього часу. Досить вказати, що історичні погляди ученого класифікуються в ній, в основному як "буржуазно-дворянські", "фальсифікаторські", "реакційні" і т.п. [8].

Таким чином, можна зробити висновок, що творча діяльність, життєвий шлях і погляди А.О.Скальковського потребують дальшого дослідження з залученням нових джерел і творчих здобутків радянської і закордонної науки.

Аналізуючи наявну вітчизняну літературу, в якій згадується про А.О. Скальковського, можна помітити, що найгострішу негативну оцінку в ній викликають його роботи з історії гайдамацького руху на Україні. Інколи ця оцінка доволіно поширюється на всю творчість історика. Ця обставина певною мірою вплинула на наше рішення розпочати вивчення наукової спадщини А.О.Скальковського з його праць, присвячених гайдамаччині. В основу статті покладено опубліковані праці ученого та рецензії на них, дослідження і публікації російських, українських і польських авторів відповідної тематики, а також деякі матеріали з особистого архіву історика.

Перш ніж перейти до аналізу творчості А.О.Скальковського, необхідно звернути увагу на деякі особливості формування історичних поглядів дослідника. В радянській і польській науці уже вказувалося на вплив на нього польської культури, який відчувався протягом всього життя А.О.Скальковського. До цього можна додати, що в часи перебування у Віленському університеті майбутній учений відчував дію потужних імпульсів романтизму, захоплючись творчістю А.Міцкевича, пізніше - В.Скотта і роблячи перші власні спроби в літературі. Одночасно як мав можливість ознайомитися з перелогом для свого часу методологією історії, слухаючи і уважно конспектуючи лекції Й.Лелевеля з методології і методики історичної науки [9].

Спеціальної українознавчої підготовки А.О.Скальковський не мав. В молодості його цікавила передусім історія середньовічної Європи, якою він продовжував займатися в перші роки після переїзду в Одесу в 1828 р. Лише згодом, під впливом свого університетського товариша М.Кир'якова, херсонського поміщика, А.О.Скальковський звернувся на початку 30-х років XIX ст. до вивчення минулого Південної України – теми, яка відтоді стала основою в його творчості [10–11].

Історія гайдамачини потрапила в поле зору дослідника в кінці 30-х – на початку 40-х років XIX ст. під час його роботи над архівом Запорізької Січі. Зацікавившись цією темою, А.О.Скальковський видав в 1845 р. першу в історичній науці монографію, присвячену гайдамацькому рухові – "Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст." [12]. Пізніше історик не залишав названої проблеми, розширюючи фактичний матеріал про гайдамаків при чергових перевиданнях своєї праці з історії Нової Січі [13] і присвячуючи їй спеціальні археологічні публікації [14]. Незважаючи на свою нечисленність, вказані роботи важливі як з точки зору вивчення історичних поглядів ученого, так і в плані аналізу розвитку історіографії історії України в XIX ст.

В той час, коли А.О.Скальковський приступав до вивчення історії гайдамацького руху, її наукова розробка тільки починалася. Свої уявлення про гайдамаків освічене суспільство черпало, в основному, з художньої літератури романтичного напрямку, в якій запорожці ототожнювалися з гайдамаками і наділялися рисами благородних розбійників.

Найбільшу популярність гайдамацька тематика здобула в польській літературі [20; 23], де вона розглядалася крізь призму Коліївщини – козацько-селянського повстання на Правобережній Україні 1768 р. Цій темі було присвячено десятки назв, що включали вірші, поеми, романи і драми. При цьому можна зауважити, що після поразки польського повстання 1831 р. ставлення більшості польських письменників до гайдамацького руху формувалося під впливом спогадів шляхетських очевидців Коліївщини, які з кінця 30-х років XIX ст. буквально заповнили історичні періодичних видань, збірників, спеціальних видань [16]. Рух гайдамаків в творах більшості польських письменників зображувався як бунт темної маси злочинців, розпалених фанатизмом православ-

ного духовенства або як шалений вир близької до природної стихії. Але романтична традиція виділяла з цієї маси благородних одинаків чи то у вигляді шляхти, чи то їх вірних слуг, благородство яких проявлялося в кульмінаційні моменти битви чи різанини.

Дещо іншу долю гайдамацька тема мала в російській та українській літературах. Пройшовши шлях від зображення запорожців у вигляді романтичних розбійників /К.Рилєєв, О.Сомов, Л.Боровиковський/ до певного протиставлення "благородних" запорожців "розбійникам"-гайдамакам в першій половині 30-х років XIX ст. в публікаціях Г.Квітки, І.Срезневського, М.Максимовича, українська історико-літературна традиція з кінця 30-х років XIX ст. перейшла до "реабілітації" гайдамаків, поширеної І.Срезневським на XVI-XVII ст. [17], а М.О.Максимовичем та М.Маркевичем - і на XVIII ст. [18; 24]. А вже на початку 40-х років XIX ст. Коліївщина як кульмінація гайдамацького руху була освячена генієм Т.Шевченка і зробилася важливою частиною міфологізованої національної концепції історії українського народу. Таким чином, в цей час українська літературна традиція зображення і осмислення гайдамацького руху різко розійшлася з сучасною їй польською. В значній мірі до цього спричинився і той факт, що ґрунтувалися вони на джерелах, які походили з прямих протилежних національних, соціально-класових і релігійних таборів: твори українських істориків і письменників - на українському фольклорі, праці польських - на шляхетських мемуарах.

На фоні всього сказаного буде легше пояснити досягнення і прорахунки А.О.Скальковського в його "Наездах гайдамаков на Западную Украину".

Глибока суперечливість цієї роботи була закладена автором з самого початку дослідження в тій меті, яку він поставив перед собою. З одного боку, історик зробив спробу з'ясувати, хто ж насправді були ті "неразгаданные доселе сухопутные пираты" [12, с.5], які відомі під іменем гайдамаків, тобто в даному випадку учений керувався науково-пізнавальними мотивами. З другого боку, він виходив з необхідності "змити пляму гайдамаччини" з свого улюбленого Запоріжжя, тобто підходив до джерел з уже виробленою, апріорно сформульованою схемою, яка до того ж несла на собі відбиток романтичної літературної традиції. Звідси постійні хитання А.О.Скальковського між науковою об'єктивністю і особистими симпатіями, які породжували численні невідповідності, взаємовиключаючі твердження і фактичні помилки, якими наповнені "Наезды гайда-

маков..." Як влучно зауважив М.О.Максимович, в цій роботі "об од-
ном и том же как будто говорят два разные голоса, иногда сливаю-
щиеся в обобщный отзыв..." [ІІ, с.573].

Як учений, А.О.Скальковский став першим істориком, що зро-
бив спробу підвести під вивчення історії гайдамацького руху до-
кументальний фундамент. Для цього він систематизував більшість
наявних на той час спогадів польських очевидців подій 1768 р.
на Україні, відомих йому не тільки в публікаціях, а й в списках
завдяки допомозі його польських друзів - М.Грабовського, Ю.Кра-
шевського та деяких інших. Шляхетські мемуари історик доповнив
аналогічними документами єврейського походження.

Не задовольняючись цим, А.О.Скальковский здійснив археогра-
фічну подорож по Правобережній Україні, де йому було надано мож-
ливість ознайомитися з архівами польських поміщиків - учасників
повстання 1830-1831 рр., а також документами католицьких та уні-
атських монастирів [ІІ, 7843/ХІІІ, б.43]. Знайдені відомості
учений включив в свою монографію з історії гайдамащини. Слід
підкреслити, що абсолютна більшість документів, рукописів, які
потрапляли в руки дослідника, зображували повстання на Правобе-
режжі 1768 р. в різко негативному світлі.

Значну частину використаних ним фактів А.О.Скальковский по-
черпнув у виявленому ним архіві Коша Запорізької Січі. Це був
зовсім новий і невідомий до того часу вид джерел, який вперше
залучався до висвітлення названої теми і містив достовірні ві-
домості.

Поряд з документальними, письмовими джерелами А.О.Скальков-
ський використав також фольклорні - українські історичні піс-
ні та думи, відомі йому в надрукованих збірках М.Цертелєва,
М.Максимовича та І.Срезневського. При цьому автор віддавав пере-
вагу документальним, письмовим джерелам перед усними, фольклор-
ними без врахування національної чи класової природи як одних,
так і других. Ця обставина не могла не позначитися на загально-
му характері монографії. В даному випадку суперечливість мети,
яку поставив перед собою автор, знайшла своє продовження в су-
перечливості документальних та усних джерел, які дослідник так
і не зміг примирити між собою.

В цілому ж джерельна основа "Наездов гайдамаков..." була
набагато ширшою, ніж в роботах його нечисленних попередників,
в першу чергу завдяки архіву Запорізької Січі. Саме спираючись

на цей останній, А.О.Скальковський ввів у науковий обіг нові факти, що значно розширювали тогочасні уявлення про рух гайдамаків на Україні.

Так, історик вказав на окремі випадки, які свідчили про наявність виступів гайдамаків задовго до подій 1768 р. [12, с.56].

Намагаючись повніше зобразити історичний фон, на якому розгорталася козацько-селянське повстання 1768 р., А.О.Скальковський показав, що на східних кордонах Річі Посполитої практично не припинялася своєрідна війна між польською адміністрацією та Запоріжжям [12, с.32-60]. Об'єктивно це додавало до традиційних в тогочасній літературі першопричин повстання 1768 р. /релігійних переслідувань православного населення та Барської конфедерації/ і ще один чинник – постійну заангажованість Запоріжжя в справі Правобережної України.

В архіві Запорізької Січі А.О.Скальковський розшукав цікаві джерела, які містили достовірні відомості про елементи організації повстанців, їх озброєння, зовнішній вигляд [12, с.112-117]. Прагнучи реабілітувати запорожців від обвинувачень їх у гайдамацтві, історик навів факти про боротьбу січової адміністрації проти гайдамаків, яку вона вела спільно з російськими військами [12, с.38, 41, 58-59, 199; 13 /1-е вид., 1841 р./, с.286-287]. Разом з тим, всупереч своїй же концепції, А.О.Скальковський вказав і на ті факти, які свідчили про участь запорожців в гайдамацькому русі, в тому числі і повстанні 1768 р. [12, с.70, 127, 143; 13 /1-е вид., 1841 р./, с.284, 238-239].

Спираючись на архівні документи, А.О.Скальковський спростував одну з поширених літературних легенд про С.Чалого – реальну історичну особу першої половини ХУІІІ ст., діяльність якої в польській та українській літературі переносилася в кінець ХУІ або початок ХУІІІ ст. [19]. А.О.Скальковський, навівши нові відомості про життя і діяльність С.Чалого [12, с.46-49; 13 /2-е вид., 1846 р./, т.2, с.132-133], виправив цю помилку і першим встановив, що діяльність С.Чалого, як і народні пісні про нього слід датувати ХУІІІ ст. [12, с.169]. Ця обставина мала певне значення для створення істинної картини не тільки історії Запоріжжя, а й передумов повстання 1768 р. на Правобережній Україні проти польсько-шляхетського гноблення.

Таким чином, "Наезды гайдамак..." збагачували тогочасні уявлення про гайдамацький рух на Україні в першу чергу завдяки наведеним в них архівним джерелам. Але ці достоїнства роботи були побочним результатом історичного дослідження і не давали відповіді на поставлені її автором питання. Можна погодитися з М.О.Максимовичем, який вказував, що внесок А.О.Скальковського в дослідження проблеми міг би бути більшим, якби він просто надрукував виявлені ним документи [18, с.591]. Проте не слід забувати, що А.О.Скальковський був не тільки істориком, а й письменником, до того ж протягом всього свого життя перебував в сфері могутнього впливу польської романтичної літератури. Роботи А.О.Скальковського з історії України дають підстави говорити, що науковець в ньому нерідко поступався місцем літератору. "Наезды гайдамак...", зокрема, свідчать про глибокий вплив на їх автора польської романтичної літературної традиції в зображенні гайдамацького руху.

Так, подібно до своїх польських попередників і сучасників, А.О.Скальковський розглядав гайдамаків як темну крбу злочинців, чий шлях був вкритий пожежами і кров'ю [12, с.36 та ін.; Пор.: 20, с.70 та 21, с.372].

Образ ігумена Мотронинського монастиря Мелхіседека Значко Яворського в книзі А.О.Скальковського нагадує лиховісний образ релігійного фанатика, крука-ченця, зображеного польським письменником О.Грозю. Цікаво буде в цьому зв'язку зауважити, що А.О.Скальковському були відомі різні версії долі Мелхіседека [12, с.127], але з-поміж них він обрав ту, яка вкладалася в згаданий тут літературний образ і, згідно з законами жанру /зло мусить бути покаране!/, приписувала Мелхіседеку "справедливе" покарання з боку польської шляхти.

Подібно до свого попередника в зображенні гайдамачини і близького приятеля – польського письменника М.Грабовського, А.О.Скальковський в ідилічних тонах зображував життя населення Правобережної України під польсько-шляхетським управлінням на початку ХУІІІ ст. [Пор.: 12, с.143 і 21, с.363–364, 366, 378].

Нарешті, як і значна частина польських письменників, А.О.Скальковський був схильний пояснювати повстання 1768 р. на Правобережжі зовнішніми впливами, тільки в той час як польські автори вказували при цьому на Запорізьку Січ, А.О.Скальковський відсилав читача до якихось незрозумілих "втікачів з слов'янських земель" [12, с.14–15].

Сліди впливу польської романтичної літератури на роботу А.О.Скальковського можна помітити і в стилістиці самої монографії [12, с.31] і навіть в самій назві її. Проте не слід забувати, що основний фактичний матеріал історик запозичив не з художньої літератури, а з історичного джерела, яке А.О.Скальковський вважав найбільш достовірним і якому довірився повністю – записок В.Кребс, перекладених російською мовою лише в кінці 70-х років XIX ст. Фактично епізод взяття повстанцям м.Умані, який історик поставив в центр своєї роботи, майже повністю ґрунтується на спогадах В.Кребс і наповнений тими ж фактичними неточностями.

Вказуючи на залежність А.О.Скальковського від польської художньої літератури і джерел про гайдамачину, треба вказати також, що і тут він не був компілятором.

Виходячи з засад романтичного світогляду з властивою йому колізією добра і зла, А.О.Скальковський не прийняв ні характерного для польської і частини російської та української літератур протиставлення благородних гайдамаків-одинаків жорстким злочинцям, ні оспіваного Т.Г.Шевченком конфлікту романтизованих гайдамаків з шляхтою. Історик розширив сформульовану своїми попередниками антитезу – протиставлення лицарів-запорожців злочинцям-гайдамакам. Завдяки цій схемі образ гайдамачини у А.О.Скальковського виявився "зниженим" навіть в більшій мірі, ніж в польській романтичній літературі. Він просто відмовляється бачити серед гайдамаків людей, що здійснювали б благородні вчинки, відкидаючи навіть окремі свідчення В.Кребс, картаючи в рівній мірі і ватажків повстання 1768 р., і рядових його учасників. Цілком зрозуміло, що така позиція автора суперечила традиціям як польської, так і нової української літератури. Цим в якійсь мірі пояснюється той вибух пристрастей навколо "Наездов нагайдамак..", який був викликаний її публікацією.

Пристрасно-полемічна оцінка роботи Т.Г.Шевченка [25], блискучий науковий аналіз її М.О.Максимовича [18], негативні відгуки в польській періодиці [22] засвідчили цілковиту невдачу А.О.Скальковського у висвітленні ним історії гайдамацького руху на Україні. Очевидно, це знеохотило його до дальших досліджень в цьому напрямку. Лише зголом, через сорок років після своїх "Наездов..." він знову звернувся до історії гайдамачини, надрукувавши кілька документів, присвячених цій події [14] і торкнув-

пись ІІ при черговому перевиданні "Истории Новой Сечи" [І7 /3-те вид., 1885 р./, т.І, с.ХІ].

Названі публікації показують, що, не відмовившись від своєї загальної негативної оцінки гайдамаччини, А.О.Скальковський переглянув свої колишні погляди в значній мірі. Так, історик відмовився від односторонньої орієнтації на польські джерела у висвітленні подій 1768 р. і визнав сумнівну достовірність останніх. Аналізуючи причини гайдамаччини, А.О.Скальковський звернув увагу на їх об'єктивний характер і в зв'язку з цим визнав народний характер повстання [І4, с.310]. Цікаво, що в публікаціях 80-х років ХІХ ст. А.О.Скальковський засудив участь царських військ в придушенні повстання 1768 р., аказавши при цьому на спільність інтересів царського уряду і польської шляхти [І4, с.314-315]. Нарешті, учений відмовився від своєї попередньої трактовки діяльності Мелхиседека Значко-Яворського, визнавши свої фактичні помилки і взявши на цей раз під захист цього "поборника православ"я в західній Україні" [І7 /3-те вид., 1885 р./, т.І, с.ХІ]. Таким чином, А.О.Скальковський проробив досить помітну еволюцію в своєму розумінні гайдамацького руху на Україні, повстання 1768 р. Але переробити свою основну роботу на цю тему - монографію "Наезды гайдамаков на Западную Украину в ХУІІІ ст." він не спромігся.

Сказане вище дає нам підстави для висновку про те, що, попри свою суперечливість, численні помилки фактичного і методологічного характеру дослідження А.О.Скальковського були кроком вперед у вивченні історії гайдамацького руху на Україні не тільки завдяки новому фактичному матеріалу, а й в напрямку деміфологізації історії, звільнення її від фольклорного літературного суб'єктивізму. Роботи А.О.Скальковського започаткували бурхливу і тривалу дискусію стосовно місця гайдамаччини в історії українського народу. Наслідком цієї дискусії, в якій виступили, з одного боку, сам автор, а також П.Куліш, Д.Мордовцев, з другого - Т.Г.Шевченко, М.О.Максимович, М.І.Костомаров - була рецепція гайдамаччини українською суспільно-політичною і історичною думкою другої половини ХІХ - початку ХХ ст., активізація наукових досліджень цієї теми.

Матеріал, наведений в даній статті, дозволяє заперечити поширену в радянській історіографії думку про реакційний характер історичних поглядів А.О.Скальковського стосовно гайдамаччини

і розглядати їх у повному обсязі, в їх еволюції і глибокій суперечливості. Ця суперечливість була викликана не тільки суб'єктивними установками автора, а й знаходить своє пояснення в об'єктивних труднощах становлення історичної науки, зокрема джерелознавства, поширеними в науковому суспільстві стереотипами. Сприймаючи деякі з них і відкидаючи інші, А.О.Скальковський виходив з загальнолидських позицій, засуджуючи релігійний фанатизм, егоїзм і користолюбство, варварство як з боку польської шляхти [12, с.65], так і з боку українських повстанців. Розцінюючи ХІІІ ст. як "епоху злочинів", "нешасну, злополучну епоху" [12, с.98, 137, 141], історик дотримувався просвітительських поглядів, гуманістичній сутності яких залишився вірним і пізніше.

- Список літератури: 1. С л а в я н о в е д е н и е в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С.307. 2. Б і д н о в В. Аполон Скальковский, як історик Степової України //Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі, присвячений панові президентові Чеськословенської республіки проф. др. Т.Г.Масарикові для вшанування 75-тих роковин його народження. Прага, 1925. Ч.І. С.291-356. 3. *P i g o Ń S. Z dawnego Wilna. Szkice obyczajowe: literackie. Wilno, 1929. S. 115 - 123.* 4. Б о р о в о й С.Я. А.А.Скальковский и его работы по истории Южной Украины //Зап.Одесск.археол. о-ва. Т.І /34/. Одесса, 1960. С.175-186. 5. З і с т о р і ю економічної думки на Україні. К., 1965. 6. М а р ч е н к о М.І. Українська історіографія /з давніх часів до середини ХІХ ст./. К., 1959. С.179-182. 7. Л а н д а С.С. Пушкин и Мицкевич в воспоминаниях А.А.Скальковского //Пушкин и его время: Исслед. и материалы. Вып.І. Л., 1962. С.274-280. 8. К о в а л е н к о Л.А. Історіографія історії Української РСР від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. К., 1983. С.60. 9. А р х и в Ленингр. отд-ния ин-та истории АН СССР. Ф.200, оп.І, ед.хр.30, л.61-92. 10. *М. Gr[abowski]. Historyczny obraz miasta Odessy. Według pana Skalkowskiego//Athenaeum. 1843 i 2 s. 136.* 11. Отдел рукописей Ин-та русской лит. АН СССР. 7696/XLYI, 6.71. 12. С к а л ь к о в с к и й А.А. Навзды гайдамак на Западную Украину. 1733-1768. Одесса, 1845. 13. С к а л ь к о в с к и й А.А. Исто-

рия Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. I-е изд. Одесса, 1841; 2-е изд. Одесса, 1846. 14. Скальковский А.А. Несколько документов из истории гайдамачины // Киев. старина, 1885. № 10. 15. Киевская старина. 1896. № 11. С. 218-308. 16. Иваницкий С.Ф. Польские мемуары о крестьянском восстании 1768 г. // Учен. зап. ЛПН им. А.И. Герцена. Т. II. Ф-т ист. наук. Л., 1938. С. 129-157; Шпитковський І. Мемуари з історії гайдамацького руху на Україні // Архіви України. 1965. № 5. С. 77-80. 17. Срезневский И. Козаки-гайдамаки уніатської війни. 1595-1654 // Очерки России. М., 1840. Кн. 2. С. 121-138. 18. Максимович М. Избр. соч. К., 1876. Т. I. С. 623-653; 19. Рихлик Б. Сава Чалий і Сава Цалинський у польській літературі // Зб. заходознавства. К., 1929. С. 66-98. 20. Гнатюк В. Попередник Шевченкових "Гайдамаків"... // Черв. шлях. 1928. № 3. 21. Тарша Э. Колишчина и стени // Москвитянин. 1842. № 4. С. 357-394. 22. *Tygodnik petersburski, 15/27 czerwca, 1845.* 23. Щурат В. Колишчина в польській літературі до 1841 р. Львів, 1910. 24. Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. 2. С. 655-672. 25. Шевченко Т.Г. Кобзар. К., 1970. С. 247.

Надійшла до редколегії 25.10.90

С.И.ЛИМАН

ХАРЬКОВСКИЙ ПЕРИОД НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А.Л.ПОГОДИНА

Профессор Харьковского университета Александр Львович Погодин (1872-1947) являлся одним из видных представителей русского славяноведения начала XX в. Однако его научное творчество до сих пор не получило достаточно полной разработки в историографической литературе. Если труды ученого, созданные в годы его работы в Варшавском университете, кратко рассматривались в общих трудах по истории исторической науки в СССР [20, с. 271-272; 21; 22, с. 41], то харьковский период научной деятельности профессора еще не

стал предметом специального историографического исследования. Привлечение целого ряда новых источников, в частности разнообразных курсов лекций А.Л.Погодина, позволяет существенно расширить источниковедческий аспект освещаемой проблемы и тем самым более обоснованно определить вклад ученого в отечественное славяноведение, внесенный им в период работы в Харькове.

Выпускник (1894) и приват-доцент Петербургского, экстраординарный (1902) и ординарный (1906) профессор Варшавского университета А.Л.Погодин как историк-славист сформировался еще до того, как занял в 1910 г. кафедру славяноведения в Харьковском университете, задатив магистерскую – "Из истории славянских передвижений" (1901) и докторскую – "Следы корней – основ в славянских языках" (1904) диссертации. Тогда же были опубликованы два крупнейших труда ученого по истории зарубежных славянских стран – "История Сербии" (1909) и "История Болгарии" (1910). По своим воззрениям А.Л.Погодин был либералом. Еще в варшавский период его научной деятельности усилия ученого были направлены на организацию польского университета и предоставлении Польше автономии. С переездом в 1910 г. в Харьков общественно-политические взгляды А.Л.Погодина не претерпели серьезных изменений. Свое пребывание в центре Слободской Украины профессор начал с ряда статей, появившихся осенью того же года в местной газете "Южный край", в которых указывал на необходимость примирить в России национальные распри, разрешить "...и польский, и украинский, и литовский и все другие национальные вопросы" [17], настаивая на политике уважения к "инородцам" [18], на необходимости "государственной точки зрения, стоящей выше национализма" [18].

Десятилетняя (1910-1919) творческая деятельность А.Л.Погодина в Харькове протекала в сложных и противоречивых условиях предвоенных и военных лет, революции и гражданской войны, что, естественно, не могло не сказаться на его научно-педагогических занятиях.

Деятельность А.Л.Погодина в Харькове не ограничивалась стенами Харьковского университета. В течение ряда лет ученый читал лекции на Харьковских высших женских курсах. Тематика его лекций по истории западно-европейских литератур выходила при этом за рамки традиционного увлечения славистикой. В целом же в научном наследии ученого в рассматриваемый период можно выделить

несколько объектов исследования. Среди них — славянские древности, история западно-славянских и южно-славянских литератур, обобщающий труд по славянской истории от древности до современности, история польского народа в XIX столетии.

В области изучения древнейшей истории славян ученый оставил весьма заметный след. При обилии исследований, посвященных данной тематике, "Славянские древности" А.Л.Погодина важны прежде всего как лекции обобщающего характера, по существу подводившие итоги всего сделанного отечественной историографией в этой области.

Характерной чертой его исследований было явное преувеличение лингвистических данных в ущерб археологическим. Вместе с тем в современном ему славяноведении историки-слависты все больше опирались на данные археологии, огромное значение которых в общем-то признавал и сам А.Л.Погодин [19, с.5].

Ученый с сомнением относился к весьма распространенной тогда в историографии точке зрения о том, что индоевропейские племена являются высшей расой. Более того, по его мнению "...антропологически целого арийца не представляли" [19, с.9]. Тем самым А.Л.Погодин отверг известную теорию Габинао о будто бы особом физическом складе индоевропейцев.

В отличие от большинства русских и зарубежных славистов, называвших в качестве родины славян территорию Прикарпатья, Повисленья, А.Л.Погодин в своих "Славянских древностях" указал вслед за Л.Нидерле на более широкую область расселения раннеславянских племен в Европе, доводя его восточные границы до Днепра.

Остановившись на "гунно-славянской" проблеме, суть которой сводилась к утверждению славянского происхождения гуннов, А.Л.Погодин признал ее ненаучной. Тем самым была отвергнута теория, наиболее известным сторонником которой являлся Д.И.Иловайский.

А.Л.Погодин не разделял убеждений славянофилов [16]. Однако полностью преодолеть влияние их концепций ученому все же не удалось. Так, главное содержание истории западных славян в VI-VII вв. он усматривает в духе славянофильской доктрины, в ожесточенной борьбе германских и славянских племен, которая являлась, по его мнению, не просто столкновением двух различных этнических групп, а борьбой двух стихий, двух миров, двух начал.

Более того, в ряде публицистических статей, вышедших в местной харьковской прессе, ученый проявил себя непримиримым противником германизма [10].

В своих лекциях по истории польской литературы [12; 14], а также в первом вышедшем на русском языке двухтомном труде о творчестве великого польского поэта Адама Мицкевича [8], А.Л.Погодин рассматривает процесс развития литературы в Польше в тесной взаимосвязи с историей польского народа. Такой подход автора встретил положительную оценку критики [5, с.303].

Касаясь проблем истории средневековой Польши, первостепенное значение Л.А.Погодин уделял географическому фактору. Последовательно, в духе Монтескье, проводя идеи географического детерминизма, ученый указал на решающее влияние географии на ход самых различных общественных, политических и культурных процессов. При этом он, к сожалению, преувеличивает их значение, объясняя, в частности, влиянием географической среды и децентрализацию Польши [12, с.2], и необходимость иметь постоянное войско, состоящее из шляхты [12, с.3], и медленное проникновение в Польшу культурных идей [14, с.2-3], и распространение здесь католицизма [12, с.6].

Историю падения польского государства А.Л.Погодин предлагал отнести ко времени не позднее XVI в. По мнению ученого, "... судьба Польши сложилась так, что ее объединение было невозможным" [12, с.6]. Тем самым он по существу доказывал мысль о неизбежности крушения Польши как самостоятельного государства и подпадения ее под власть более могущественных соседей, в том числе и России. Такой итог ученый объяснил главным образом причинами политического свойства, как, например, заключение в 1569 г. Люблинской унии. При этом не учитывается тупиковый характер кризиса всей феодально-крепостнической системы Речи Посполитой.

На страницах лекций по истории польской литературы А.Л.Погодин предпринял попытку разобраться в сущности польской Реформации. Высказав в согласии с Н.Любовичем [4, с.1-2] мысль о том, что реформация в Польше возникла на почве "экономических отношений", историк вместе с тем дал ей весьма негативную оценку. "Реформационное движение, — указывал он, — охватив собой почти все польское общество XVI в., пагубно повлияло на Польшу: оно на... продолжительное время остановило действие государственной машины... Среди умственного брожения, среди хаоса разнообразных учений гибнут зачатки прочности, положенные в основание государ-

ственного быта в конце XV и начале XVI вв." [12, с.82]. Вызывает сомнение мысль А.Л.Погодина о широкой социальной опоре польской Реформации. Специалисты по этой проблеме - Н.Кареев, Н.Любович, а также В.Бузескул убедительно обосновывали положение о том, что в реформационном движении участвовала повсеместно одна шляхта, и идеи Реформации практически не затронули других социальных слоев [3]. В.П.Бузескул вообще отрицал ее распространение среди народных масс [1, с.10]. Наряду с этим, рассматривая польскую историю и культуру в тесной взаимосвязи, А.Л.Погодин указывал на то, что расцвет польско-латинской поэзии в XVI в. был немислим "вне того реформационного движения, которое охватило все умы в польском обществе" [14, с.208]. Однако убедительной аргументации своего понимания характера польской реформации ученому привести не удалось.

Наиболее значительным исследованием А.Л.Погодина в области полонистики в харьковский период его научно-педагогической деятельности стала работа "История польского народа в XIX веке", значение которой признавалось и в советской исторической науке [6, с.504]. Нам уже известно, что А.Л.Погодин не разделял воззрений славянофильской школы, характерной чертой которой было уничижительное отношение к польскому народу и польской истории. В рассматриваемом сочинении ученый подтвердил это еще раз.

Главной целью исследования было желание историка выяснить причины, приведшие к восстаниям 1830-1831 гг. и 1863-1864 гг. Несомненной заслугой А.Л.Погодина как ученого является утверждение о закономерном характере этих народных выступлений. Причины таковых автор усматривал в политике царского правительства, не считавшегося с Конституцией, дарованной Царству Польскому в 1815 г. [11, с.94].

Нельзя, однако, не обратить внимания на существенную разницу во взглядах А.Л.Погодина на причины восстания, с одной стороны, и на их сущность и последствия - с другой. Отношение ученого к вооруженной борьбе поляков, особенно в 1863-1864 гг. было весьма отрицательным. Признав, что экономическая и политическая жизнь Царства Польского не могла развиваться нормально вследствие великодержавной политики самодержавия, А.Л.Погодин вместе с тем приходит к выводу о пагубности восстания, проявившейся хотя бы в том, что вооруженное выступление вызвало политику русификаторства [11, с.205]. Он приветствует господствовавшее в польском

обществе в 70-е гг. и позднее взгляды на "повстанческие мечты как на егедный романтизм". Симпатии ученого вызывает тот факт, что "несчастные заговоры, печальные искания сменила организация плотворного труда в борьбе за лучшее будущее польского народа" [II, с.199]. Тем самым А.Л.Погодин призывал царское правительство избрать в качестве политики в польском вопросе путь либеральных реформ.

Определяя движущие силы двух польских восстаний, ученый верно оттеняет их узоклассовый, дворянский характер, в результате чего, по его мнению, в вооруженных выступлениях широкие народные массы участия не приняли.

Однако, сделав полонистику главным объектом своей научно-исследовательской деятельности и настаивая на более гибкой политике правительства в отношении национальных окраин России и прежде всего Польши, А.Л.Погодин не шел дальше призывов к автономии этих окраин в рамках Российской империи. Что же касается разделения Польши и утраты ею национальной независимости, то этот процесс, по мнению ученого, был исторически обусловлен [8, с.16], несмотря на то, что разделы Польши ничего кроме осуждения у А.Л.Погодина не вызывали. В рассматриваемый период исследователь не ограничивался лишь областью полонистики. Определенное место в своем творчестве он уделил также истории и литературе сербов и болгар. Два недостаточно обоснованных ключевых момента составляют краеугольный камень всего курса лекций А.Л.Погодина по указанной проблеме: во-первых, утверждение о пагубности для славянских народов раннего введения национальной церкви; во-вторых, вывод о том, что ввиду подавляющего влияния на Болгарию со стороны Византии первая не выработала своей национальной культуры.

Для обоснования тезиса о том, что богослужение на народном языке мало благоприятствовало развитию письменности и литературы у южных славян, А.Л.Погодин развивает целую теорию, призванную показать, насколько полезной для католических народов стала мертвая латынь, которая, по его мнению, позволила образованному классу воспринять все богатство античной культуры [15, с.3]. "Латинская образованность, — указывал историк, — оказалась хорошей почвой для национального просвещения; для этого достаточно помнить о Гусе у чехов. Этого не находим у народов православных" [15, с.3]. Бедность средневековой болгарской и сербской литера-

туры ученый усматривал в том, что "все народы, принявшие христианство от Византии, были сильно ослаблены этим в своем развитии" [15, с.48]. Раннее введение у славянских народов национальной церкви, по его мнению, "явилось большим тормозом в делах духовного развития этих народов, так как оно преградило путь широкому воздействию на них античных цивилизаций" [15, с.48]. Антивизантизм подобного рода сильно обличал А.Л.Погодина с его предшественником по кафедре славяноведения в Харьковском университете, известным болгарским и русским славистом М.С.Дриновым. Односторонность подобных заключений очевидна. Можно согласиться с его утверждениями о том, что латинская образованность сыграла основную роль в передаче средневекового античного наследия, но вместе с тем ученый в данном случае недооценивает и значения общеславянской письменности в формировании культуры славянских народов православного обряда.

Перу А.Л.Погодина принадлежит и первый в отечественной историографии обобщающий очерк по истории славянских народов. Спустя полвека исследователь сумел осуществить то, что не удалось в свое время известному русскому слависту А.Ф.Гильфердингу. Однако по существу одним лишь этим фактом и исчерпывалось значение данного труда. Было бы большим преувеличением утверждать, будто очерк харьковского профессора существенно обогатил отечественное славяноведение. Очень сжатый и фрагментарный труд А.Л.Погодина представлял собой характеристику лишь внешней политической истории славян, почти не затрагивая явлений социально-экономических и культурных. Все это вместе взятое обусловило неодобрительный тон критики [2, с.17-18; 7, с.20]. Нельзя не отметить, что на духе и букве "Краткого очерка" сказались и события бушевавшей мировой войны. По крайней мере, роль России в этой войне ученый оценивал односторонне, полагая лишь, что она "выступила на борьбу за свободу славянских народов против обезумевшего германского милитаризма" и "на знамени своем русская армия написала лозунг освобождения и объединения славян" [13, с.7-8].

Наиболее удачным разделом "Краткого очерка истории славян" являлась глава, посвященная истории польского народа. И хотя А.Л.Погодин не внес сюда ничего нового и оригинального, не выдвинул какой-либо концепции исторического развития польского

государства, все же целый ряд его выводов, в частности рассуждения о причинах упадка Польши в XVI-XVIII вв., среди которых называются и экономическая деградация городов, представляют определенный интерес. Не разделяя полонофобских убеждений своего учителя В.И.Ламанского, А.Л.Погодин осветил историю Польши довольно объективно.

В качестве религиозного движения рассматривал А.Л.Погодин гусизм в Чехии, подчеркивая, однако, его народный характер. Ученый весьма настороженно подходил к оценке революционных событий гуситов, указывая на "мучительность и разрушительность гуситского движения и гуситских войн". Такая трактовка не исключала общей высокой оценки, которую дал этому движению историк. "Из гуситства, - писал он, - чехи вышли как чешский народ, уже навсегда обособившийся от германизма и сохранивший свое национальное сознание при самых неблагоприятных условиях" [13, с.72].

Наряду с исследованиями в области литературы и истории славянских народов А.Л.Погодин занимался и историей западно-европейских литератур. Данная тематика выходила за рамки традиционных научных интересов ученого. По собственному признанию А.Л.Погодина в основу его лекций были положены "новейшие труды Форена и Гальтера" [9, с.II]. Вполне очевидно, что подчиняя содержание курса лекций задаче освещения различных вопросов истории литературы, он рассматривал средневековые как определенную мировоззренческую, культурную ступень в истории человеческой цивилизации. Основой средневекового мирозерцания ученый считал непререкаемый авторитет церкви и страх воспротивиться этому авторитету. Вот почему, замечает А.Л.Погодин, "...когда начало рушиться средневековье, то причиной этому было падение авторитета церкви" [9, с.3]. Поставив церковь в центр культурной истории западно-европейского общества, в качестве его объединителя ученый называл латинский язык [9, с.5]. При этом недостаточно учитываются иные факторы, оказывавшие влияние на характер культурного развития в средневековую эпоху.

В 1919 г. завершилась научно-педагогическая деятельность А.Л.Погодина в Харьковском университете. Не разделяя идей Октябрьской революции, ученый эмигрировал в Югославию, где в течение длительного времени занимался преподавательской деятельностью и где нашел себе последний приют.

Научное наследие А.Л.Погодина харьковского периода, несомненно, представляет для науки определенный интерес. Являясь представителем либерально-прогрессивного крыла в отечественном славяноведении, А.Л.Погодин стремился дать в своих исторических и историко-филологических трудах объективную оценку развития зарубежных славян. Ему принадлежит первый в отечественной историографии обобщающий очерк по истории славянских народов, он первым внес научный вклад в разработку вопросов, связанных с историей польской литературы. Отвергая славянофильские догмы и выступая против политики имперского шовинизма, А.Л.Погодин настойчиво и последовательно проводил идеи автономии, настаивал на политике веротерпимости и уважения к нерусским народам.

Список литературы: 1. Бузескул В.П. Реформация и католическая реакция в Польше. Х., 1988. 2. Вознесенский С. Рецензия на "Краткий очерк истории славян" А.Погодина //Русская мысль. 1915. № 2. 3. Кареев Н. Очерк истории реформации и католической реакции в Польше. М., 1886. 4. Любович Н. История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитари. Варшава, 1883. 5. Марский В. Рецензия на книгу проф. А.Л.Погодина "Лекции по истории польской литературы" //Ист. вестн. 1914. № 1. 6. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т.Ш. 7. Пичета В.И. Рецензия на книгу А.Погодина "Краткий очерк истории славян" //Голос минувшего. 1916. № 10. 8. Погодин А.Л. Адам Мицкевич, его жизнь и творчество. М., 1912. 9. Его же. Записки по истории западноевропейских литератур в средние века. Х., 1916. 10. Его же. Зигзаги нашей внешней политики //Южный край. 1910. 9 окт. 11. Его же. История польского народа в XIX в. М., 1915. 12. Его же. История польской литературы. Х., 1911. 13. Его же. Краткий очерк истории славян. М., 1915. 14. Его же. Лекции по истории польской литературы. Ч.1. Х., 1913. 15. Его же. Лекции по славянским древностям. Х., 1910. 16. Его же. Наследство славянофилов //Южный край. 1910. 3 окт. 17. Его же. Немецкий натиск //Южный край. 1910. 14 окт. 18. Его же. Опять восточный вопрос //Южный край. 1910. 21 нояб. 19. Его же. Славянские древности. Х., 1910. 20. Славяноведение

в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979.
21. Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. 22. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1963.

Поступила в редколлегию 20.10.90

В.К.МИХЕЕВ, д-р ист.наук, В.В.КОЛОДА

НОВЫЕ НАХОДКИ ГОНЧАРНЫХ ПЕЧЕЙ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

Важное значение для изучения истории гончарного производства имеют гончарные печи, которые, как и сама продукция гончаров, отражают уровень развития этого вида хозяйственной деятельности. Несмотря на то что печи для обжига керамики обнаруживались неоднократно и известны на ряде памятников салтовской культуры VIII-X вв. в Доницко-Донском междуречье, в пределах Харьковщины сооружение этого назначения было найдено лишь однажды, в 1957 г., в Баренковском районе, о чем имеется упоминание Д.Т.Ворезовца [1, с.429]. За последние более чем 30 лет о гончарных печах на территории Харьковской области ничего не было известно, пока в 1990 г. Средневековая археологическая экспедиция Харьковского университета не обнаружила их на селище Роганина-П у с.Верхний Бишкин Первомайского района. Всего было исследовано две печи одинаковой двухкамерной конструкции: с топкой и обжигательной камерой над ней. Оба сооружения находились в площади одного раскопа на расстоянии 5 м друг от друга.

Печь № I (рис.1). Овальная в плане топочная камера, дно которой находилось на глубине 1,8 м от современной поверхности земли, была изготовлена в материковой глине. Ее размеры по длинной оси составляют 1,9 м, по короткой - 1,45 м. Под топки понижается от устья к задней стенке. Края пода плавно закругляются в стенки и переходят в плоский горизонтальный свод высотой 0,55 м. С юго-восточной стороны топочной камеры находилось отверстие - устье подчетыреугольной формы размером 0,6х0,5 м. Над псдом оно возвышалось на 0,22 м и переходило к нему плавно. К устью топочной камеры примыкала предпечная яма, предназначенная для ее обслуживания. В плане она имела грушевидную

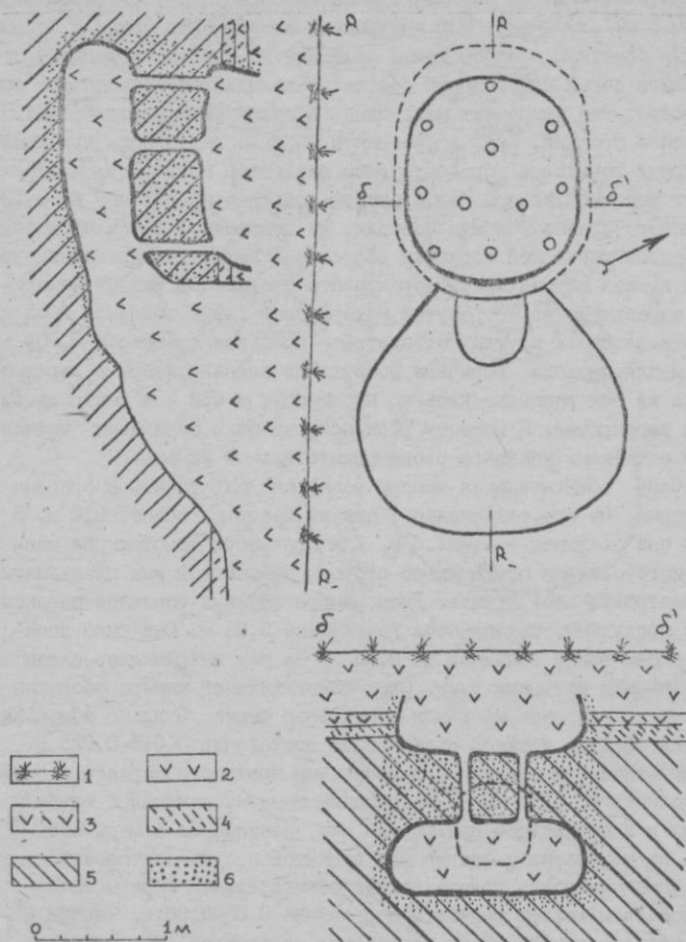

Рис. I. Гончарная печь № I с селища Роганина-П: (1 - дерн, 2 - гумус, 3 - погребенная почва, 4 - предматерик, 5 - материк, 6 - зона прокаленности грунта)

форму 2,0x1,75 м. Ко дну яма сужалась, образуя у устья небольшую (0,5–0,5 м) ступеньку. Вся внутренняя поверхность топки и ступенька были обмазаны слоем глины толщиной до 0,05 м, принявшей после обжига серый цвет. Куски обмазки заполняли внутритопочное пространство, где кроме них находились в значительном количестве древесные угольки, зола и фрагменты типично салтовских кухонных гончарных горшков с горизонтальным рифлением по тулову. Материк вокруг топочной камеры был прокален докрасна на глубину до 0,10 м. Заполнение предпечной ямы состояло из однородной смеси чернозема, фрагментов гончарной керамики салтовской культуры, древесных уголков и кусков печины красно-оранжевого цвета. Над топкой находилось перекрытие из нетронутой материковой глины толщиной 0,55 м. В нем имелось 11 круглых отверстий – продухов диаметром 0,10–0,12 м для прохода горячего воздуха из нижней камеры в верхнюю. Восемь из них располагались по периметру, а три – в центральной части перекрытия. К моменту раскопок они были заполнены черноземом и остатками упавшего свода обжигательной камеры.

Сама обжигательная камера размещена над топкой и врезана в материк. От нее сохранилась нижняя часть на высоту 0,4 м. В плане она овальная – 1,7x1,4 м. Для прочности конструкции мастера-изготовители оставили со стороны предпечной ямы пятнадцатисантиметровый слой грунта. Дном камере служило топочное перекрытие с продухами, находящееся на глубине 0,85 м. Оно было обмазано слоем глины толщиной до 0,03 м. На нем сохранились следы заглаживания пальцами руки. Свод обжигательной камеры сооружен на прутьном каркасе из глины с примесью песка. Судя по обломкам, толщина обмазки верхней части свода составляла 0,015–0,025 м. Обломки глиняной обмазки с отпечатками прутьного каркаса в большом количестве найдены в заполнении камеры, начиная с глубины 35 см, и в предпечной яме. Кроме них, заполнение камеры состояло из чернозема и фрагментов глиняной посуды салтовской культуры. Прокаленность грунта вокруг обжигательной камеры была меньшей, чем вокруг топки, и составляла 0,05–0,06 м. Точную высоту свода верхней камеры установить невозможно, но, очевидно, загрузочное отверстие обжигательной камеры находилось на поверхности земли и в таком случае эта высота была приблизительно равна 0,8–0,9 м.

П е ч ь № 2 (рис.2). Своим устьем печь была повернута несколько в сторону печи № 1. Общая высота сооружения определялась

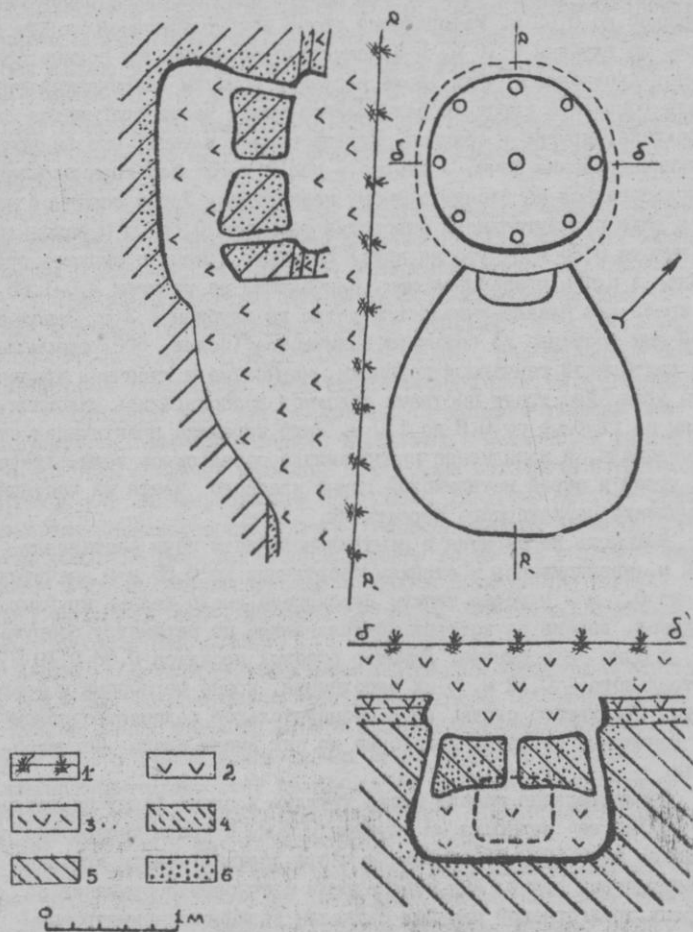

Рис. 2. Гончарная печь № 2 с селита Роганити-II

подом топочной камеры, который залегал на глубине 1,6 м. В плане топка была почти круглой 1,6х1,5 м. Ее сводчатый потолок имел максимальную высоту 0,45 м. Вся камера была обмазана слоем глины толщиной до 0,03 м. Материковый грунт вокруг топочной камеры прокален до глубины 0,10 м. В заполнявшем ее черноземе помимо фрагментов древесного угля, золы и кусков обмазки встречаются фрагменты гончарной керамики салтовского типа. Часть фрагментов сильно пережжена, другие — обычные. Первые попали в топку еще во время функционирования печи, а вторые — после того как горн перестал использоваться по своему прямому назначению. Устье топочной камеры в виде прямоугольного отверстия размером 0,6х0,5 м находилось на высоте 0,25 м от уровня пода. Вплотную к нему примыкала грушевидная в плане предпечная яма. Наибольшие ее размеры 2,0—1,85 м. От краев яма плавно сужалась к устью до глубины 1,3 м. Заполнение этой ямы состояло из большого количества (более 600) фрагментов салтовской гончарной керамики, чернозема и кусочков древесного угля. Две трети посудных обломков располагались сплошным слоем на глубине от 0,8 до 1,0 м. Ниже керамика практически отсутствовала, и заполнение представляло собой смесь золы, древесных углей и сырой материковой глины красного цвета из частично рухнувшего межкамерного перекрытия.

Мощность перекрытия в центральной части печи составляла 0,45 м, увеличиваясь к стенкам сооружения до 0,55 м и значительно, до 0,7 м — у устья топки. Перекрытие имело девять круглых продухов, восемь из которых располагались по периметру сооружения, а одно — в центре. Диаметр боковых продухов 0,08—0,10 м, центрального — 0,12 м. В их заполнении, кроме чернозема и фрагментов рухнувшего свода, есть незначительное количество обломков гончарных сосудов. Некоторые из них имели следы пережженности.

Обжигательная камера имела круглую в плане форму диаметром 1,3 м. Дно ее залегало на глубине 0,8 м. К краям камеры оно повышалось на 0,10—0,15 м. Нижняя часть верхней камеры врезана в материковый грунт. Для обеспечения прочности сооружения со стороны предгорновой ямы был оставлен двадцатисантиметровый слой нетронутого грунта. Стены и пол обжигательной камеры имели обмазку, аналогичную вышеописанной печи. Также сходна по форме и материалу изготовления верхняя несохранившаяся часть

свода. Его обломки в большом количестве найдены на дне камеры. Они же сплошным слоем лежали на глубине 0,20-0,25 м. Высота верхней камеры была меньшей, чем у печи № I, приблизительно на 10 см.

Для полноты характеристик печей для обжига керамики приведем неопубликованные данные Д.Т.Верезовца о случайно обнаруженной печи на селище у с.Жовтневое. Печь имела ширину топочной части 0,8 м и высоту 0,4 м. Между топочной и обжигательной камерой находилась перегородка толщиной 0,2-0,3 м с отверстиями-продухами диаметром 0,05-0,06 м. Ширина обжигательной камеры 0,8-0,85 м [2, л.16-17].

Аналогии описанным печам для обжига керамики широко известны на территории распространения салтовской культуры. Они зафиксированы на Архангельском городище, поселениях Ютановка, Столбище I, II, Подгаёвка, Рогалик Суворовское, в двух километрах от Саркела и возле его крепостных стен [3, с.83-86; 4, с.267-278; 5, с.60-69; 6, с.129; 7, с.331-334; 8, с.19]. Все гончарные печи салтовского Подонья, за исключением Саркельских (у крепостной стены), относятся к типу сооружений без подпирного столба. Они двухъярусные, с топочной камерой, врезанной в материк, и верхней сводчатой обжигательной камерой. Между ними находится перегородка с круглыми или прямоугольными продухами. Различия имеются лишь в размерах, количестве продухов и отдельных мелких деталях. Наибольшее сходство салтовские керамические горны без опорного столба имеют с двухкамерными печами Северного Кавказа [9, с.147, рис.61]. Подобные печи открыты в Болгарии, Югославии, Чехословакии, Германии [10, с.29-30].

Двухъярусные керамические печи салтовской культуры представляют развитый тип сооружений этого назначения. По существу эта конструкция печей дошла до нашего времени без существенных изменений [II, с.23]. В таких печах можно получать керамику нужной степени прокалинности, что зависело от размеров сооружения, длительности обжига, равномерности нагрева загрузочной камеры, качества топлива и других факторов.

Дополнительный интерес к описанным гончарным горнам вызывает то обстоятельство, что на селище Роганина-II кроме керамических печей обнаружены и горны для выплавки железа, расположенные в 200 м на северо-запад от первых. Это позволяет интерпретировать данный памятник как локальный ремесленный центр, где отдельные производства (черная металлургия и гончарство) существовали в рамках обширного хозяйственного комплекса.

Список литературы: 1. Березовец Д.Т. Салтовська культура //Археологія Української РСР. Т.3. К., 1975. 2. Архив Института археологии АН УССР. Д. № 309. 3. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. //Археологические открытия на новостройках. Вып.2. М., 1987. 4. Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // Сов.археология. 1976. № 3. 5. Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце //Крат.сообщ.Ин-та археологии. 1980. Вып.160. 6. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона //Материалы и исслед. по археологии СССР. 1958. № 62. 7. Ляпушкин И.И. Средневековое поселение близ ст.Суворовской //Материалы и исслед. по археологии СССР. 1958. № 62. 8. Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела //Материалы и исслед. по археологии СССР. 1959. № 75. 9. Команцева А.С. Гончарная печь в селении Дуба-Юрт //Крат.сообщ.Ин-та истории мат.культуры. 1959. Вып.74. 10. Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие. София, 1977. 11. Самарин Ю.А. Подольские гончары. М., 1929.

Поступила в редколлегию 28.10.90

Ю.В.БУЙНОВ, канд.ист.наук, А.С.КУЗЬМЕНКО

ТИПОЛОГИЯ КУХОННОЙ ПОСУДЫ БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ОПЫТ МНОГОМЕРНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В результате полевых исследований последних лет был накоплен значительный материал, относящийся к бондарихинской культуре. Самую массовую категорию вещевого комплекса поселений и могильников этой культуры составляет кухонная посуда, представленная главным образом лепными горшками. Последние из-за особенностей изготовления нередко имеют деформированное тулово и отличаются нестандартностью форм. Еще в начале 60-х гг. В.А.Ильинская обратила внимание на отсутствие среди горшков бондарихинской культуры резко обособленных типов и наличие ряда сосудов промежуточных форм [9, с.29]. Такая специфичность

лепной керамики чрезвычайно затрудняет ее исследование интуитивным методом и требует проведения формализованно-статистического анализа. Именно этой задаче посвящена предлагаемая статья.

В настоящее время существует несколько альтернативных методов статистической обработки керамики, целью которых является создание типологии сосудов [2, с.88-96; 5, с.114-135; 6, с.98-156; 7, с.23-38; 10, с.137-138, 149-150; 11, с.318-325; 13, с.656-660; 14, с.31-35; 15, с.33-78]. Основное различие между ними заключается в подходе к выбору списка признаков. В одних случаях для классификации используются только параметры сосудов (соотношения высот, диаметров и пр.), в других - только морфологические признаки. Но, по справедливому замечанию Ю.М.Лесмана, "априорное задание признаков и их однозначное определение нецелесообразно" [12, с.108]. В отдельных случаях типобразующими могут оказаться разные соотношения параметров, в том числе изначально не учтенные. В последующем анализе неточности в типобразовании связываются уже с применением различных по возможностям математических подходов. Не все существующие методики обладают статистическими критериями проверки качества полученного разбиения и не всегда позволяют определить степень информативности выбранных признаков.

Более эффективными оказались методики, ориентированные на применение ЭВМ и используемые в качестве анализируемых переменных сочетания соотношений параметров сосудов с их морфологическими признаками. К таковым следует отнести анализ керамики срубной культуры Нижнего Подонья, проведенный Д.В.Леопик и П.Г.Дервизом [7, с.23-38], типологию керамики срубной культуры из районов Западного Предкавказья, выполненную И.А.Сорокиной [15, с.48-59], а также автоматическую классификацию сосудов городища Хильбук XI в.н.э., осуществленную В.В.Радилюловским и Ф.А.Шакуровым [13, с.656-660]. Несмотря на различие в выборе математических методов, этим авторам удалось не только создать убедительную типологию, но в ряде случаев определить и критерии сходства между выделенными типами сосудов. Одновременное морфологическое и параметрическое исследование керамики позволило им внести в разработанную типологию некоторые существенные коррективы и уточнения.

С точки зрения информативности особенно удачной является

ся система признаков, предложенная В.В.Радилюковским и Ф.А.Шакуровым. Как известно, в качестве анализируемых переменных ими были использованы ординаты точек полуконтура формы сосуда, расположенного в верхней полуплоскости прямоугольной системы координат. Значения ординат снимаются с графических изображений усредненных по высоте полуконтуров сосудов в равностоящих точках. Количество таких точек выбирается в результате визуального анализа всей совокупности сосудов с такой точностью, с которой отрезок прямой, соединяющий две соседние ординаты, аппроксимирует элемент контура.

Взяв за основу указанные общие принципы классификации керамики и систему признаков, авторы настоящей статьи в качестве программного обеспечения использовали пакет анализа данных [4, с.43-47]. Предметная область этого пакета, т.е. совокупность содержательных методов анализа, конкретизирована и апробирована нами на примере классификации кубков позднего бронзового, предскифского и раннескифского периодов юга Восточной Европы [3, с.91-98].

В анализируемую выборку вошло 78 целых, реставрированных и реконструированных форм сосудов, происходящих из различных памятников бондарихинской культуры. Исходной информацией послужили замеры по 21 точке, охватывающие 1-сантиметровые промежутки кривой полуконтура сосуда (его средняя высота соответствует среднеарифметическому значению высот всех исходных форм - 20 см). Предварительное изучение совокупности произошло с помощью диаграмм рассеяния - координатных плоскостей всех пар переменных, на которые наносятся точки, соответствующие сосудам. Их анализ показал отсутствие хорошо выраженных классов. Затем был использован сложный и перспективный метод - факторный анализ [8]. Этот метод многомерного статистического анализа, так же, как и кластерный, компонентный, распознавание образов и многомерное шкалирование, позволяет проводить классификацию объектов по большому набору признаков, изучать их структуру. С технической точки зрения факторный анализ представляет собой сложную операцию обработки матрицы коэффициентов парной корреляции. Одним из достоинств факторного анализа является возможность сжатия информации, так как с его помощью происходит переход от большого количества первоначальных признаков к небольшому

числу новых, сконцентрированных, максимально информативных показателей - факторам. Так, в случае ортодоксального факторного анализа (R -техника) исходными данными программы АОБМ служит матрица размерностью $n \times m$ ("объекты $\times$ признаки"), каждая строка которой соответствует объекту, а столбец - признаку.

Основой для построения факторной матрицы служит матрица парных корреляций размерностью $m \times m$. Она отражает степень взаимосвязи между каждой парой признаков, тогда как факторная матрица характеризует степень связи между каждым из m рассматриваемых признаков и r общими факторами, выявленными в процессе анализа. При этом число r факторов выбирается исходя из двух условий: должно быть по возможности меньше m , а уровень потерь в информации достаточно мал.

В случае R -техники факторная матрица позволяет выделить для каждого фактора наиболее тесно связанную с ним группу признаков со сходным характером вариации. Отнесение того или иного признака к конкретному фактору определяется по его наибольшей факторной нагрузке. Для ортогональных факторов значения факторных нагрузок колеблются от -1 до $+1$ (факторная нагрузка равнозначна коэффициенту корреляции признака с фактором). В конечном итоге совокупность факторных нагрузок, определенных по всем выделенным факторам, образует матрицу факторных нагрузок. Тем самым открывается возможность сопоставить факторы друг с другом, дать им содержательную интерпретацию и исследовать структуру признаков.

В нашем опыте после обработки на ЭВМ исходных данных методом R -техники факторного анализа было выделено четыре фактора (табл. I). Количество выделенных факторов определялось по совокупности тестов Кайзера - Дикмана, Кеттеля и Баргмана [8]. Эти четыре фактора (I-IV) описывают 95,6 % всей дисперсии 21 заложенной переменной по всем сосудам, что является весьма хорошим результатом.

Первый, самый "крупный", фактор объясняет 50 % дисперсии признаков. Его интерпретация связывается с 7 (от II до I7) переменными, абсолютное значение факторных нагрузок которых колеблется от 0,604 до 0,935. Увеличение влияния этого фактора приводит к определенному росту и некоторых других переменных.

Таблица I

Матрица факторных нагрузок (R -техника)

Переменная	Ф а к т о р			
	I	II	III	IV
I	-0,036	0,476	0,271	-0,655
2	0,043	0,444	0,227	-0,672
2	0,370	-0,006	0,110	-0,744
4	0,371	0,132	0,048	-0,726
5	0,458	0,021	-0,003	-0,693
6	-0,115	0,905	0,008	-0,289
7	-0,013	0,885	-0,043	-0,294
8	0,034	0,923	-0,073	-0,204
9	0,005	0,986	-0,069	-0,039
10	0,040	0,998	-0,073	0,062
II	0,876	-0,147	-0,149	-0,278
12	0,921	0,077	-0,127	-0,167
13	0,935	0,180	-0,030	-0,069
14	0,774	0,136	0,158	0,107
15	0,903	0,187	0,328	0,319
16	0,775	-0,432	0,238	-0,141
17	0,604	-0,016	0,460	-0,002
18	0,209	0,215	0,879	0,088
19	0,406	-0,500	0,607	-0,224
20	0,023	-0,164	0,962	-0,131
21	-0,273	0,035	0,936	-0,056
Накопленная дисперсия	0,50	0,77	0,89	0,95
Вклад факторов в Дисперсию	50 %	27 %	12 %	6 %

Так, с ним положительно коррелируют переменные № 3-5, 18 и 19 (факторная нагрузка от 0,209 до 0,458). Какую-то отрицательную корреляцию с ним дает 21 переменная (-0,273), являющаяся радиусом дна сосуда. В итоге получается, что более половины всех переменных

находится в зависимости от данного фактора. Следовательно, структура его признаков связывается с характером и степенью профилированности перехода тулова сосудов от середины высоты к придонной части. Очевидно, с увеличением диаметра в месте наибольшего расширения тулова сосуда происходило увеличение его диаметра как в придонной части, так и в верхней части ниже основания шейки.

Второй по вкладу фактор описывает 27 % накопленной дисперсии. Наибольшие нагрузки по нему имеют пять переменных (№ от 6 до 10). Положительную корреляцию проявляют также 1, 2 и 14 переменные (факторные нагрузки от 0,444 до 0,536). В большинстве случаев отмеченные переменные характеризуют расстояние от полусоси профиля сосуда до его контура в районе плечиков, венчика и шейки. Лишь в отдельных случаях переменные № 5 - 7 приходятся на наибольшее расширение тулова сосудов. Все переменные второй половины высоты сосуда либо не обнаруживают с этим фактором никакой связи, либо дают отрицательную корреляцию (от -0,149 до -0,500). Такое соизмерение набора указанных значимых нагрузок позволяет интерпретировать второй фактор как степень выпуклости плечиков и указатель их высоты. Значение проявления этого фактора заключается в том, что с его увеличением растет диаметр венчика, шейки, высота придонной части с пропорциональным уменьшением ее диаметра вплоть до дна. Одновременно этот фактор указывает на профиль плечика (вогнутый, прямой, выгнутый).

В третьем факторе (12 % накопленной дисперсии), на фоне предельно слабых или отрицательных нагрузок всех переменных от 1 до 16, наибольшие абсолютные значения имеют последние в списке четыре переменные (№ 18-21 от 0,607 до 0,962). С ними проявляет положительную корреляцию лишь соседняя переменная № 17 (0,460). Из этого следует, что третий фактор заменяет широтный указатель дна (по В.Ф.Генингу) и способен определить профиль придонной части тулова (стенки вогнутые, прямые, выгнутые).

Четвертый фактор, описывающий 6 % дисперсии признаков, отличается крайне низкими отрицательными и реже положительными нагрузками по большинству переменных. Только пять первых переменных проявляют сравнительно высокую, но обратную корреляцию с этим фактором (от -0,655 до -0,744). Их отрицательная корреляция показывает на тенденцию увеличения высот и диаметров венчика, шейки и начала плечиков при уменьшении влияния первых трех факторов и, наоборот, с ростом их влияния происходит уменьшение первых пяти переменных по отношению ко всем остальным. Отсюда следует вывод, что четвертый фактор указывает на

степень профилированности шейки и плечиков, а также фиксирует направление стенок в верхней части тулова по отношению к средней и нижней частям. Другими словами, IV фактор дает разделение анализируемой совокупности на открытые и закрытые сосуды.

Следующий этап исследования сводится к автоматической классификации горшков бондарихинской культуры посредством Q-техники факторного анализа. Обычно в Q-технике используется транспонирование матрицы $r \times n$ ("факторы $\times$ объекты"), когда исследуются связи между объектами и делается попытка найти однородные группы объектов. Проводя обработку на ЭВМ такого массива исходных данных с помощью Q-техники факторного анализа, было выделено шесть новых факторов, которые интерпретируются как типы горшков. По матрице факторных нагрузок сосуд относится к тому фактору (типу), где его факторная нагрузка по абсолютной величине больше остальных нагрузок на данный фактор^{*}.

Однако автоматическая классификация, проведенная с помощью Q-техники, имеет один важный недостаток - отсутствует статистический критерий, позволяющий оценить достоверность существования типов и вероятность отнесения объектов в типы [8, с.303, 316]. Для получения необходимых статистических оценок авторы использовали дискриминантный анализ - метод классификации, который применяется при полностью описанных группах [1; 16]. В основу этого метода заложено вычисление линейной комбинации переменных - дискриминантной функции для каждого типа и определение вероятности отнесения объектов в выделенные типы. В итоге дискриминантный анализ полностью подтвердил достоверность существования выделенных Q-техникой шести типов среди горшков бондарихинской культуры^{***}.

Наконец, пошаговый дискриминантный анализ позволил получить ранжировку переменных по их вкладу в разделение типов. Согласно идее этого анализа на каждом шаге принимается решение о включении или исключении очередной переменной в подмножество переменных, используемых для дискриминации. Решение принимается сравнением средних значений переменных для каждого типа.

^{*} С целью экономии места матрица факторных нагрузок в статье не приводится.

^{***} Из-за громоздкости данная таблица в статье не приводится.

Различие определяется F -критерием, который и есть мера значимости переменной в ранжированной последовательности.

В табл.2 переменные расположены в порядке убывания информативности. Ее данные указывают, что наибольшей информативностью отличаются переменные № 6, 7, 10, 13. В большинстве случаев они приходятся на замеры от линии полусоси до места наибольшего расширения тулова, а также до плечиков и начала придонной части.

Основываясь на всех полученных статистических характеристиках, перейдем к краткому описанию выделенных типов сосудов бондарихинской культуры. Первый тип характеризуется следующими параметрическими и морфологическими признаками: наибольшее расширение тулова приходится на середину его высоты при плавном переходе к придонной части, стенки плечиков и придонной части слегка выпуклые (рис.1, 1-28). Сосуды второго типа отличаются резким переходом от наибольшего расширения тулова к его придонной части, стенки которой слегка вогнутые или прямые (рис.1, 32-46). По форме сосуды этого типа приближаются к биконическим. Горшки третьего типа имеют выпуклые стенки тулова при наибольшем расширении его в верхней трети высоты (рис.1, 29-31). Четвертый тип горшков также имеет наибольшее расширение тулова в верхней трети его высоты, но плечики и придонная часть имеют прямые стенки при плавном переходе от верхней к нижней части сосуда (рис.1, 47-59). Сосуды пятого типа отличаются слабой профилированностью тулова, выпуклостью стенок в придонной части, равенством диаметра венчика и диаметра тулова, наибольшее расширение которого приходится на середину его высоты (рис.2, 1-12). Горшки шестого типа являются открытыми, у которых диаметр венчика больше диаметра тулова (рис.2, 13-19). На всех бондарихинских памятниках встречаются и сосуды баночного типа, исключенные из статистической обработки из-за простоты их формы (рис.2, 20-25).

В заключение следует обратить внимание на существование хронологической обусловленности сходства и различия между выделенными типами горшков бондарихинской культуры. Если для раннего этапа ее развития характерны горшки Ш-У типов, то для среднего - горшки I и II типов. На заключительном этапе бондарихинской культуры появляются горшки VI типа при абсолютном господстве сосудов первых двух типов.

Таблица 2

Оценка информативности переменных, описывающих анализируемую выборку

Номер шага	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Номер пере- менной	10	13	6	7	3	20	14	4	5	16
F - крите- рий	11,95	11,53	9,32	2,44	1,90	1,29	1,28	1,61	1,92	1,33

Номер шага	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Номер пере- менной	8	9	15	17	21	11	12	2	1	19	18
F - крите- рий	1,37	1,49	1,16	0,97	0,99	0,66	0,74	0,59	0,18	0,15	0,25

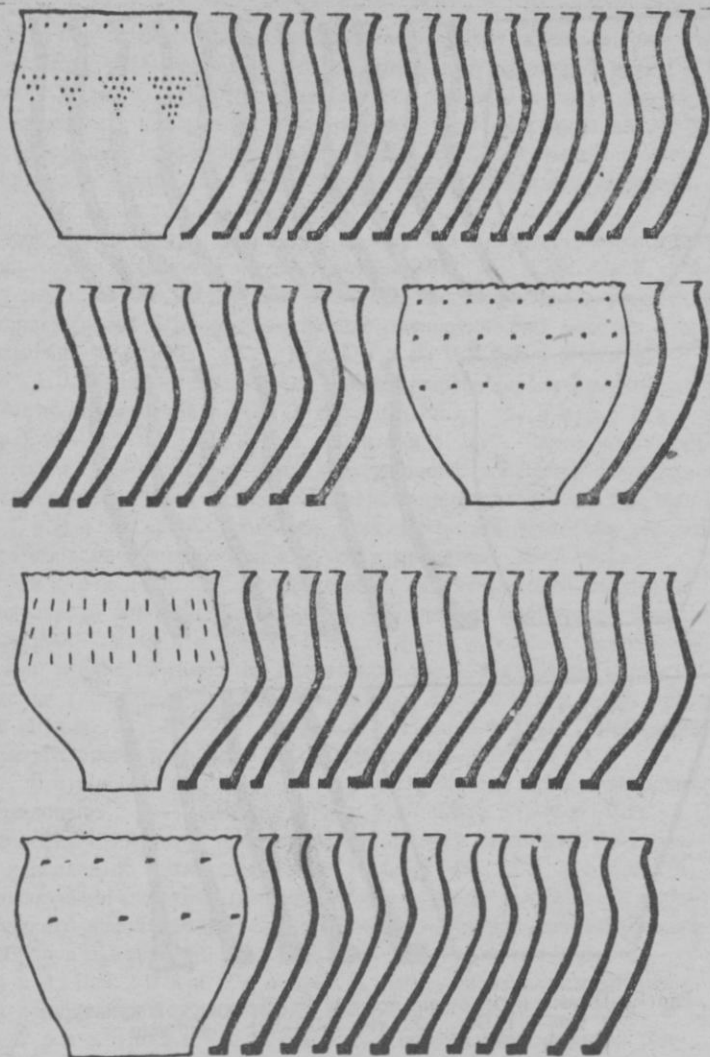

Рис. I. Кухонные горшки бондарихинской культуры:
 I тип - I-28, II тип - 32-46, III тип -
 29-31, IV тип - 47-59

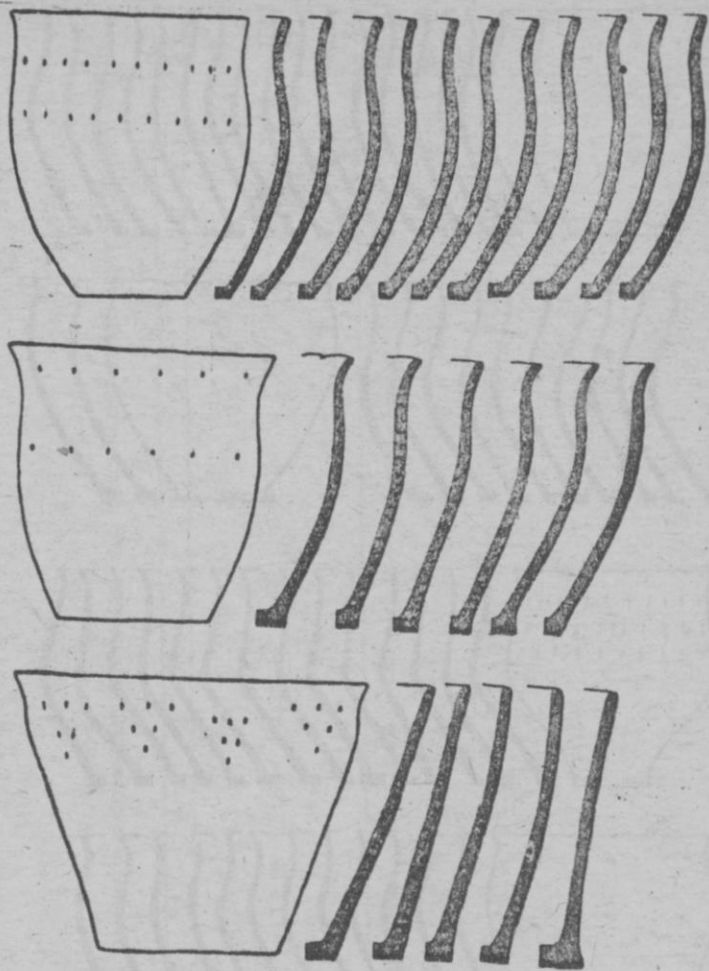

Рис.2. Горшки и баночные сосуды бондарихинской культуры:
У тип - 1-12; УI тип - 13-19; баночные
сосуды - 20-25

И еще одно методическое замечание. Такие признаки, как степень отогнутости венчика, способ соединения придонной части с дном (прямой, с помощью "пятки" или рантика) и некоторые другие, не являются в нашем случае устойчивыми и не связаны с какими-то закономерными историческими явлениями. В последующем они могут привлекаться лишь для разделения типов на отдельные варианты.

Список литературы: 1. А ф и ф и А., Э й з е н С. Статистический анализ: подход с использованием ЭВМ. М., 1982. 2. Б е л е ц к и й С.В. К вопросу о возможностях изучения лепной керамики //Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. 3. Б у й н о в Ю.В., К у з ь м е н - к о А.С. Компьютерные методы классификации керамических форм //Вестн.Харьк.ун-та. 1988. № 316. вып.22. 4. В о р о б ь е в Е.И., К о р н е л ь к В.А., К у з ь м е н к о А.С. Пакет прикладных программ для обработки и анализа данных о состоянии окружающей среды и здоровья населения //Атомная энергия. 1984. Т.56. вып.1. 5. Г е н и н г В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок //Сов.археология. 1977. № 1. 6. Д е о п и к Д.В. Классификация и статистический анализ керамического комплекса у с.Кирово //Древности Восточного Крыма. К., 1970. 7. Д е о п и к Д.В., Д е р в и з П.Г. Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры нижнего Подонья //Сов.археология. 1985. № 1. 8. И б е р л а К. Факторный анализ. М., 1980. 9. И л ь и н с к а я В.А. Бондарихинская культура бронзового века //Сов.археология. 1961. № 1. 10. М а р т ы н о в А.И., Ш е р Я.А. Методы археологических исследований. М., 1969. 11. К р у г Г.К., К р у г О.Ю. Математический метод классификации древней керамики //Материалы и исслед.по археологии СССР. 1965. № 129. 12. Л е с м а н Ю.М. К применению методики распознавания образов для анализа керамического комплекса //Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. 13. Р а д и л и л о в - с к и й В.В., Ш а к у р о в Ф.А. Автоматическая классификация керамических форм //Доклады АН ТаджССР. 1981. Т.XXIV, № 11. 14. Р у с а н о в а И.П. Один из методов классификации раннеславянской керамики //Крат.сообщ.Ин-та археологии АН СССР. 1977. № 148. 15. С о р о к и н а И.А. Погребения эпохи

поздней бронзы в Западном Предкавказье (к методике исследования) //Археологические исследования на новостройках. М., 1986. Вып. I. 16. Статистические методы для ЭВМ (М.В.Малютов). М., 1986.

Поступила в редколлегия 10.09.90

В.М.СМОЛЯНИЦКИЙ, канд.техн.наук, С.М.КУДЕЛКО, канд.ист.наук

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЭВМ В ПРАКТИКУ МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ

В последнее время в нашей стране и за рубежом уделяется большое внимание компьютеризации всех элементов социально-культурной сферы, использованию математических методов и ЭВМ в исследованиях гуманитарных наук [1]. Особенно это характерно при обработке результатов изучения исторических источников, которые хранятся в музеях, архивах и библиотеках. Рассмотрим вопросы применения персональных ЭВМ применительно к массовым источникам, хранящимся в музеях. Полученные при этом результаты и рекомендации можно с определенными ограничениями распространить на архивы и библиотеки.

Задача компьютеризации музейной структуры является актуальной, так как все работы по учету музейных коллекций, их научной обработке и каталогизации базируются на традиционных, сложившихся еще в начале века методах (книги и журналы учета, ручные каталоги и др.). В современных условиях повышение производительности труда музейного работника, улучшение качества и результатов его деятельности, освобождение его от рутинной работы и сосредоточение внимания на решении творческих задач относится к числу первостепенных целей. Ее достижение предполагает интенсивное использование в музейной практике персональных электронных вычислительных машин (ПЭВМ).

Возникают две взаимосвязанные проблемы: оснащение музеев персональными ЭВМ и освоение музейными работниками основ компьютерной грамотности, овладение навыками и умениями анализировать и совершенствовать алгоритмы (программы) решения специфич-

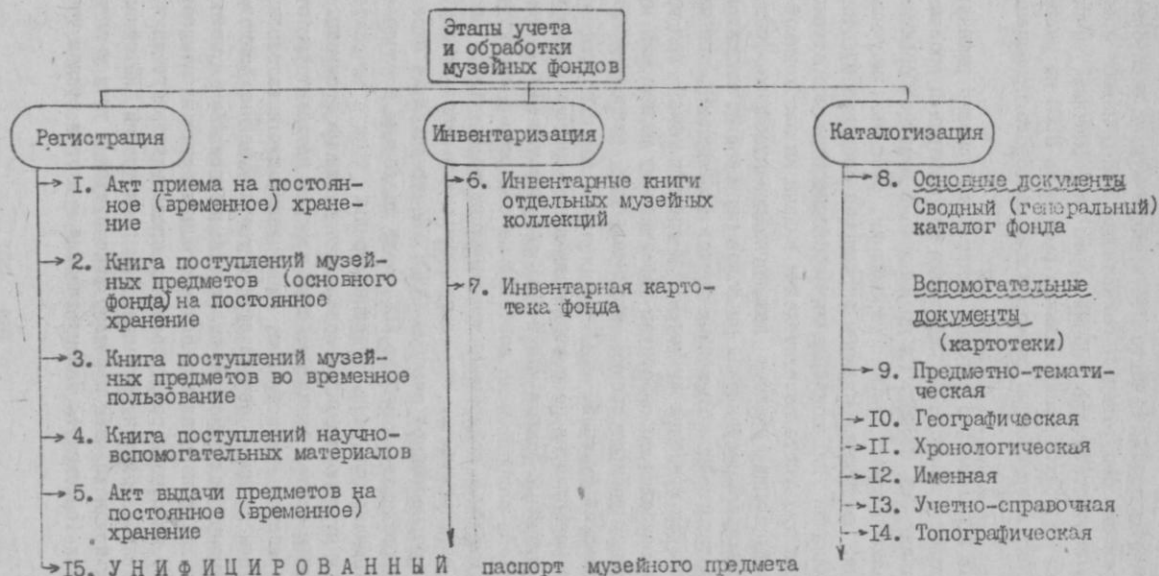
ческих музейных задач. В настоящее время в музеях республики ПЭВМ практически отсутствуют. Подавляющее большинство сотрудников музеев соответствующих знаний основ информатики, вычислительной техники и практических навыков работы на ПЭВМ не имеют, что является сдерживающим фактором для массового применения ПЭВМ в музеях.

Первая проблема уже сегодня может быть успешно решена, учитывая массовое производство небольших по размерам и простым в использовании ЭВМ (ПЭВМ). Их применение в музейной практике возможно в разнообразных сферах: управлении, финансах, научных исследованиях, автоматизированном управлении освещением, отоплением и вентиляцией для поддержания необходимого температурно-влажностного режима, учете посетителей и выдаче им необходимой визуальной информации, учете и каталогизации музейных фондов и др. Из всех возможных направлений мы более подробно остановимся на учете и каталогизации музейных фондов (коллекций), так как эта задача является наиболее актуальной и специфической для музеев. Ее решение наиболее способствует эффективному выполнению музейными их основных собирательских, хранительских, экспозиционных и просветительских функций.

Любые мероприятия по совершенствованию системы учета и каталогизации музейных фондов могут быть результативными в том случае, когда они опираются на достоверные сведения о структуре, составе музейных коллекций, документацию по их учету, инвентаризации и каталогизации. Это справедливо для любой автоматизированной информационной системы (АИС), построенной на базе ЭВМ. Прежде чем создавать музейную АИС, надо тщательно исследовать объект автоматизации, т.е. музейные фонды.

Основу музейного фонда составляют музейные предметы. При поступлении в состав фонда музейный предмет проходит три этапа учета и обработки: регистрацию, инвентаризацию и каталогизацию [2]. Регистрация – первая стадия учета музейных фондов, на которой фиксируются основные отличительные признаки музейного предмета в книге поступлений основного или научно-вспомогательного фондов на основе результатов их предварительного изучения и записей в полевой документации. При регистрации информация о музейном предмете, как правило, фиксируется в трех книгах и двух актах (см. схему). Инвентаризация – вторая стадия учета

Состав музейных документов на этапах учета и научной обработки музейных фондов

основного фонда, на которой оформляются результаты изучения музейных предметов с целью периодического их закрепления за определенной музейной коллекцией и сохранения научных данных о предмете. При инвентаризации информация о музейном предмете регистрируется в инвентарных книгах и инвентарных карточках (два документа). Каталогизация — третья стадия учета и обработки информации о музейном предмете. На этом этапе проводится монографическое исследование отдельных музейных предметов, представляющих особую музейную ценность, осуществляется подготовка научных каталогов и картотек. При каталогизации информация о музейном предмете регистрируется в соответствующих документах согласно действующим инструкциям. На всех этапах учета и обработки данные музейного предмета регистрируются в унифицированном паспорте, структура которого регламентирована приказом Министра культуры СССР от 1 июня 1987 г. Унифицированный паспорт включает в себя сорок семь признаков (полей), подробно характеризующих атрибутивные параметры музейного предмета. В соответствии с рекомендациями и установившейся музейной практикой при оформлении унифицированного паспорта на любой музейный предмет должны быть обязательно заполнены следующие поля (см. приложение): 1. № паспорта. 2. Ведомство. 3. Музей. 4. Отдел 5. № КП (книги поступлений). 6. № инвентарный. 7. Дата поступления. 8. Источник поступления. 9. Способ поступления. 10. Документы. 12. Классификация. 13. Типология. 16. Датировка. 18. Название. 19. Материал. 20. Техника. 21. Размеры. 27. Краткое описание. 35. Описание сохранности.

Более подробно состав, содержание и обоснование записей о соответствующих признаках унифицированного паспорта приведены в методических рекомендациях по составлению унифицированного паспорта на движимые памятники истории и культуры и приложения к ним в соответствии с приказом министра культуры СССР от 17 июня 1987 г.

Приведем следующий пример. Нам необходимо обработать информацию о 50 тыс. музейных предметов, что соответствует фонду Харьковского областного исторического музея. На каждый музейный предмет необходимо составить до семи карточек (см. схему). В итоге в картотеке будет 350 тыс. карточек. Если эту картотеку выстроить в ряд, то ее длина превысит 7 м. А если фонд музейных предметов страны содержит 50 млн предметов, то длина карто-

теки превысит 7 км. В этом случае даже одноаспектный поиск ручным методом становится трудноразрешимой задачей в пределах фонда одного музея и практически неразрешимой - в пределах музейного фонда страны.

Можно сделать вывод, что решать задачи учета и особенно поиска нужных музейных предметов необходимо нетрадиционными методами с использованием вычислительной техники и современных средств телекоммуникаций, составляющих автоматизированную информационную систему (АИС).

Обобщая опыт использования АИС в других сферах, можно предположить следующие возможности музейной АИС.

1. Принцип "однократная запись - многократное использование", позволяющий резко сократить объем работ, связанный с дублированием записей в различных книгах и картотеках.

2. Способность АИС осуществлять многоаспектный поиск, что позволяет избавиться от необходимости составления параллельных картотек и указателей (именного, по школам, по жанрам, по периодам и т.д.).

3. Ускорение и удешевление (примерно в 100 раз) процесса подготовки и печати каталогов, справок и других музейных документов [2].

4. Способность современных ЭВМ передавать информацию между музейными терминалами по каналам связи, что обеспечивает создание автоматизированных систем (АИС) в рамках не только одного музея, но и города, региона, республики и страны в целом (а в перспективе и с зарубежными партнерами).

Музейные АИС на базе персональных ЭВМ обеспечивают решение следующих специфических музейных задач:

Государственный учет музейных коллекций (учет поступления и выдачи, постоянных и временных, учет движения музейных предметов по всему собранию, отдельным фондам и коллекциям).

Государственная статистическая отчетность для Госкомстата и Министерства культуры республики и страны.

Более полное научное описание коллекций и их изучение.

Введение информации о музейных фондах в широкий научный и экспозиционный оборот (подготовка материалов для издания каталогов, обзоров, путеводителей, указателей, монографий, статей, а также информационное обслуживание различных категорий исследователей и потребителей информации в музее и вне его).

Решение этих задач с использованием персональных ЭВМ обеспечивает следующие преимущества по сравнению с традиционными способами учета и обработки музейных коллекций:

повышение оперативности, достоверности и точности информации о музейных коллекциях, т.е. создание предпосылок для повышения обоснованности и своевременности принятия решения по вопросам учета и изучения коллекций, контроля за их использованием в экспозиции и сохранности, а также комплектованием всего музейного собрания;

освобождение высококвалифицированных музейных специалистов от выполнения рутинных трудоемких операций — многократной переписки различных сведений, ручного поиска информации в картотеках, книгах, составления различных списков, сводок, актов и т.д., в результате чего можно сконцентрировать их внимание на решении научных и творческих проблем;

снижение трудоемкости и ускорение подготовки к выпуску каталогов, указателей и других музейных документов, а также решение аналитических задач.

Приоритетное выполнение перечисленных музейных задач с помощью персональных ЭВМ предполагает реализацию некоторых условий, а именно унификацию учетно-хранительской документации и стандартизацию терминов научного описания музейных предметов.

Первое условие реализовано путем предполагаемого внедрения унифицированного паспорта музейных предметов в практику музеев. Второе условие — задача стандартизации терминологии научного описания не может быть решена в достаточно короткие сроки. Основу ее решения составляет создание наборов классификаторов музейных терминов по соответствующим признакам унифицированного паспорта. На основе классификаторов разрабатываются определенные наборы кодификаторов, которые используются для характеристики полей унифицированного паспорта при вводе в память ПЭВМ и по которым возможен быстрый поиск нужных записей в ПЭВМ.

Таким образом, применение персональных ЭВМ для учета и обработки информации о музейных коллекциях позволит существенно повысить эффективность работы музеев, еще более интенсифицировать научную и экспозиционную работу музея, решить другие стоящие перед музейным делом задачи.

Унифицированный паспорт

(утвержден Министерством культуры СССР)

1. № П. 2. Ведомство. 3. Музей. 4. Отдел. 5. № КЛ. 6. № инв.
7. Дата поступления. 8. Источник. 9. Способ (завешание о, закупка о, передача о, дар о). 10. Документы. 11. Количество. 12. Классификация. 13. Типология. 14. Народ. Этногруппа. Нац. школа.
15. Автор, изготовитель. 16. Датировка. 17. Место создания.
18. Название. 19. Материал. 20. Техника. 21. Размеры. 22. Фото.
23. Драг. металлы и камни. 24. Вес. 25. Проба. 26. № негатива.
27. Краткое описание. 28. Подписи. 29. Надписи. 30. Клейма, печати и другие знаки. 31. Время и место бытования. 32. Время и место обнаружения. 33. Лица, связанные с памятником. 34. События, связанные с памятником (наличие связи с другими памятниками: да о нет о). 35. Описание сохранности. 36. Реставрация.
37. Рекомендации по реставрации (Срочная реставрация О. Консервация. Профилактический осмотр О). 38. Возможность транспортировки (Да О. Нет О). 39. Экспонирование и использование.
40. Библиография. 41. Архивные материалы. 42. Топографический шифр.
43. Старые обозначения. 44. Дата сверки наличия. 45. Кол-во (вкладышей, фотографий, приложений). 46. Дата ввода информации в ЭВМ (" " " 19). 47. Ответственные: (составил), Должность. Подпись: Ф.И.О. " " " 19). (завизировал). Гл. хранитель. Подпись: Ф.И.О. " " " 19). (утвердил). Зам. директора. Подпись: Ф.И.О. " " " 19 г.

Список литературы: 1. Пищулин Ю.П. и др. Музейные термины //Терминологические проблемы музеев: Сб. науч. трудов. М., 1986. С.36-134. Ноль Л.Я. Компьютерную грамотность - в музеи // *Museum*. 1989. № 162 (4). С.32-36 и др. 2. Чинхолов Р. Музейная каталогизация и ЭВМ. М., 1983. 3. Фомин В.Н. и др. Применение ЭВМ в фондовой работе музеев: Методические рекомендации. М., 1988. 4. Крамм Р. Системы управления базами данных *dBASE II* и *dBASE III* для персональных компьютеров. М., 1988.

Поступила в редколлегия 03.10.90

Ю.И.ЖУРАВСКИЙ, канд.ист.наук, Б.П.ЗАЙЦЕВ, канд.ист.наук,
С.М.КУДЕЛКО, канд. ист.наук

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Исторический факультет свою историю отсчитывает с 1805 г., со времени открытия Харьковского университета. Название его неоднократно менялось в дореволюционный период, но деятельность его неизменно сохранялась.

Нынешнее название факультета прочно утвердилось с 1933 г., когда после длительного, но малополезного процесса реорганизации университета, он был восстановлен в своем статусе. В числе семи факультетов возобновил свою работу и исторический. К концу 30-х годов на факультете функционировало четыре кафедры: истории СССР и УССР; древней истории и археологии; средней истории; новой истории.

В годы Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Кызыл-Орде Казахской ССР, Харьковский университет объединился с Киевским. На их базе был образован Объединенный Украинский государственный университет. И здесь в числе пяти факультетов был и исторический. Свою работу в Харькове исторический факультет возобновил 1 ноября 1943 г.

За послевоенные годы структура факультета неоднократно менялась, происходило создание новых кафедр, их объединение и разделение, велись поиски наиболее оптимальных вариантов их функционирования.

В настоящее время на факультете пять кафедр: истории СССР; истории УССР; истории древнего мира и средних веков; новой и новейшей истории; историографии, источниковедения и археологии. Они обеспечивают учебный процесс на трех отделениях (дневном, вечернем и заочном) факультетах, где сейчас обучается около 1300 студентов.

В аудиториях исторического факультета в разное время звучали голоса многих крупных ученых, талантливых педагогов и воспитателей, оставивших неизгладимую память в поколениях питомцев. Немало преподавателей внесло заметный вклад в отечественную историческую науку*.

* Историческая наука в Харьковском университете (К 185-летию ХГУ): Вестн.Харк.ун-та, 1991. № 357.

Вопреки утверждениям известного писателя о том, что рукописи не горят, смеем заметить: горят, еще как! Горьким примером тому является судьба архива Харьковского университета, погибшего в пламени Великой Отечественной войны. Сгорели под фашистскими бомбами и рукописи, и другие бесценные документы. Вот почему многие страницы истории нашего университета, особенно советского периода, остались незаполненными. Сложно, а подчас невозможно, отыскать материалы и о преподавателях университета, работавших в нем в довоенные годы.

Дореволюционная история Харьковского университета изучена и опубликована значительно полнее советской. Отдадим должное известным ученым-историкам Д.И.Багалею, В.П.Бузескулу, М.Г.Халанскому и другим, благодаря стараниям и усилиям которых к 100-летию Харьковского университета была издана серия обширных работ по истории университета, его факультетов, учебно-вспомогательных учреждений с достаточно подробными биографиями профессоров и преподавателей.

К сожалению, это начинание не было поддержано позже. Попытаемся его возродить. С настоящего выпуска исторической серии "Вестника ХГУ" мы начинаем публиковать краткие материалы к библиографическому словарю преподавателей исторического факультета университета (1933-1990). Краткость материалов объясняется весьма ограниченным объемом "Вестника". Даже в таком виде публикуемые материалы дают возможность с благодарностью вспомнить о тех, кого уже нет среди нас, помогут судить о научной деятельности факультета в целом, важнейших направлениях научно-исследовательской работы кафедр, их преподавателей. Собранные сведения послужат определенным подспорьем будущим исследователям истории университета, ибо нынешнее состояние архивного дела в стране создает реальную угрозу того, что своим грядущим преемникам мы оставим мало материала для объективного изучения и освещения нашей эпохи.

Тешим себя надеждой, что предпринятая нами работа будет поддержана другими факультетами университета, и это даст возможность когда-нибудь общими силами издать отдельными книгами биобиблиографический словарь преподавателей университета.

Авраменко Анатолий Михайлович (1955 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1977 г. окончил исторический факультет Кубанского университета. Работал научным сотрудником Государственного архива Краснодарского края. В 1979-1981 гг. обучался в аспирантуре при кафедре истории СССР Харьковского университета. С 1981 г. работает на той же кафедре ассистентом, доцентом. Читает общий и специальные курсы по истории СССР (2-я половина XVIII в. - 1917 г.). В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию "Эволюция земельных отношений на Левобережной Украине в конце XIX - начале XX вв.". В настоящее время продолжает исследование земельных отношений на Украине в дооктябрьский период. Параллельно с этим работает в области исторической географии и картографии. Опубликовал свыше десяти научных работ.

Агибалова Екатерина Васильевна (1914 г. рожд.). В 1938 г. окончила вечернее отделение исторического факультета. В 1939-1941 гг. обучалась в аспирантуре при кафедре средней истории этого же факультета. В феврале 1941 г. Наркомпросом УССР была назначена на должность старшего преподавателя кафедры средней истории ХГУ. С декабря 1943 г. по апрель 1947 г. работала заведующей кафедрой общей истории, преподавателем, старшим преподавателем кафедры средней истории Харьковского университета. В дальнейшем работала учителем истории в средних школах Харькова, успешно сотрудничала с выпускником исторического факультета университета Г.М.Донским. Их совместная деятельность в области преподавания истории средних веков в школе привела к замечательным результатам. Школьный учебник "История средних веков", написанный Е.В.Агибаловой и Г.М.Донским, получил в 1961 г. первую премию на Всесоюзном конкурсе учебников по истории для средних школ, а в 1973 г. - удостоен Государственной премии СССР. К настоящему времени учебник выдержал более 25 переизданий на языках народов СССР и иностранных языках. Высокую оценку педагогической общественности получили также их работы по методике преподавания истории в школе.

Альпер Роман Савельевич (1906-1963), кандидат исторических наук, доцент. В 1932 г. окончил Харьков-

ский институт народного образования, затем до 1935 г. учился в аспирантуре при Харьковском университете. Одновременно преподавал новую историю в Харьковском педагогическом институте профессионального образования, а в 1933-1937 гг. был преподавателем кафедры новой истории Харьковского университета. В 1944-1963 гг. работал старшим преподавателем, доцентом кафедры новой истории ХГУ. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию "Австрийский рейхстаг в октябре 1848 года". Опубликовал ряд научных и научно-популярных работ по истории Германии XIX в., в том числе монографию "Революция и традиции немецкого народа", ч. I (1960 г.).

Астахов Виктор Иванович (1922-1972), доктор исторических наук, профессор. Родился в Московской области. В последний предвоенный год учился в Московском институте истории, философии и литературы. В период Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. В 1950 г. с отличием окончил исторический факультет Харьковского университета, был рекомендован в аспирантуру при кафедре истории СССР. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию "Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период первой русской революции (1895-1907 гг.)", в 1963 г. в качестве докторской диссертации защитил опубликованный в двух частях (1959, 1962 гг.) "Курс лекций по русской историографии". Работал доцентом кафедры истории СССР. Избирался секретарем Харьковского обкома Компартии Украины. С 1962 по 1972 гг. - проректор ХГУ по учебной работе. Одновременно с 1964 г. - профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Автор более 70 научных и научно-популярных публикаций, в том числе монографий "Революционные события 1905-1907 гг. в Харькове и губернии" (1955 г.), "Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября" (1957 г.), "Пролетариат Харькова в трех революциях" (1959 г.), все три - в соавторстве с Ю.Ю. Кондуфором. В 1969 г. вышла в свет монография В.И. Астахова и И.Л. Шермана "В.И. Ленин - историк советского общества". Перу ученого принадлежат крупные главы в коллективных трудах по истории Харьковщины, Харьковской областной партийной организации, Харьковского университета и др. Был награжден орденом Трудового Красного Знамени, многочисленными медалями.

Бабич Дмитрий Трофимович (1946 г. рожд.). В 1969 г. окончил исторический факультет ХГУ. В 1969-1971 гг. - офицер Советской Армии, в 1971-1974 гг. - ассистент кафедры истории КПСС Харьковского автомобильно-дорожного института. С 1974 по 1979 гг. работал преподавателем кафедры истории СССР Харьковского университета. Занимался исследованием истории комсомольских организаций вузов Украины в 1920-1930 гг. Принимал участие в написании монографий: "Очерки истории комсомольской организации Харьковского университета" (1969 г.) и "Харьковский государственный университет. 1805-1980. Исторический очерк" (1980 г.).

Барак Бронислава Михайловна (1913-1990), кандидат исторических наук, доцент. В 1939 г. окончила исторический факультет Харьковского университета, затем до начала войны обучалась в аспирантуре при кафедре истории СССР ХГУ. В 1941-1944 гг. работала учителем истории в школе, преподавателем истории СССР в Ленинабадском педагогическом институте Таджикской ССР. После окончания в 1945 г. аспирантуры и до ухода на пенсию в 1981 г. работала старшим преподавателем, доцентом кафедры истории СССР Харьковского университета. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию "Революционное рабочее движение в Харькове в октябре-декабре 1905 года". Опубликовала свыше 20 работ. Принимала участие в написании монографий "Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет" (1955 г.) и "Харьковский государственный университет. 1805-1980. Исторический очерк" (1980 г.).

Бердник Александр Николаевич (1954 г. рожд.), кандидат исторических наук. В 1981 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1981 г. по август 1990 г. работал ассистентом, старшим преподавателем кафедры политической истории. С сентября 1990 г. - старший преподаватель кафедры истории СССР ХГУ. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию "Партийное руководство развитием профсоюзного движения на селе (1976-1980 гг.)". В настоящее время исследует проблемы профсоюзного движения на современном этапе. Опубликовал около 10 научных работ.

Вердута Михаил Захарович (1935 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1966 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1965 г. работал старшим лаборантом кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с 1971 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории УССР. Преподает общие и специальные курсы истории Украины, украинской этнографии, технических средств обучения в учебном процессе и др. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию "Брестский мир в советской историографии (1918–1968 гг.)". В настоящее время исследует проблему "Советы Украины на современном этапе". Опубликовал около 50 научных, научно-популярных работ и учебно-методических пособий. В течение 1977–1984 гг. исполнял обязанности заместителя декана исторического факультета, возглавляет учебно-методическую комиссию факультета.

Берестнев Сергей Илларионович (1951 г. рожд.), кандидат исторических наук. В 1977 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. Работал учителем истории в школе. С сентября 1982 г. работает на кафедре историографии, источниковедения и археологии в должности преподавателя, младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника. В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию "Срубная культура лесостепного Левобережья Украины". Продолжает исследовать тему "Лесостепное Левобережье Украины в конце энеолита и в эпоху бронзы". Опубликовал свыше 15 научных работ.

Бойко Владимир Васильевич (1935 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1962 г. окончил историческое отделение историко-философского факультета Киевского университета. После завершения учебы работал преподавателем кафедры марксизма-ленинизма Коммунарского горно-металлургического института (Донецкая обл.). В 1967–1979 гг. — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории КПСС и научного коммунизма Украинского заочного политехнического института (Харьков). С 1979 г. — доцент кафедры новой и новейшей истории Харьковского университета. Читает общие и специальные курсы по новой истории стран Европы и Америки. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию "КПСС и ВКП во главе братского сотрудниче-

ства советского и болгарского народов в развитии социалистической культуры (1944-1948 гг.)". Продолжает работать над проблемой советско-болгарского сотрудничества. Автор около 50 публикаций.

Бойко Иван Давидович (1899-1971), доктор исторических наук, профессор. В 1923 г. окончил Нежинский институт народного образования. С 1923 по 1930 гг. работал школьным учителем. С 1929 по 1932 гг. учился в аспирантуре при Академии Наук УССР и в научно-исследовательском институте украинской культуры (Харьков). После аспирантуры работал преподавателем истории СССР и истории УССР, исполнял обязанности заведующего кафедрой истории Винницкого педагогического института. С 1934 по 1941 гг. - доцент, и.о.заведующего кафедрой истории СССР и УССР Харьковского университета, в 1941-1943 гг. - заведующий кафедрой истории УССР Объединенного Украинского государственного университета (Кзыл-Орда), в 1944-1945 гг. до отъезда в Киев был заведующим кафедрой истории СССР и УССР ХГУ. Продолжал преподавательскую деятельность в вузах Киева, сотрудничал в Институте истории АН УССР. Основные проблемы научных исследований И.Л.Бойко - социально-экономические процессы на Украине в XVI-XIX вв., украинско-польские отношения XVII-XIX вв., история украинской культуры. В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию "Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине". За время работы в Харькове опубликовал более 10 работ, в том числе "Короткі нариси з Історії Харківського державного університету Ім.О.М.Горького. 1805-1940. Ювілейне видання" (1940 р.) в соавторстве с С.М.Короливским и Н.Я.Фридьевой. Всего опубликовал около 80 научных работ, среди которых несколько крупных монографий. Был награжден орденами и медалями СССР.

Буйнов Юрий Владимирович (1952 г.рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1975 г. окончил исторический факультет Харьковского университета, работал учителем средней школы № 119 Харькова. В 1975-1979 гг. учился в заочной аспирантуре при кафедре историографии, источниковедения и археологии ХГУ. В 1981-1983 гг. работал преподавателем кафедры истории УССР, а с 1983 г. - преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии. Читает общие и специальные курсы по этнографии, ар-

геологии, истории первобытного общества и др. С 1984 г. — заместитель декана, с 1991 г. — декан исторического факультета. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию "Бондарихинская культура". В настоящее время разрабатывает проблему "Предскифский период на территории лесостепной Левобережной Украины". Опубликовал свыше 30 научных, научно-популярных работ и учебно-методических пособий.

Булах Василий Иванович (1925—1990), кандидат исторических наук, доцент. Участник Великой Отечественной войны. В 1956 г. окончил исторический факультет Харьковского университета, работал учителем истории средней школы. В 1958—1960 гг. — аспирант кафедры истории КПСС университета, с 1960 по 1965 гг. — преподаватель этой же кафедры. В 1965—1990 гг. занимал должности старшего преподавателя, доцента кафедры истории СССР. В 1982—1987 гг. был деканом исторического факультета университета. Специализировался по истории СССР советского периода, читал общие и специальные курсы. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию "Харьковская областная партийная организация в борьбе за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1956—1959 гг.)". Избирался заместителем секретаря парткома ХГУ, секретарем парткома. Несколько лет исполнял обязанности ответственного секретаря межведомственного научного сборника "Вопросы истории СССР" и ответственного редактора "Вестника Харьковского университета" (историческая серия). Опубликовал более 30 работ. Принимал участие в написании монографии "Харьковский государственный университет. 1805—1980. Исторический очерк" (1980 г.). Награжден орденами и медалями СССР.

Бутенко Вера Ивановна (1936 г. рож.), кандидат исторических наук, доцент. После окончания в 1959 г. исторического факультета Харьковского университета работала в средней школе учителем истории. С 1964 г. — преподаватель кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с 1977 г. — старший преподаватель, доцент кафедры истории УССР. Читает общие и специальные курсы по истории УССР (советский период), методике преподавания истории и обществоведения. В 1971 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук: "Колхозное

строительство на Украине в 1917-1929 гг. в советской историографии". В настоящее время исследует проблему, посвященную развитию кооперации на Украине в 20-х - начале 30-х годов. Опубликовала более 50 научных, научно-популярных работ и учебно-методических пособий.

Введенский Дмитрий Андреевич (1909-1955), кандидат исторических наук, доцент. В 1931 г. окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Преподавал историю в высших учебных заведениях Ленинграда. В 1932-1935 гг. - доцент кафедры истории СССР и декан исторического факультета сначала в Ленинградском, затем в Новгородском пединституте. В 1935-1939 гг. - преподаватель, доцент кафедры истории СССР исторического факультета Харьковско-го университета. Защитил кандидатскую диссертацию "Новгород в системе причинник". Автор более 20 научных, научно-популярных работ, учебно-методических пособий. В 1944-1945 гг. - директор Харьковского книжно-газетного издательства, в 1946 - 1955 г. - заведующий кафедрой истории в Харьковской партшколе.

Витков Захар Аронович (1910-1942), кандидат исторических наук. В 1936 г. окончил Харьковский педагогический институт профессионального образования. С этого же года стал работать ассистентом кафедры древней истории и археологии Харьковского университета. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию "Теттский разгром Ольвии". Погиб в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне.

Вич Кассий Маркович (1896-1941), кандидат исторических наук, доцент. Последний предвоенный декан исторического факультета Харьковского университета, в 1939 г. - первой половине 1941 г. возглавлял здесь же кафедру новой истории. В 1940 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук "Анархосиндикализм во Франции в предвоенные годы (1908-1914)". Опубликовал несколько научных и научно-популярных работ по истории Франции начала XX в. Погиб при обороне Москвы от немецко-фашистских захватчиков осенью 1941 г.

Волосник Юрий Петрович (1962 г. рожд.). В 1986 г. окончил исторический факультет Харьковского университета, с января 1987 г. работает здесь же преподавателем кафедры истории СССР. Занимается исследованием деятельности городских Советов Украины по осуществлению непа в 1921-1928 гг. Опубликовал несколько статей.

Гарчев Петр Иванович (1923 г. рожд.), доктор исторических наук, профессор. В 1949 г. окончил исторический факультет Одесского педагогического института. До 1956 г. преподавал историю Украины на историческом факультете Сумского педагогического института. С 1956 по 1973 гг. - доцент, профессор кафедры истории УССР Харьковского университета. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию "Красная гвардия в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Украине". За время работы в Харьковском университете опубликовал около 40 научных и научно-популярных работ, в числе которых монография "Червона гвардія України у Жовтневій революції" (1969 г.), "Микола Олександрович Руднев" (1973 г.). Был членом специализированного совета факультета. В настоящее время - профессор кафедры истории СССР Симферопольского государственного университета им.М.В.Фрунзе.

Голубкин Юрий Алексеевич (1941 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1960-1964 гг. учился во Львовском университете. Работал учителем истории в средней школе. С 1970 г. - преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХГУ. Читает курс истории средних веков и спецкурс "Раннебуржуазная революция в Германии". В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию "Общественно-политические взгляды и позиции Мартина Лютера во время второго периода раннебуржуазной революции в Германии (1521-1524 гг.)". Опубликовал более 30 статей и монографию "Реформатор и революция (Слово и дело Мартина Лютера)" (1992 г.). Один из авторов монографии "Харьковский государственный университет. 1805-1980. Исторический очерк" (1980 г.). Главные направления научных исследований - история и историография Реформации и Крестьянской войны в Германии; история

медиевистики на Украине; историческое краеведение. Несколько лет выполняет обязанности ответственного секретаря "Вестника Харьковского университета" (серия "история"). Член специализированного совета факультета.

Гольденберг Владимир Александрович (1900-1956), кандидат исторических наук, доцент. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. В 1920-1926 гг. учился вначале в Харьковском институте народного образования, затем в медицинском институте, который окончил в 1926 г. Преподавал в средних школах Харькова обществоведение и историю. В 1934-1938 гг. читал лекции по истории древнего мира и средних веков в Харьковском педагогическом институте и Украинском коммунистическом институте журналистики. С 1938 г. - старший преподаватель кафедры древней истории и археологии ХГУ. Одновременно заведовал кафедрой истории Харьковского библиотечного института. С сентября 1941 г. по февраль 1946 г. проходил службу в Советской Армии на медицинских должностях. Награжден боевыми орденами и медалями. После демобилизации возвратился в Харьковский университет. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию "Гражданская война в Риме в 69 году н.э. (К вопросу о социальном содержании войны четырех императоров)". Автор значительного числа научных и научно-популярных работ, учебных пособий по истории Древнего Востока, Древней Греции и Рима.

Гриневиц Константин Эдуардович (1891-1970), доктор исторических наук, профессор. В 1915 г. окончил отделение истории историко-филологического факультета Харьковского университета, где был оставлен для продолжения научных занятий. Первые научные публикации относятся к его студенческим годам. Вскоре после окончания университета выехал в Петроград, работал там несколько лет доцентом. В начале 20-х годов исполнил обязанности директора Керченского музея, а в 1924 г. стал директором Херсонесского музея. Проводил широкие археологические исследования на Боспоре, в Херсонесе и на его окраинах. Создал археологический музей, ставший важным научно-исследовательским центром Крыма. В течение многих лет редактировал "Херсонесский сборник". В 1926 г. ему присвоено

звание профессора. В 30-е годы был репрессирован. В 1944-1948 гг. работал в Томском университете, где защитил докторскую диссертацию, подводившую итоги его многолетней работы по изучению оборонной системы Херсонеса Таврического. С 1948 по 1953 гг. — профессор Кабардинского педагогического института. Исследовал археологические памятники Северного Кавказа. С 1953 по 1966 гг. руководил кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета. Проводил раскопки древней Ольвии. Исследовал вопросы древней истории, истории искусств, работал над проблемами музееведения. Читал общие и специальные курсы по древней истории, археологии, искусству. Автор многочисленных работ по указанным проблемам. В числе его учеников — доктора и кандидаты наук, известные историки и археологи.

Довгопол Василий Никитич (1919-1981), доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 г. окончил исторический факультет Харьковского университета; обучался в аспирантуре, а затем работал преподавателем кафедры истории СССР. В 1953 г. защитил кандидатскую, в 1972 г. — докторскую диссертации. С 1973 г. — профессор кафедры истории УССР КГУ. Читал общие и специальные курсы по истории УССР советского периода, историографии Украины, методике преподавания истории. В 1963-1964 гг. был деканом исторического факультета. Активно разрабатывал историю рабочего класса Украины. Автор более 100 работ по истории Украины. Среди них монография "Робітничий клас в роки соціалістичної Індустріалізації (1926-1929 рр.)" (1971 г.), учебное пособие "Джерелознавство Історії України" (в соавторстве, 1986 г.), второй том "Історії Української РСР" (в соавторстве, 1987 г.). Входил в состав редакционной коллегии шестого тома многотомной "Історії Української РСР". В 1985 г. проф. И.К. Рыбалке и проф. В.Н. Довгополу (посмертно) была присуждена Государственная премия Украинской ССР за учебник для вузов — "Історія Української РСР". В течение многих лет был членом специализированного совета факультета.

Духопельников Владимир Михайлович (1941 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент.

В 1969 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. Работает в университете с 1967 г. С 1975 г. — на кафедре истории СССР: преподаватель, старший преподаватель, доцент. Читает общие и специальные курсы по истории СССР (период феодализма). Научные интересы связаны с деятельностью Советов Украины в годы нэпа. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию "Деятельность Советов Харьковщины в восстановительный период (1921—1925 гг.)". Опубликовал более 10 научных работ и несколько учебно-методических пособий.

Дьяченко Александр Григорьевич (1949 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1971 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1971 по 1975 гг. служил в рядах Советской Армии, был на комсомольской работе. В 1975—1977 гг. работал в ХГУ преподавателем кафедры истории древнего мира и археологии, а в 1977—1982 гг. — преподавателем кафедры историографии, источниковедения и археологии. Читал общие курсы по археологии, истории Древнего Востока, спецкурсы. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию "Славянские памятники VII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца". За время работы в Харьковском университете опубликовал более 10 научных работ и учебно-методических пособий по проблемам славяно-русской археологии и использования математических и естественно-научных методов в археологии. В настоящее время — доцент кафедры всеобщей истории Харьковского института культуры.

Дьячков Сергей Владимирович (1957 г. рожд.), кандидат исторических наук. В 1983 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. Работал учителем истории в средней школе № 83 Харькова. С 1988 г. — преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков ХГУ. Читает курсы лекций по истории средних веков, проводит практические занятия по истории древнего мира и истории средних веков. В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию "Особенности социально-политического развития античных государств Северного Причерноморья". В настоящее время работает над проблемами истории Херсонеса Таврического в античное время и в эпоху средневековья. Имеет около 10 публикаций.

Елкин Анатолий Иванович (1952 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. В 1975 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. В 1975-1977 гг. обучался в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории, с 1977 г. - преподаватель, старший преподаватель, доцент той же кафедры ХГУ. Читает общие и специальные курсы по новой и новейшей истории Европы и Америки, а также по истории международных отношений и внешней политике СССР. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию "Участие ЛКСМ и Союзов молодежи ПНР в советско-польском идеологическом и экономическом сотрудничестве (1971-1978 гг.)". Опубликовал более 10 работ.

Журавский Юлиан Иосифович (1937-1991), кандидат исторических наук, доцент. В 1965 г. окончил исторический факультет Харьковского университета и с этого времени работал в университете: старший инспектор учебной части, в 1966-1971 гг. - начальник учебной части ХГУ, с 1971 г. - старший преподаватель, доцент кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с 1984 по 1991 г. - заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии. Читал общий курс историографии истории СССР, специальные курсы. В 1973-1977 гг. - заместитель декана и и.о. декана факультета, с 1987 г. - декан исторического факультета ХГУ. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию "В.И. Ленин - вождь Великого Октября в советской историографии 1917-1927 годов". Работал в области истории исторической науки, историографической Ленинианы, истории Харьковского университета, исторического краеведения, истории культуры. Опубликовал более 80 научных, научно-популярных работ, учебно-методических пособий. Один из авторов коллективных трудов: "Харьковский государственный университет. 1805-1980. Исторический очерк" (1980 г.), "Бесценные сокровища народа" (1984 г.), "Харьковский университет в годы Великой Отечественной войны" (1989 г.). Был редактором "Вестника ХГУ" (серия "история"), членом специализированного совета факультета.

Зайцев Борис Петрович (1927 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Участник Великой Отечест-

венной войны. В 1956 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1955 г. работал старшим лаборантом археологического музея. С 1964 г. - преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (ныне - кафедра историографии, источниковедения и археологии) ХГУ. Читает общие и специальные курсы по источниковедению истории СССР, вспомогательным историческим дисциплинам (архивоведение, геральдика, нумизматика, хронология, эмблематика и др.). Основное направление научной работы - вспомогательные исторические дисциплины (особенно - советская эмблематика), историческое краеведение, история Харьковского университета. В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию "Эмблематика Советской Украины". Опубликовал свыше 100 научных, научно-популярных работ и учебно-методических пособий. Принимал участие в написании коллективных монографий: "Харьковский государственный университет. 1805-1980. Исторический очерк" (1980 г.) и "Харьковский университет в годы Великой Отечественной войны" (1989 г.). Несколько лет был ученым секретарем специализированного совета факультета, около 10 лет - заместителем декана факультета по научной работе. Имеет государственные награды.

К а б а ч е к В и к т о р Н и к о л а е в и ч (1937-1978), кандидат исторических наук. В 1959 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. Работал учителем истории в школах Харькова. С 1966 по 1978 г. - преподаватель, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории ХГУ. Читал курсы новейшей истории. Исследовал советско-югославские отношения в период второй мировой войны и в послевоенные годы. Автор 12 научных публикаций. В феврале 1978 г. на специализированном совете по всеобщей истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию "Югославо-советское сотрудничество" (март 1945 - февраль 1946 гг.).

К а д е е в В л а д и м и р И в а н о в и ч (1927 г. рож.), доктор исторических наук, профессор. В 1956 г. окончил исторический факультет Харьковского университета, работал старшим лаборантом, заведующим археологического музея университета. С 1959 по 1961 гг. обучался в аспирантуре при кафедре древней

истории и археологии, одновременно был преподавателем кафедры на условиях почасовой оплаты. С 1961 г. — преподаватель, старший преподаватель, с 1964 г. — доцент кафедры древней истории и археологии, с 1977 г. — по настоящее время — профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков. В 1978–1982 гг. — декан исторического факультета ХГУ. В разные годы преподавал археологию, историю первобытного общества, историю древнего мира. Сейчас читает историю Древней Греции и Рима, спецкурсы, ведет спецсеминары. В течение многих лет руководил археологическими практиками и экспедициями. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию "Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э.", в 1975 г. — в Институте археологии АН СССР — докторскую диссертацию "Херсонес Таврический в I в. до н.э. — III в. н.э.". Автор более 120 публикаций научного, научно-популярного и учебно-методического характера (см.: Владимир Иванович Кадеев — профессор Харьковского университета: Библиогр. указ. X., 1987). В их числе монографии: "Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. (1970 г.)", "Херсонес Таврический в первых веках нашей эры" (1981 г.), "Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. — V в. н.э. (На материалах Херсонеса)" (1989 г., в соавторстве с С.Б. Сорочаном). Член специализированных советов при историческом факультете Харьковского университета и Института археологии АН УССР.

Кадиниченко Владимир Викторович (1947 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент. Окончил исторический факультет Харьковского университета в 1976 г. Работал учителем истории в средних школах Харькова. В 1976–1980 гг. обучался в заочной аспирантуре при кафедре истории УССР ХГУ. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию "Аграрные преобразования на Левобережной Украине (конец 1919 — 1923 гг.)". С 1980 г. — преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры истории УССР. Читает общие курсы по истории Украины, методике преподавания истории, спецкурсы. Автор более 20 печатных работ по проблемам аграрных преобразований на Украине, в том числе монографии "Селянське господарство України в доколгоспний період (1921–1929 рр.)" (1991 г.). На протяжении ряда лет исполнял обязанности ученого секретаря специализированного совета по защите кандидатских диссертаций.

Ка л у ц к а я Л ю б о в ь П а в л о в н а (1921-1983), кандидат исторических наук, доцент. В 1945 г. окончила исторический факультет Харьковского университета. С 1945 по 1948 гг. училась в аспирантуре при кафедре истории средних веков, одновременно преподавала историю в учебных заведениях Харькова. С 1948 г. после окончания аспирантуры в течение 35 лет работала преподавателем, старшим преподавателем, доцентом исторического факультета ХГУ. В 1961 г. защитила кандидатскую диссертацию "Политические идеи кардинала Ришелье". Ее научные интересы были сосредоточены на истории Франции XVI - первой половины XVII вв., истории средневековой культуры, историографии истории средних веков. Читала общий курс истории средних веков, спецкурсы по истории средневековой культуры, историографии и источниковедению средних веков. Автор более 40 научно-исследовательских, научно-популярных и учебно-методических работ, в том числе раздела учебника "История средних веков" (М., 1964). Несколько лет исполняла обязанности ученого секретаря совета исторического факультета.

Ка п л и н А л е к с а н д р Д м и т р и е в и ч (1961 г. рожд.), кандидат исторических наук. В 1983 г. окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1983 по 1986 гг. обучался в аспирантуре при кафедре историографии, источниковедения и археологии. С 1986 г. - преподаватель той же кафедры. В 1987 г. в Ленинградском отделении Института истории АН СССР защитил кандидатскую диссертацию "Современная историография борьбы против вооруженной контрреволюции в период триумфального шествия Советской власти". Читает общие курсы по источниковедению истории СССР, методологическим проблемам исторической науки, спецкурсы, ведет спецсеминары. Опубликовал более 20 работ.

К о в а л е в с к и й А н д р е й П е т р о в и ч (1896-1969), доктор исторических наук, профессор. В 1916-1918 гг. учился в Лазаревском Институте восточных языков (Москва) на отделении арабской филологии, в 1918-1922 гг. - на историко-филологическом факультете Харьковского университета. С 1922 по 1933 гг. - аспирант, научный сотрудник, заведующий сектором этнографии научно-исследовательской кафедры истории украинской

культуры, преобразованной тогда же в Институт истории им.акад. Д.И.Багалей (Харьков), преподавал в Харьковском институте народного образования. В последующие годы был научным сотрудником Института востоковедения Наркомпроса УССР и ЦНБ ХГУ, работал в государственном Музее этнографии и Институте востоковедения АН СССР (Ленинград). В 1937 г. по совокупности работ ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В 1938 г. был репрессирован и до 1944 г. находился в административной ссылке на Севере. В 1944 г. возвратился в Харьков, преподавал в пединституте, одновременно являясь докторантом Института востоковедения АН СССР. В 1947-1949 гг. - старший научный сотрудник Института востоковедения и доцент восточного факультета Ленинградского университета. С конца 1948 г. работал в Харьковском университете в должности доцента, заведующего кафедрой новой истории, с 1964 по 1969 гг. возглавлял кафедру истории средних веков. В 1951 г. защитил докторскую диссертацию об Ибн-Фадлане. Научные интересы ученого были широки и многообразны: арабские источники, их расшифровка, перевод и комментирование; история Востока; переводы и публикация восточных авторов на украинский язык; украинская и зарубежная литература; этнография и т.д. Его перу принадлежит более 60 оригинальных научных трудов (см.: Ковалівський, Андрій Петрович: Бібліографія. Х., 1966). В Харьковском университете читал общие курсы по истории средних веков, истории стран Азии и Африки, спецкурсы "История Египта нового времени", "Источниковедение новой истории", вел практические занятия по чтению арабских рукописей. Под его руководством было написано много кандидатских и докторских диссертаций. В 1966 г. указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР А.П.Ковалевскому было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки УССР.

(Окончание в следующем выпуске)

Поступили в редколлегию 03.II.90

СОДЕРЖАНИЕ

В у т е н к о В.І. Розвиток кустарно-ремісничої кооперації України в період непу (1921-1928).....	3
К а л і н і ч е н к о В.В. Бюджет Індивідуального селянського господарства України в 20-х роках.....	10
В о р и с е н к о Е.А. Кулацкие слои украинской деревни в условиях дифференциации крестьянских хозяйств в конце 20-х годов.....	21
В о л о с н и к Ю.П. Деятельность горсоветов Украины по использованию частнокапиталистических элементов в промышленности и торговле в годы непа (1921-1928)....	30
Д у х о п е л ь н и к о в В.М. Работа Харьковского горсовета по развитию народного образования (вторая половина 20-х - 30-е годы).....	38
К у р я к и н В.И. К истории вступления США в большую мировую политику (конец XIX - начало XX веков).....	46
К о в а л е в В.И. Становление национальных комитетов как органов народной власти в Чехословакии.....	52
Ч у в п и л о А.А. Политический курс Индийского национального конгресса и внутрипартийные противоречия в 1931-1936 гг.	61
С е р г ё е в И.П. О военных реформах в Римской империи в конце II-III вв. н.э.	72
Д ь я ч к о в С.В. Римские граждане и римская политика на Боспоре в I в. до н.э. - III в. н.э.	81
С о р о ч а н С.Б. О политической роли и идейной ориентации торгово-промышленного населения Византии в эпоху иконоборчества.....	91
П о с о х о в С.И. Переход советской науки на новые методологические позиции в 20-30-е гг. (Некоторые вопросы современной отечественной историографии).....	101
Г о л у б к и н Ю.А. К истории медиэвистики в Харьковском университете (Л.П.Калущая).....	109

Кравченко В.В. А.О.Скальковский як Історик гайдамачини.....	113
Лиман С.И. Харьковский период научной деятельности профессора А.Л.Погодина.....	124
Михеев В.К., Колода В.В. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине..	133
Буйнов Ю.В., Кузьменко А.С. Типология кухонной посуды бондарихинской культуры. (Опыт многомерного статистического анализа).....	139
Смоляницкий Б.М., Куделко С.М. Основные проблемы внедрения персональных ЭВМ в практику музейной работы.....	151
<u>Ю.И.Журавский</u> , Б.П.Зайцев, С.М.Куделко. Материалы к биобиблиографическому словарю препода- вателей исторического факультета Харьковского государственного университета (советский период).....	158

Збірник наукових праць
ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
№ 363

ИСТОРИЯ

В ы п у с к 26

Редактор Л.А.К о п е ц ь к а
Художній редактор Т.П.К о р о л е н к о
Технічний редактор І.А.О м е л ь ч е н к о
Коректор Є.В.В л а н к

Н/К

Підписано до друку 10.06.92. Формат 60х84 1/16. Папір друк. № 2.

Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 9. Ум. фарбо-відб. 9,25.

Обл.-вид. арк. 9. Видав. № 2110. Зам. № 2258. Замовне.

Видавництво "Основа" при Харківському державному університеті.

80-00' 310005, Харків, пл. Повстання, 17.

Харківське міжвузівське орендне поліграфічне підприємство.

310093, Харків, вул. Свердлова, 115.

